

Б. Рабинвич

МОИ ДРУЗЬЯ

Свердлов 1940

Б. РЯБИНИН

МОИ ДРУЗЬЯ

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ
ПЕРЕРАБОТАННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ

19 40

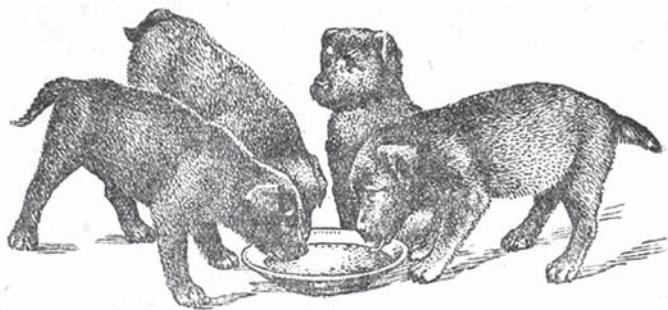
СВЕРДЛОВСКОЕ ОБЛАСТНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
СВЕРДЛОВСК

РЕБЯТА:

Напишите нам свой отзыв об этой книге — понравилась ли она вам, какие недостатки заметили в ней.

Не забудьте сообщить и о себе: где живете, учитесь и сколько вам лет.

Пишите по адресу: Свердловск, Банковский пер., 3, Областное государственное издательство.

ЛОПУХИЙ ПИТОМЕЦ

Надпись на воротах привлекла мое внимание:

ПРОДАЮТСЯ ДОГИ-ЩЕНКИ

Размышляя, постоял секунду. „Доги“ — представилось что-то огромное, страшное, наподобие льва или тигра. Зайду, посмотрю. Ведь еще в детстве мечтал приобрести собаку, обязательно „большую“ (маленьких не признавал) и обязательно щенком, чтобы воспитать и выучить самому.

Постучал. В приоткрытые ворота высунулась женская голова.

— Интересуетесь догом? Сейчас принесу щенка! — И женщина исчезла, предусмотрительно захлопнув ворота.

На дворе кто-то басисто залаял. Через минуту ворота вновь приоткрылись, и я вошел во двор. На руках у женщины болтался, нелепо растопылив костистые лапы, пучеглазый щенок. На земле у ног хозяйки прыгал другой щенок, неуклюже подбрасывая свое тщедушное, костлявое тело.

— Худые какие... — несмело выговорил я.

— Растут же! — возразила женщина и нагнулась, чтобы осторожно спустить щенка на землю. — Пока расти не перестанет, все худой будет, хоть чем угодно кормите.

Щенки сейчас же принялись играть, неуклюже стараясь забросить тяжелые лапы на спину друг другу. Один, не удержавшись, шлепнулся наземь и, перевернувшись на спину, болтал в воздухе лапами. Другой с притворной яростью бросался на лежащего, стараясь уцепиться за розовое, чуть подернутое нежной шерсткой, брюшко.

— Но они большие уже,—разочарованно заметил я,—а мне хотелось взять маленького...

— Да какие же большие? Что вы! Им и двух месяцев-то еще нет.

— Двух месяцев?—удивился я. Щенки были по крайней мере со взрослого шпица.—Какие же они будут, когда вырастут?

— А я вам сейчас мать покажу,—предложила хозяйка.—Только стойте смирно, не шевелитесь.

Женщина приоткрыла дверь квартиры и кому-то закричала:

— Сильва, ко мне!

За дверями послышалось тяжелое топанье, и во двор выпрыгнула огромная собака. Я невольно ахнул от удивления. Передо мной стоял великан-дог с блестящей, точно напoмаженной шерстью дымчато-пепельного цвета. По приказанию хозяйки дог покорно сел у ее ног, расправив по земле свой длинный гладкий хвост.

Массивная, угловатая голова дога заканчивалась на макушке маленькими, настороженно поставленными остроконечными ушами. Большие, немного навывкате глаза были окаймлены яркокрасным ободком третьего века¹, что придавало злобное выражение холодному безразличному взгляду собаки.

Встречая этот взгляд, я ощущал невольный трепет. Чувствовалось, что от этого зверя не будет пощады, хоть он и сидит сейчас спокойно у ног своей хозяйки.

Желание иметь такого четвероногого друга вспыхнуло во мне с такой силой, что все сомнения исчезли разом. Щенка я решил купить и, договорившись о цене, тут же внес задаток. Когда хозяйка приблизилась

¹ Глаз собаки имеет три века.

ко мне, чтобы получить деньги, собака поднялась с места.

Она была ростом с теленка и если бы встала на задние лапы, то легко сумела бы положить передние лапы мне на плечи.

Вечером я приехал за щенком.

Он, как и подобает двухмесячному младенцу, крепко спал у себя в конуре и, когда его вытащили оттуда за загривок, непонимающе хлопал вытаращенными глазами и вздрагивал.

С рук хозяйки, не противясь, он перешел на мои руки. У трамвайной остановки пришлось очень долго ждать вагона, и я, присев на скамью, спрятал малыша под пальто.

Немного испуганный темнотой, а может быть и вспомнив о матери, щенок робко заскулил, потом повозился, устраиваясь, как в гнезде, и, пригретый теплотой, уснул.

Так спящего я и привез его домой. Но когда я спустил его на пол, весь сон у него как рукой сняло, и малыш с хозяйственным видом (так, по крайней мере, мне казалось) принялся за осмотр своих новых владений.

Он обнюхал все углы, все стены, засунул свой черный блестящий нос во все посудины, до каких только мог дотянуться, стащил из кухни упавшую со стола морковку и, спрятавшись в дальний угол комнаты, с аппетитом ее сожрал.

С первых же дней щенок поразил меня своим обжорством. Маленький, худенький, он целые дни шнырял по квартире в поисках какого-нибудь оброненного или забытого кусочка хлеба.

Свой рацион он пожирал мгновенно и тотчас бежал на кухню в тайной надежде перехватить и там чего-нибудь.

В квартире в то время шел ремонт. Маляры красили окна, белили потолки и стены. По всем комнатам стояли ведерки с краской, водой, известью. И стоило только на минуту отпустить малыша, как уже слышишь из комнаты несется громкое смачное шлепанье, как будто бабы полощут белье на реке. Бежишь на этот

звук и видишь как щенок, вытянувшись на цыпочках, локает краску в ведре.

Кричишь: „Нельзя!“— щенок повертывает на окрик свою мордашку, измазанную синей краской, и недоуменно смотрит на хозяина, как будто спрашивая: почему нельзя, когда так вкусно?

Но только щенок убежал в другую комнату, как через минуту история повторялась вновь.

На этот раз он локал уже олифу или разведенную в воде известку.

Хлопот причинял он уйму! Следить приходилось за каждым его шагом. Оставив его одного в комнате— сожрет любую гадость. Выпустишь его на улицу, не досмотришь— сейчас же раскопает что-нибудь на помойке. Возвращаясь домой с улицы, обязательно оторвет в сених капустный листик от кочанов, заготовленных на зиму, и утащит к себе.

С первого же дня я отвел щенку уголок в кухне у печки и подбросил туда временную подстилку— старенький, дырявый пиджак.

С местом малыш быстро освоился, привык к нему и спать всегда уходил туда, никогда не позволяя себе вольности вздремнуть где-нибудь на полу, как говорится, „посереде дороги“.

Когда ремонт в квартире закончился, все вещи и мебель стали по своим местам, щенку был отведен постоянный уголок в моей комнате за кроватью и положен специально сшитый матрасик. А старая подстилка была выброшена в сени. Но малыш неожиданно для меня никак не хотел примириться с потерей своей дырявой постели и каждый раз, как попадал в сени, обязательно хватал пиджачишко в зубы и пытался водворить его на старое место. Пришлось дырявую подстилку убрать совсем, и только тогда постепенно щенок привык к новому месту.

Скулить он больше не пробовал. Очень скоро мой дом признал за свой дом и теперь тщательно оберегал его. При всяком подозрительном стуке и шуме уши его, похожие на два полуопущенных лопушка, настороженно шевелились, а иногда он даже порывался неумело, по-щенячьи залаять.

При покупке щенка хозяйка его вручила мне кой-какие документы на собаку. Увлеченный щенком, я первое время совсем забыл о них, но как-то раз, случайно наткнувшись на документы, рассмотрел их более внимательно.

Тут были: бланк заявления собаководов, вступающего в организацию Осоавиахима, охранное свидетельство, карточка на выдачу продуктов для питания собаки с табелем отметок по дрессировке на обороте, свидетельство заводчика и жестяная круглая бляшка с номером.

Понятно было для меня только последнее — собачий номер. Остальное все — ново и непонятно.

Из свидетельства заводчика я узнал, что моего дога зовут Дженоралем, что он весьма важен родом: отец и мать — лучшие доги Свердловска, деды — премированные победители выставок, а прадед носил звание чемпиона СССР.

Узнал я также, что Дженораль, или, как называл я собаку, Джери, родился 25 июля 1933 года и все его отцы и деды вписаны в родословную книгу, во второй том.

Из бланка заявления я понял, что всякий владелец служебной собаки, призванной служить делу обороны Советской страны, должен встать на учет в Свердловском комитете служебного собаководства Осоавиахима.

Все это звучало так торжественно и явилось для меня таким откровением, что я почувствовал себя, на первых порах, счастливчиком, выигравшим неожиданно сто тысяч. А на своего лопухого воспитанника стал поглядывать с большим уважением.

Меня очень заинтересовало сообщение, что я должен стать членом комитета служебного собаководства. В бланке был указан и адрес его — Дом обороны.

Желая познакомиться с этой организацией, я в один из ближайших свободных дней отправился на поиски комитета.

Найти его было легко, и я скоро стоял перед дверью, на которой висела дощечка с надписью:

НАЧАЛЬНИК КОМИТЕТА
СЛУЖЕБНОГО СОБАКОВОДСТВА

За столом сидел человек в военном, с тремя красными звездочками на петлицах. По стенам были развешены фотографические снимки собак, таблицы, цветные плакаты. В углу на тумбочке стоял скелет собаки. Выслушав мои несколько путанные объяснения (толком-то я еще всего не понимал), военный вежливо улыбнулся.

— Что ж, новый член комитета, значит? Очень хорошо! Только нужно будет свою неграмотность ликвидировать и с собачкой начать работать.

Я с удивлением посмотрел на военного.

— Кинологическую неграмотность, — объяснил он, — собаководческую, значит. А то как же вы будете воспитывать собаку, дрессировать ее, если сами даже азов не знаете?

— Так и дрессировать самому?! — воскликнул я.

— Ну, конечно, в этом вся система нашей работы. Человек учится сам и учит свою собаку — тем самым оба работают на оборону страны. В ближайшее время мы организуем новую группу — семинар для любителей-собаководов. Два раза в шестидневку они будут собираться и изучать все, что касается служебного собаководства. В эту группу я включу и вас.

Час от часу не легче! Я ужаснулся при мысли, что ради оловянных глаз моего питомца мне придется терять два вечера в шестидневку. Утешил себя хоть тем, что, может быть, действительно, собаку выращу интересную.

— Сколько времени вашему щенку? Три месяца — нужно будет посмотреть на него.

Я пообещал на завтра притти с Джери.

— А уши купировали уже? — спросил начальник комитета. — Нет?

Я непонимающе потряс головой.

— Разве вы не знаете? Догу же нужно уши подрезать, чтобы придать им остроконечную форму и стоячее положение. И чем раньше вы это сделаете, тем лучше.

А то с возрастом хрящи затвердевают, и операция будет мучительной.

Это было уже слишком. Семинар, дрессировка, уши резать, нехватало еще чтобы предложили щенка в люльке качать!

Начальник засмеялся.

— Ну, в люльке вам его качать не придется, даже, наоборот, мы против изнеженных собак; а вот, когда вы его приведете показать, тогда увидим — может, и еще что потребуется для его воспитания.

На другой день я привел Джери в комитет.

Начальник долго обхаживал его, осторожно щупал, заглянул в пасть и, наконец, поздравил меня с удачным щенком.

— Хотя приобретение ваше и случайное, но оказалось удачным. Обычно для покупки породистого щенка служебной породы обращаются к нам, и мы уже даем рекомендацию кого и где купить. А в общем все хорошо.

Но для меня было далеко не так „все хорошо“.

Мой щенок, несмотря на свои три месяца, еще не привык к чистоплотности. Свои естественные потребности он без стеснений выполнял где попало.

Я пробовал кричать на него. Щенок пугался, припадал к полу, виляя хвостиком, и, вытаращив глазенки, смотрел на меня невинно и преданно. Ясно было, что он совершенно не понимал, за что его ругают.

Тогда я решил действовать по-иному. Я стал внимательно присматриваться к поведению щенка и очень скоро заметил, что вскоре после обеда или завтрака он начинал беспокойно суетиться, кружиться на месте, торопливо вынюхивая пол, как бы ища укромный уголок.

Я подхватывал щенка под брюшко и поспешно тащил его во двор.

Конечно, такое неусыпное наблюдение требовало от меня чрезвычайно много времени, но, как я убедился впоследствии, это был единственно правильный способ приучить щенка к чистоплотности.

Прошло некоторое время, и малыш не стал беспомощно кружиться по квартире, а сам бежал к дверям.

Но, добежав до дверей, он не ждал больше ни секунды, и беда случалась с ним тут же на пороге.

Всердцах я несколько раз его больно прибил. (О чем впоследствии много раз сожалел.) Ничего не действовало. Щенок проявлял совершенно непонятное упрямство. Редкий раз я успевал его выпустить заблаговременно во двор. Сколько я ни старался втолковать ему, что нужно „проситься“, он, казалось, не желал этого понимать.

Я уже с тревогой начинал спрашивать себя, что же будет дальше?

Неужели щенок так беспрочно глуп?

А мои родные, наблюдая за моими бесполезными стараниями, неодобрительно качали головами.

Начальник комитета, узнав о моей тревоге, только улыбнулся.

— Ну вот, уж это-то совсем пустяки! И беспокойство ваше напрасно. Бить щенка ни в коем случае не надо, а выпускать каждый раз во двор необходимо. Пройдет месяц-два, и он сам отучится от своего неряшества. Просто он еще слишком мал, чтобы выполнять ваше желание. Желудок мал объемом, поел щенок — нужно сейчас же выпустить его во двор. И вообще выпускайте его почаще. Подрастет ваш питомец, окрепнет, и все наладится. Все будет хорошо. Вот только... — начальник сделал серьезное лицо и, еще раз осмотрев Джери, внушительно добавил:

— Рахит. Видите? — показал он пальцем на передние лапы щенка, сильно утолщенные в суставах.

— Да вы не пугайтесь, — поспешил успокоить меня начальник. — Это дело вполне исправимое и для щенка-дога совершенно обычное. Собака крупная, костяк массивный, для правильного формирования необходима обильная мясокостная пища, побольше движения. А наши собаки, в условиях большого города, зачастую лишены движения. Вырастить хорошего дога — не маленькое дело! Давайте больше костей щенку и как можно больше гуляйте с ним.

— Ничего, ничего! — утешал он меня, видя мое озабоченное лицо. — Вырастет хороший пес и преданный друг. Не пожалеете, что потрудились над ним. Собака

возвратит вам все с процентами. В огонь за вами пойдет, а уж в воду так сам полезет да еще и вас за собой утянет! — пошутил он.

ДЖЕРИ ПОДРАСТАЕТ

Началась моя „школьная“ пора. Вечерами я ходил на семинар в Осоавиахим постигать собаководческую премудрость, а дома, в свободные минуты, пытался применить эту премудрость к своему юному другу. Регулярно дрессировать щенка еще было рано, но кое-чему понемногу можно было начинать учить.

Щенок освоился со своей кличкой, привык к ошейнику и уже не рвался, как бешеный, когда я его брал на поводок.

Пришлось претерпеть и купирование ушей. Операцию производил знакомый хирург. Уши щенка тщательно вымеряли, потом захватили специальными зажимами и отрезали треугольные, так умилавшие меня, лопушки. От боли щенок страшно выл, стонал и так рвался из рук, что три человека с трудом удерживали его на столе. Операция длилась около получаса. Уши заштопали шелковой ниткой, прижгли иодом и тогда изувеченного щенка отпустили.

Операция произвела на меня гнетущее впечатление, жалко было щенка, и в ту пору я дал себе обещание никогда больше не производить эту неприятную процедуру.

А измученный малыш, измазанный иодом и собственной кровью, поскулил немного и полез на колени к своему хозяину, как бы ища там облегчения от перенесенной боли.

Чем старше становился щенок, тем больше сообразительности он проявлял. Еще регулярная дрессировка не началась, но несколько приемов щенок выучил, играя.

Как-то раз на прогулке, в тот момент, когда щенок весело скакал и резвился около меня, я швырнул в сторону палку. Малыш тотчас же стремглав помчался за ней вдогонку, схватил в пасть и принес ко мне. Я его усадил около себя, скомандовал: „дай!“, осторожно

высвободил палку из пасти и, приговаривая: „Хорошо, Джери, хорошо!“, угостил его кусочком сахара (лакомства всегда у меня лежали в кармане). Затем с криком: „Аппорт!“ швырнул палку еще раз. Щенок опять ринулся за ней.

Так я проделал пять раз. На шестой раз щенок бежать отказался — надоело.

Я не стал настаивать, но на следующий день вновь повторил. Щенок выполнял хорошо. По команде: „аппорт“, что в переводе на наш язык значило: „держи, подай“, малыш пулей мчался к тому месту, где упала палка.

Так, знания, полученные на семинаре, я постепенно начал применять и на практике.

Раз, когда Джери особенно послушно вел себя, я решил научить его сидеть.

Настойчиво повторяя: „Сидеть, Джери, сидеть!“, я нажал левой рукой на круп щенка. Джери попытался вырваться, но я крепко держал его правой рукой за ошейник и силой принудил сесть. Испуганно сжавшись, — хотя я легонько нажимал левой рукой, чтобы не причинить ему боли, — щенок сел. Я сейчас же ободрил его: „Хорошо, хорошо, Джери!“ И дал кусочек лакомства.

Едва я отнял руку от спины Джери, он поспешно вскочил. Я посадил его силой вновь. Опять дал лакомства, приговаривая: „Хорошо, Джери, хорошо сидеть“. И так несколько раз. Неторопливо, но настойчиво и спокойно, не застрашивая щенка.

Назавтра повторил все сначала. Щенок уже принял это спокойнее. Он не вырывался и как будто старался понять, в чем тут дело? Смотрел мне в глаза и внимательно прислушивался к слову „сидеть“. А еще через день не понадобилось уже прибегать и к помощи рук. Джери стал садиться по одной команде.

Научить его „лежать“ было уже значительно легче. Посадив щенка, я захватил правой рукой концы передних лап и оттянул их вперед. Тело щенка приняло лежачее положение. Чтобы Джери не попробовал вырваться, я слегка придерживал его левой рукой за спину и настойчиво говорил: „Лежать, хорошо лежать!“

И так проделывал в течение нескольких дней по пяти-шести раз. Джери, в общем-то, очень легко, быстро усвоил команды „сидеть“ и „лежать“. Конечно, за каждое послушное выполнение приказа малыш получал кусочек лакомства, который глотал с поразительной жадностью.

Щенок прекрасно дрессировался даже на простой черный хлеб. И в дальнейшем вся дрессировка была пройдена с ним на хлеб, а иногда на пригоревшую черствую корку.

С некоторого времени я стал замечать, что мой Джери тотчас после обеда уходит во двор и возвращается обратно в очень странном виде: в шерсти морды торчат комья земли, нос густо замазан липкой глиной, и сквозь нее на кончике проступают капли крови.

Заинтересованный этим явлением, я решил проследить за щенком.

Выпустив однажды, как обычно, во двор, я заметил, что он сразу же направился в самый дальний угол двора. Там он быстро вырыл лапой небольшую ямку и затем стал усердно забрасывать ее землей, загребая носом, как лопатой. Когда я подошел к этому месту, щенок с виноватым видом принялся ласкаться ко мне. Расковыряв щепочкой разрыхленную землю, я обнаружил в ямке ломоть черного хлеба. Поковыряв рядом, я нашел еще несколько, уже полусгнивших, кусков, — так давно они, видимо, были зарыты. Была тут и полуобглоданная кость, и целый рыбий хвост, и голова селедки, и еще что-то, я так и не мог разобрать — настолько оно сгнило. Это было какое-то кладбище объедков.

Очевидно, мой запасливый пес остатки от дневного рациона забирал в пасть и относил в свой тайник. А так как в пасть его свободно входил большой ломоть хлеба, то долгое время эти проделки оставались совершенно не замеченными, и смекалистый щенок успел скопить „на черный день“ в своем тайничке порядочный запас.

Этим дело не закончилось. Через несколько дней я заметил, что куски, валявшиеся у разоренного тайника, исчезли.

Пес уже успел подыскать новое местечко и перенести туда свои запасы. Видимо, не в его характере было, чтобы „добро“ пропадало зря.

Кроме обычного суточного рациона, щенок получал много костей. Иногда он не успевал справляться с ними и, устав от многочасовой грызни костей, загребал остаток их под свою подстилку и сверху ложился сам. Таким образом он тоже скопил порядочный запасец, и, когда однажды я эти кости у него „изъял“, пес долго выпрашивал их у меня обратно.

Обедал Джери обычно в прихожей. Как-то раз ему дали много густой, перемешанной с кусками хлеба каши и „наверхосытку“ — костей. Кашу он не доел. Принялся за кости. Минут двадцать слышалось ожесточенное щелканье челюстей и треск костей. Потом внезапно раздалось громкое сопение и стук чашки о пол.

Я выглянул узнать, в чем дело.

Чашка стояла у порога, а Джери, подковыривая с краев хлеб и кашу, тщательно утрамбовывал носом середину чашки, громко сопя и чихая от набившихся в ноздри крошек. Под кашей покоилась недоглоданная кость: пес зарывал ее в кашу.

Убедившись окончательно, что все попытки припрятать кусочек „на черный день“ не достигают цели, хозяин все находит, — Джери, видимо, решил отказаться от этой затеи.

С этого дня он упорно стал уничтожать все, что бы ему ни дали и сколько бы ни дали. Хлеб, каша, хлебка, мясо, кости — все это исчезало в его пасти с непостижимой быстротой.

Первые месяцы я его кормил шесть раз в сутки. Потом постепенно стал уменьшать количество кормежек. К полугоду это уже свелось к трем разам в сутки, а после полугода я стал кормить его как взрослую собаку — два раза в день; в девять часов утра и в пять часов вечера.

Пищу своему воспитаннику старался давать самую разнообразную, начиная с хлеба и каши и кончая мясной похлебкой и вареной рыбой.

От многих знакомых владельцев собак мне приходилось слышать, что они избегают давать своим питом-

цам рыбу из опасения, как бы собака не подавилась острыми рыбными костями.

Но один старый собаковод посоветовал мне иное:

— Рыба — прекрасная пища! И не бойтесь ее давать своему дружку. Не беспокойтесь — не подавится. На далеком севере лайкам дают только рыбу. А ведь живут и не помирают.

Я послушался старого собаководы. Джери поедал рыбу очень охотно. Я ему стал отдавать даже рыбьи кости, оставшиеся от стола.

Один раз, правда, он сильно накололся о них, но зато с тех пор научился осторожности и умело уничтожал их все, даже самые твердые и колючие, как иглы.

Во избежание рахита, я подбавлял в корм щенку рыбий жир — по одной столовой ложке ежедневно.

Несмотря на обильный рацион, щенок вечно чувствовал себя голодным, вечно шнырял в поисках кусочка пищи. Рос он чуть ли не на глазах, но худой оставался попрежнему. Невозможно было гулять с ним по городу без того, чтобы какая-нибудь старушка не проворчала в мою сторону: „Вишь, собаку завел, а кормить скупится. Собака еле ноги таскает с голодухи“.

Щенок, действительно, еле таскал ноги. Вся пища шла на развитие костяка собаки, и мускулы нарастали медленно, отставая от общего роста.

Как-то раз, возвращаясь с прогулки домой, щенок, видимо, решил показать хозяину свою бойкость. С бодрым видом потрусил к дверям квартиры, рззво прыгнул было на рундучок крыльца и, не преодолев этот барьер, споткнулся, ударился челюстью о рундучок, так что лязгнули зубы, и свалился на землю. Плохо еще носили его ноги в то время!

Гулял Джери очень много. Помня наказ начальника о рахите, я не жалел времени на прогулки со щенком. Да они были и интересны, эти прогулки!

Глаз воспитателя почти ежедневно замечал что-нибудь новое в поведении питомца. Сегодня щенок посторонился прохожего и даже облаял его, когда тот попытался приласкать собаку. На завтра, получив внушение от хозяина, не побежал вдогонку за курами. Еще на следующий день прошел целый квартал у левой ноги

хозяина по команде: „рядом“—без окрика и принуждения поводком.

Хожение рядом я повторял почти ежедневно. „Рядом“—трудный прием. Он требует от собаки большой дисциплины, а от дрессировщика—большого упорства.

Вот я прицепил Джери на поводок. Конец поводка в левой руке, я медленно иду, придерживая собаку у левой ноги. Через некоторое время поводок незаметно ослаблен. Джери сейчас же забылся,—игривой молодой собаке трудно сдерживать себя,—и я потянул вперед. Я сейчас же замедлил шаг, так что расстояние между нами сразу увеличилось и скомандовал: „Рядом!“, резко рванув поводок к себе. Джери сразу остановился. Заняв прежнее положение слева от хозяина, он некоторое время внимательно бежит рядом. Заглядывает, как будто что-то спрашивая, в лицо. И в виде поощрения за свое послушание получает кусочек лакомства.

Но вот на дороге попало что-то интересное. Щенок задержался, отстал и внимательно обнюхивает какой-то кустик. Я сразу ускоряю шаг и опять с окриком: „Рядом!“—дергаю поводок.

Джери с виноватым видом занимает свое место. Так постепенно он привык к команде „рядом“. Теперь я мог на прогулке поводок отцепить совсем, и достаточно было одной команды, чтобы собака бежала послушно у ноги хозяина.

Я радовался, замечая все это, видя, как на моих глазах из маленького, длиннолапного нелепого существа формируется мой четвероногий товарищ, способный уже что-то выполнять, что-то запоминать, казалось, даже что-то мыслить.

Давно уже прошло то время, когда я безрезультатно старался приучить его к чистоплотности. К полугоду он стал безупречен.

Начальник оказался прав: щенок не мог, пока не окреп физически, выполнить то, что я от него требовал. А я-то обвинял его в глупости!

Зимой моего малыша стали допекать морозы. Дог не имеет пушистой шубы, шерсть его очень коротка, хотя так густа, что в некоторых местах, например, на спине—невозможно добраться до тела. У щенка же

шуба была совсем жидкой, да и к тому же — недостаток жирового покрова..

Небольшие морозы Джери еще терпел, но в суровые декабрьские дни для него начались муки. Щенок горбился, скрючивался, стараясь сжаться в комочек и придерживая то одну, то другую лапу на весу, торопливо, как от горячей сковороды, отрывал их от земли. Лапы начинало ломить, и щенок опрометью бежал домой. И там, лежа в своем уголке, еще долго повизгивал, осторожно полизывая заокоченевшие лапы.

Но я с ним не церемонился и гулял почти при всякой погоде, желая вырастить выносливую собаку.

И в дальнейшем, когда щенок вырос и превратился в грозного пса, он свободно стал переносить тридцати и даже тридцатипятиградусные морозы.

ЧЕТВЕРОНОГИЕ ШКОЛЬНИКИ

Джери минуло восемь месяцев, и для него началась регулярная учеба: он стал учиться на дрессировочной площадке.

К этому времени Джери превратился в долговязого костлявого пса, более похожего на недоношенного жеребенка, чем на собаку. Но ум, светившийся в его вытаращенных глазах, блестящая атласная шерсть и важная, полная достоинства, поступь уже говорили о породе. Недрачливый и спокойный по природе, Джери быстро освоился с площадкой, с шумом и гамом многочисленного сборища и прекрасно вел себя даже на групповых занятиях.

На площадке я стал дрессировать Джери на выдержку. Посадив его, сам отходил в сторону и затем на расстоянии двадцати-тридцати шагов командовал: „Лежать!“, „Голос!“... Пес послушно исполнял. Он великолепно дрессировался на кусочек черного хлеба, в то время как другие собаки зачастую не хотели работать даже на мясо. Джери же всю дрессировку прошел исключительно на черствые корки ржаного хлеба.

Его „прилежание“ и быстрые успехи по дрессировке даже вызывали удивление у многих владельцев собак. Почему-то среди них было распространено мнение, что

дог „глупей“ овчарок, доберманов и многих других пород, а поэтому хуже поддается дрессировке.

Это, конечно, было неверно. Просто дог несколько упрямей других собак, к тому же он очень велик и с ним трудно справляться. Нужно суметь подчинить его своему влиянию. А это-то самое трудное. Именно этого и нехватало многим хозяевам собак. Я же теперь мог с гордостью убедиться, что мои заботы не пропали зря. Джери понимал меня с полуслова. И наши занятия шли настолько успешно, что мой дог обогнал даже многих овчарок, начавших ранее его дрессироваться.

Это не значило, конечно, что мой Джери мог научиться чему угодно. Скажем, ходить по следу. Теперь я знал, что не каждая собака может это сделать. Стать ищейками могут немногие породы собак. Одна из них — немецкая овчарка. Она имеет такое удивительное чутье, что может найти по слабому запаху нужный след среди множества других запахов. И это никак не значит, что другие породы собак хуже ее. Каждая имеет свои особенности, свои, только ей присущие, достоинства. И каждая по-своему ценна и нужна человеку.

На площадке я убедился и еще кое в чем. Вовсе не обязательно щенку быть худым, как сказала мне бывшая хозяйка Джери. Опять же это зависело от породы. Собаки с длинной шерстью, как, например, лайки, овчарки, и в щенячьем возрасте выглядели уже кругленькими и пушистыми.

Очень много времени отнимала дрессировка на выдержку.

Выдержку я развивал у Джери и дома. Поставишь перед собакой чашку с кормом и скомандуешь: „Фу!“ — нельзя, значит.

Пес сидит, как истукан. Глаза, не отрываясь, глядят на чашку. Слюна в два ручья бежит из закрытой пасти. Я уйду в другую комнату. Все равно пес не тронет, пока не услышит долгожданной команды: „Возьми!“ Тогда с жадностью кинется он на чашку.

Как-то раз, посадив собаку перед кормом, я забыл, что в прихожей у чашки томится мой послушный друг. Вдруг я услышал из соседней комнаты голос матери:

— Почему сегодня Джери корм не ест?

Я выскочил в прихожую. В углу нетронутая чашка с кормом. Перед ней лужа слюны. Джери обиженно укладывается спать на своей постели.

Пес ждал-ждал, устал от ожидания, решил, видимо, что пообедать ему сегодня не удастся и с горя пошел спать.

Дрессировочная площадка была расположена на берегу небольшой речки, и с наступлением теплой погоды я начал Джери приучать к воде.

Кинув в воду палку недалеко от берега, я скомандовал:

— Аппорт!

Дог резво побежал к берегу, осторожно вошел по грудь в воду, но дальше — ни с места! Никакие уговоры не действовали. Не помог даже кусок хлеба, проплывший по течению у самого носа собаки. Дог из кожи лез, стараясь дотянуться до него, но плыть никак не хотел. Тогда я стал отплывать на лодке на середину реки, ласково зовя за собой своего друга. Но и это не помогло. Джери тревожно бегал по берегу, входил в воду, жалобно визжал, но плыть боялся.

Пришлось пойти на крайние меры. Прицепив к ошейнику собаки конец длинного прочного шнура, я отплыл в лодке от берега. Другой конец шнура я держал в руке. Ласково командуя собаке, я вдруг быстро-быстро стал выбирать шнур к себе. Джери оказался в воде. Хотел рвануться обратно, но шнур не пустил его. Пес завизжал, заметался, я еще подтянул шнур — голова собаки окунулась в воду, дог фыркнул... и всплыл. Сейчас же повернулся обратно, но я опять потянул к себе, и Джери, неловко шлепая по воде лапами, поплыл ко мне.

Конечно, тут был некоторый риск. Пес мог сильно испугаться. Но... день был так жарок — бока собаки учащенно вздымались, как кузнечные меха, язык, как тряпка, висел из пасти, — а вода так приятно прохладна!..

И Джери быстро понял, что купанье не такая уж неприятная вещь. Лиха беда — начало! Постепенно дог привык к воде. С каждым купаньем страх уменьшался, а вскоре и пропал совсем.

К середине лета Джери уже любил воду, как утка. Давно уже были забыты те времена, когда его приходилось в воду втаскивать на веревке. С утра до вечера он мог плескаться в реке, отфыркиваясь и откашливаясь от попадавших в ноздри брызг.

Кстати, здесь на воде я заметил еще одну особенность, которой наградила моего друга природа. Если „на суше“ у Джери пальцы лап были собраны в мягкие упругие комочки, то в воде они распускались, пальцы напрягались, между ними оказывались перепонки, и вся лапа становилась похожей на утиную. И плавал Джери по-утиному, загребая воду.

Очень полюбил он приносить из воды apport.

Я швырял в реку,—насколько только хватало сил,—какой-нибудь предмет, обычно палку или баклушку. Пес, как ошпаренный, бросался за ней, мигом догоняя плывшую по течению деревяшку, и приносил ко мне. Так проделывалось несколько раз.

После этого я оставлял собаку сидеть на берегу, сам садился в лодку и оттапливался от берега. Пес напряженным взглядом следил за моими действиями. В этот момент ему можно было наступить на хвост, и он, на верное, не оглянулся бы даже.

Доплыв до середины реки, я командовал: „Ко мне!“ Пес мгновенно срывался с места. Поднимая фонтаны брызг, бревном плюхался в воду и стремительно плыл ко мне. Я в это время торопливо греб к противоположному берегу, и мы, обычно, приплывали вместе.

Джери так поспешно всегда бросался в воду, что иногда даже пугал меня. Раз он, не разбирая высоты, прыгнул с двухметрового берега и ухнул в воду с головой. Я испугался и чуть сам не бросился вслед за ним. Но пес мигом вынырнул, потряс головой, стараясь, видимо, выплеснуть попавшую в уши воду, и, как ни в чем не бывало, поплыл дальше.

Я скоро так привык к послушанию Джери, что стал гулять с ним без поводка даже по центральным улицам города.

Как-то раз мы возвращались с прогулки. Я шел по тротуару, Джери, немного поотстав, бежал по канаве рядом с тротуаром. Навстречу нам полным ходом мчался трамвай. Увидя его, я окликнул Джери, чтобы тот держался поближе к хозяину. Пес не спеша затрусил ко мне.

В этот момент произошло нечто неожиданное, что для меня так и осталось невыясненным.

Испугался ли пес чего-нибудь в открытых воротах ближнего дома, или просто взбрело ему в голову какое-то неожиданное желание, но вдруг, как подброшенный пружиной, он оказался на середине улицы.

Трамвай несся прямо на него. А пес, не подозревая страшной опасности, неподвижно стоял на линии и глупыми глазами смотрел в мою сторону.

Громко крича: „Ко мне, Джери, ко мне!“ — я бросился к щенку. Это была непоправимая в такой момент ошибка неопытного собаководы. Когда нужно быстро подзывать собаку, никогда не следует самому бежать к ней.

Я же сделал наоборот. Это была грубая ошибка, которая могла иметь страшные последствия. В ответ на мое движение Джери инстинктивно отпрыгнул назад, прямо под колеса несущегося трамвая.

Со скрежетом заскрипели тормоза. Отшатнувшись, я захватил глаза рукой. Грохот пронесся мимо... Я стоял ни жив, ни мертв, слыша только, как бешено колотится сердце, стесняя дыхание. С ужасом подумал, что сейчас между рельс увижу бесформенные остатки моего друга.

Но линия была чиста.

„Отбросило в канаву...“ — мелькнула у меня мысль, и я бросился на другую сторону улицы. Канавы тоже была пуста.

Что такое?.. Я растерянно обвел взглядом улицу. На тротуаре уже толпилась кучка любопытных.

— Да он побежал!.. — выкрикнул вдруг ребячий голос.

„Как побежал? Куда?..“ Сломая голову, я кинулся домой. В воротах чуть не сбил с ног мать. С испуганным лицом она бежала мне навстречу.

— Что с тобой?

— Где Джери?

— Дома Джери... Прибежал, как бешеный, схватил губами дверь, оторвал планку... Я слышу—кто-то в двери ломится, бросилась открывать. Джери ворвался, чуть не сшиб меня... забился под стол, дрожит весь... Что с тобой случилось?

— Да не со мной, а с Джеркой!—вскричал я, чуть не плача, и, вбежав в дом, бросился ощупывать своего пострадавшего друга.

Джери не понимал ни уговоров, ни ласк. Его била дрожь. Грудь ходила ходуном, как в лихорадке. Из пасти стекали потоки слюны и пены. На боку кровоточила рваная рана. Кожа во многих местах была сорвана, обнажив розовое мясо. Шерсть была перемазана землей, но кости были все целы.

Как он спасся—я не мог себе представить. Ясно было одно, что трамвай тащил его, но каким-то чудом Джери вырвался из-под колес. Может быть, его огромный рост и необыкновенная сила помогли ему и на этот раз.

Я долго не мог успокоиться. Это была моя вина, это я едва не погубил собаку своей неосмотрительностью.

Этот случай на всю жизнь научил меня осторожности.

Джери скоро выздоровел, но остался панический страх перед громкими, неожиданными шумами. Пришлось долгое время быть очень осторожным, чтобы щенок забыл пережитое.

Вначале я избегал водить его даже на шумные улицы, потом, когда убедился, что страх у Джери уже заметно уменьшился, стал приближаться с ним и к трамваям и автомобилям. Первое время Джери, вздрагивая, боязливо поджимал хвост и пытался бежать. Я ласково уговаривал его, давая что-нибудь вкусное. Постепенно страх исчез, и Джери только косился, когда мимо нас мчался трамвай.

На площадке между тем была закончена основная дрессировка. Джери стали учить специальным приемам.

Учебу начали с охраны вещей. Я привязал Джери на цепь у изгороди. Обычно в таких случаях цепь пристегивают не к ошейнику, а к шлейке — особой ременной упряжи, которая крестом охватывает грудь и спину собаки. Когда собака будет рваться на цепи, то шлейка не врежется в шею, как ошейник.

Но по джеркиному росту не нашлось и шлейки. Пришлось ограничиться широким мягким ошейником, который очень удобно охватывал шею моего друга.

Перед догом я положил свою фуражку и носовой платок. Настойчиво твердя ему: „Охраняй, охраняй!“, отошел в сторону.

Из-за прикрытия показался инструктор в костюме „дразнилы“ — толстых сапогах и брезентовом плаще, простеженном ватой.

Джери с интересом стал следить за приближающейся фигурой.

„Дразнила“, крадучись, приблизился к собаке и стал осторожно тянуться к положенным вещам. Джери потянулся, чтобы понюхать руку, но вдруг получил сильный щелчок по носу.

От такого вероломства дог сразу обозлился. Выкатив кровавые глаза и оскалив пасть, он бросился на обидчика. „Дразнила“ отскочил, потом вновь стал тянуться к вещам и опять щелкнул собаку по носу. Дог свирепел все более. Он прыгал на цепи, как бесноватый, стараясь схватить увертывающегося человека. Ошейник так врезался в шею, что, казалось, вот-вот отрежет голову собаке. Клочья пены стекали с ощеренной пасти при каждом рывке собаки.

Когда дог дошел до неистовства, „дразнила“ бросился бежать. А Джери долго еще не мог успокоиться и все рычал и лаял в ту сторону, куда скрылся человек.

После нескольких повторений дог уже прекрасно знал, что нужно делать, когда перед ним кладут вещи и говорят: „Охраняй!“

Затем перешли к следующему приему. Как и раньше, „дразнила“ тянется к вещам, опять неистовствует

пес. И вот в ту минуту, когда „дразнила“ бросается бежать, я с командой: „Фас!“—хватай спускаю беснующуюся собаку с цепи. Несколько могучих прыжков, и дог уже у ног беглеца. Скачок на спину, и клыки впились в брезент между лопатками. Не выдержав тяжести, человек рухнул ничком, уткнув лицо в землю, чтобы предохранить себя от разъяренной собаки. Дог с остервенением трепал одежду, стараясь добраться до тела.

Подбежал я. По команде: „Фу!“—Джери прекратил грызню. „Дразнила“ поднялся. Откинул с головы капюшон и вытер вспотевшее лицо.

— Ну и здоров чорт!—похвалил он Джери.—Хорошо на задержании будет работать, с первого раза вон как берет!

*

Хотя я сам дрессировал своего друга и собственными глазами имел возможность убедиться, как ловко Джери научился задерживать „преступника“, подчас мне все-таки не верилось, что вот так же, как и на дрессировочной площадке, Джери сумеет задержать и настоящего злоумышленника. Я сомневался,—хотя и не признавался в этом никому,—в храбрости дога. А вдруг он испугается, когда встретится с настоящим врагом!

Еще больше не верили в это мои родные. Они даже не скрывали этого, как я.

— Вояка!—любовно подшучивали они над Джери.—А случись до дела, так поди и хвост подожмешь! А? Джери как будто понимал о чем идет речь, горделиво разгуливал по комнате, тыкался носом то к одному, то к другому и так размахивал хвостом, что приходилось опасаться, как бы он не сшиб им, как палкой, посуду со стола.

Однажды случилось неожиданное происшествие, после которого авторитет Джери сразу неизмеримо вырос.

К нам во двор вошли двое бродяг и, как будто у себя дома, направились под сарай. Были ли они просто подвыпивши или имели злой умысел—я не знаю. Только на вышедшую во двор мать они не обратили

никакого внимания. Она предупредила их, что есть злая собака. Они рассмеялись, выругались и прошли в сарай.

Мать взволнованная прибежала ко мне в комнату. — Вот бы собакой их проучить! „Фасни“ Джерку!..

У меня мгновенно мелькнула мысль: вот случай на практике проверить выучку моего друга. Я схватил его за ошейник, подвел к дверям и, приоткрыв их,скомандовал: „Фас!“

Джери мгновенно взъерошился и пулей вылетел во двор. Я выскочил следом за ним, одним мгновением позднее.

Первое, что я услышал — дикий нечеловеческий крик и громоподобное рычание дога.

Отчаянно крича — „Фу! фу!“ (испугался я, наверное, не меньше бродяг), я кинулся к сараю.

Бродяга стоял в углу двора на помойке. Видимо, туда он заскочил, спасаясь от налетевшего на него чудовища. Руками он закрывал лицо. Левый рукав пиджака был разорван до плеча. Из-под пиджака виднелись клочья разодранной полосатой рубахи.

А Джери... Моя команда „фу!“ — остановила его в самый „интересный“ момент, когда он только что принялся „обрабатывать“ своего врага. Видимо, он прыгнул ему на грудь, схватил за плечо и оборвал весь рукав. Сейчас он не мог еще сразу успокоиться, хотя „фу!“ и удерживало его от дальнейших энергичных действий. Он, как молодой конек, гарцевал на задних ногах, едва не ударяя передними в грудь бродяги и лязгал челюстями перед самым его лицом.

Я поспешно оттащил Джери в сторону и крикнул бродяге, чтобы он убирался подобру-поздорову. В полуоткрытые ворота выглядывали лица любопытных. В их числе был и второй бродяга. Он тоже был страшно напуган. Посередь двора валялась его шапка. Он потерял ее, спасаясь от Джери.

И тут я подумал, что как хорошо, что мой Джери так послушен. А что было бы если бы он в злобе отказался исполнить „фу“? Мне стало страшно от этой мысли.

И я дал себе слово никогда не шутить такими вещами и еще больше заниматься своим другом.

Теперь я стал гулять с ним и поздно вечером, приучая его к ночной обстановке. Ночью щенок делался очень осторожен и недоверчив. Нюхал землю и воздух, ловил ушами каждый шорох, старался держаться ближе к хозяину. Первое время пугался в темноте незнакомых предметов, но постепенно привык к ночным прогулкам, хотя и держался все время настороже. Это не была трусость; ночью животное всегда настораживается сильнее, чем днем.

Раз, когда я возвращался с догом поздно вечером домой, на меня вздумали напасть пьяные хулиганы. В темноте они не заметили собаки, шедшей рядом со мной.

Один замахнулся на меня, и в ту же секунду на него прыгнул Джери.

Видимо, дог хорошо знал силу своих клыков и считал их нужным пускать только в случае крайней необходимости. Он просто сшиб человека с ног и, как куль мякины сбросил, его с тротуара в канаву. Перед вторым хулиганом пес встал на дыбы, положив передние лапы ему на плечи и убедительно зарычал своим низким грозным басом прямо в лицо. Человек так перепугался, что дико истошно завыл:— А-а!..

С этого времени я ходил с Джери в ночь-полночь в самых глухих местах, не боясь, что со мной может что-нибудь приключиться.

Дог сопровождал меня даже иногда в моих поездках, в тех случаях, когда мне приходилось забираться далеко от человеческого жилья.

НА РИНГЕ

В половине лета была назначена выставка служебных собак. Это была первая настоящая выставка на Урале. Все, что проводилось раньше,—больше походило на щенячьи смотры, чем на выставки.

И первой она была не только для Джери, но и для большинства свердловских собак, в особенности для молодняка.

Только „москвичи“ были уже опытными призерами. Среди них были такие ветераны, как Джери-Черная,

получившая за свои пять лет жизни свыше десятка призов и семнадцать дипломов.

На выставку съехались собаки из Тагила, Челябинска и других городов. Удалось привлечь даже койкого из свердловских охотников-промысловиков с их пушистыми лайками.

Для экспертизы собак прислали всесоюзный судья из Москвы.

Настал и день выставки.

С раннего утра у ворот сада выстроилась длинная рычащая очередь.

Врач не успевал справляться с осмотром живых экспонатов выставки. Толпа людей и собак скоро загрохотала всю улицу.

Питомник милиции выставил несколько кавказских овчарок. При виде их зрители буквально онемели от восхищения.

— Неужели это собаки? — недоверчиво спрашивали некоторые и с сомнением качали головами.

Огромные мохнатые псы, более похожие на львов, чем на собак, держались важно, молчаливо, сурово поглядывая на галдевших людей.

Лайки шумели больше всех. Они лаяли до хрипоты, визжали, подвывали, рыли землю лапами. Вырыв яму, ложились в нее, снова вскакивали, принимались рыть рядом; хлопотали неусмнн. Занятые своими „домашними“ делами, разрешали гладить, скрести за ушами и сидели с таким видом, как будто это их и не касалось.

Доберманы сидели жалкие, смущенные тем, что их привязали на цепи и оставили одних в таком шумном месте.

Доги, раскрыв пасти от жары, сидели, развесив языки, и непонимающими глазами следили за всей этой кутерьмой.

Немецкая овчарка

Кавказская овчарка

Но вот по саду пробежал дежурный с красной повязкой на рукаве. Начались ринги¹.

Толпа отхлынула от собак и окружила открытую площадку посередине сада, обнесенную толстой веревкой, — место ринга.

Первыми пошли овчарки. Люди с собаками у левой ноги выстроились длинной цепочкой, гуськом, друг за другом. По жесту судьи цепочка двинулась по кругу.

Судья, невысокий пожилой человек в белой фуражке, с ка-

рандашом и блокнотом в руках, стоя в центре, оценивал каждую собаку. По его указанию ассистенты переставляли собак, лучших передвигая в голову колонны, худших — назад, к хвосту.

Зрители тесно облепили ринг и так нажимали на веревку, что дежурный по рингу умоляюще просил публику „остепениться“.

Я стоял озади и, вытягивая шею, силился через головы ничего не упустить на ринге.

Вдруг там что-то произошло. Цепочка людей и собак внезапно рассыпалась по рингу.

Раздался яростный собачий вой и злобное рычание. Неожиданно толпа расступилась передо мной, пропуская какую-то женщину.

Я скользнул в образовавшийся проход, который сейчас же сомкнулся за мной, и очутился у самого ринга.

Около веревки дрались две собаки. Вцепившись одна в другую, они кружились на месте.

Хозяева собак беспомощно метались около сцепившихся врагов.

В руках одного болтался оборванный поводок. Хозяин другой собаки напрасно тянул поводок, собака не слушала его.

¹ Ринг — площадка, обнесенная веревкой, где проходит экспертиза собак. Отсюда на выставке, под словом „ринги“ обычно принято подразумевать весь процесс судейства.

— Что же вы смотрите? — не выдержал судья, молча до этого наблюдавший свалку собак. Беспомощность людей его рассердила. — Что вы боитесь, собак, что ли?

И он крупными шагами приблизился к месту боя.

Тогда человек с оборванным поводком решился на крайнюю меру. Швырнув бесполезный ременный обрывок на землю, он подскочил к собакам и схватил своего пса, крупную темную овчарку, обеими руками за густую шерсть на спине. Резким рывком рук он вскинул собаку на воздух.

Вторая овчарка прыгнула было за противником, но резкий рывок поводка отбросил ее в сторону.

Драка кончилась. Разойдясь в разные стороны, хозяева стали успокаивать взъерошенных окровавленных драчунов.

Судья подошел к хозяину темной овчарки.

— Что ж вы это? — укоризненно обратился он к нему, — не умеете обращаться с собственной собакой!

Незадачливый собаковод сконфузился и, пытаясь скрыть смущение, усиленно гладил собаку, приговаривая:

— Тихо, Корд, тихо... Злой уж очень... — несмело попробовал он оправдаться.

— Ну и что же? Нужно уметь обуздывать любую злобу, добиться от собаки полной привязанности...

— Да он и так очень ко мне привязан, — сказал хозяин Корда. — Недавно, когда я на службе был, он из дому убежал и нашел меня! В учреждение ко мне прибежал, а ведь это совсем на противоположном конце города от квартиры было!..

— Ну, вот видите, значит, у него чутье прекрасное, нужно дрессировать, дисциплинировать больше!..

Лайка

Дог

— Да он и так хорошо у меня дрессирован! — с гордостью поспешил сообщить хозяин собаки. — На задержание, конвоирование идет так, что любо-дорого; комитет думает его послать в Москву на соревнования.

— Очень хорошо! — похвалил судья. — Только нужно дальше дрессировать по специальной службе.

— Питомник милиции просит отдать Корда к ним в школу. Говорят, что из него

ищейка замечательная выйдет.

— Дело! — одобрил судья. — Пес крупный, сильный, злобный, с хорошим чутьем — все данные налицо! Ну, однако, нужно продолжать! — сказал судья.

Ассистенты уже привели ринг в порядок, и по жесту судьи колонна двинулась по кругу. Потом она остановилась, собак усадили, и судья стал смотреть у них зубы. Собака с неправильным прикусом зубов не могла рассчитывать на хорошую оценку.

Публика за веревкой нетерпеливо переминалась, встречая оживлением каждое действие судьи. Знатоки горячо спорили, пытаясь предугадать результаты судейства.

Постепенно собак стали уводить с ринга, оставляя напоследок лучших.

Скоро на ринге осталось всего лишь полдесятка собак. Судья долго ходил около них, оглядывая и сзади и спереди. Садил, ставил, просил пробежаться. Чмокал губами, свистел, стараясь привлечь внимание собаки, чтобы оценить у нее постав ушей. Трогал осторожно спину, щупал мускулатуру.

Чем дальше затягивалась оценка, тем больше нарастало нетерпение публики.

Наконец ринг закончился.

Победителем вышел тот, кому в будущем было суждено стать родоначальником целой плеяды черных со светлыми подпалинами овчарок — Рэкс-Чепрачный.

Настал черед догов. Их было немного — меньше десятка, но огромные важные псы привлекли к себе еще больше внимания, чем многочисленная группа немецких овчарок.

Дошла очередь и до Джери. Хотя мой дог еще окончательно не сформировался (собаки сформировываются к двум годам), но он выглядел красавцем.

Уход, внимание, ежедневные прогулки сделали свое дело; от рахита не осталось и следа, костяк окреп, под кожей вздулись упругие бугры мускулов. Широкой и массивной стала грудь. Крепкие челюсти вооружились клыками в два с половиной сантиметра длины. Вымытая накануне шерсть отливала на солнце серебром.

И все-таки с замиранием сердца водил я своего друга по рингу, то шагом, то бегом то лицом к судье, то боком. Почему-то не верилось, что Джери может выдержать этот экзамен.

— Посадите собаку и покажите зубы, — приказал судья.

Я посадил Джери у ноги. Зажав морду собаки обеими руками, оттянул губы так, что обнажились белые, как из слоновой кости, зубы.

— Хорошо. Пробежитесь, пожалуйста.

Я выполнил пробежку. Джери послушно бежал рядом со мной, вопросительно заглядывая в лицо, как будто спрашивая: „А что еще нужно сделать?“

— Не плох, не плох... — бормотал судья, заглядывая догу куда-то под брюхо. Потом подумал минуту и, захлопнув крышечку блокнота, куда все время записывал свои впечатления, решительно сказал:

— Очень хорошо!

Я вспыхнул. Начальник комитета, стоявший тут же на ринге, не выдержал и поздравил меня:

Боксер

— В Москву поедешь. На Всесоюзную!

„Очень хорошо“ — была призовая оценка и давала право на участие собаки на Всесоюзной выставке служебного собаководства.

— Смотрите, привезите в Москву в хорошем виде, — напутствовал меня судья. — Чтобы пес такой же лощеный был! — И, видя мою радость, улыбнулся сам.

РАССКАЗ О ТОПУШЕ — ПОБЕДИТЕЛЕ ВОЛКОВ

Чем ближе к Москве, тем больше наполнялся наш поезд собаками и их вожатыми. Все большие города слали своих представителей на Всесоюзную выставку.

В одном из купе ехали и мы — делегаты далекого Урала.

Две лайки — Грозный и Тайга, разопрев от жары, валялись под сиденьями, как две меховые рукавицы. Овчарки Рэкс и Джери-Черная угрюмо жались по углам. Мой Джери, растянувшись на полу, в полудремоте прислушивался к перестуку колес.

Он всю дорогу проводил молча, часами сидел или лежал неподвижно, не спуская глаз со своего хозяина, как будто спрашивая, когда окончится эта тряска. Оживлялся он только на остановках, когда я выводил его из вагона. Весело резвился около меня, но стоило только скомандовать: „Домой!“, и Джери послушно бежал к поезду и вскакивал на подножку.

В вагоне, неподалеку от Москвы, появились огромные угрюмые псы — кавказские овчарки. Загорелые седоусые чабаны, брэнча цепями, осторожно проводили их по вагону. Широкие челюсти собак были упрянтаны в глухие намордники, но эти страшные звери были так же послушны в руках своих проводников, как и наши городские псы.

И здесь, в поезде, слышали мы историю одной собачьей жизни. Старый чабан, поглаживая своего могучего пса, рассказал нам о Топуше — победителе волков.

*

Ибрагим, старый чабан, не зря любил старую суку Тэбу. Всю свою долгую жизнь он провел в горах,

на пастбищах, охраняя отары¹ овец. И он хорошо знал, что значит для пастуха хорошая собака-овчарка.

А Тэба была хорошей овчаркой. Она была еще в расцвете сил и только второй раз дала жизнь шести щенкам, когда стая полубезумных от голода волков напала на жилище ее хозяина. Они окружили загон, в котором жались испуганные овцы, и старались проникнуть сквозь ветхую, сложенную из камней, загородку. А в углу загона, беспомощно тычась слепыми мордочками в брюхо матери, пищали шесть новорожденных щенков.

И Тэба одна вышла защищать загон.

Нападение было дерзким и неожиданным, и пока Ибрагим заряжал свое старинное кремневое ружье, волки успели оттащить Тэбу и растерзать ее. Когда старый чабан разогнал их громкими выстрелами своей фузеи, от Тэбы уже ничего не осталось. Волки пожрали ее.

А взбесившиеся от страха овцы истоптали в загоне малышей Тэбы.

Каким-то чудом уцелел лишь один, самый маленький и слабый. Ибрагим долго вертел в руках беспомощного слепого щенка. Потом, зажав между пальцами треугольные обвислые уши щенка, он вдруг резким движением рук крутнул маленькое тельце. Щенок описал несколько кругов, уши свернулись в короткие жгуты и, не выдержав напряжения, с глухим треском оборвались у самого основания. Щенок слабо взвизгнул от дикой боли.

По старому дедовскому обычаю, собакам не полагалось иметь ушей. И операция по удалению их была проделана старым чабаном в несколько секунд.

Старый Ибрагим выходил щенка. Он выкормил его овечьим молоком и бараньим жиром.

Через год слабый слепой щенок превратился в огромную могучую собаку.

От матери Топуш унаследовал смелость и ненависть к серым хищникам. И в своре, охранявшей отару Ибрагима, он скоро стал вожаком.

¹ Стадо овец называется отарой.

С серым хищником Топуш любил встречаться один на один. И не сносить зверю головы, если судьба его свела с Топушем. Полтора-два километра смертного пробега, и волк падал задушенный крепкими челюстями овчарки. К трем годам за Топушем числилось двадцать задушенных хищников.

Природа дала Топушу огромный рост и редкую силу.

Как-то раз, еще будучи полугодовалым псом, он валялся среди дороги, нежась под теплом летнего солнца. Старик-чеченец ехал с возом. Топуш полезился поднять голову, слыша знакомое скрипение арбы, а старик не рассмотрел, что на дороге лежит собака. И массивное колесо тяжело нагруженной арбы переехало овчарку прямо по брюху.

Только когда подпрыгнул воз, старик увидел, что задавил собаку. Испуганно размахивая руками, он соскочил на землю и бросился к ней.

Но Топуш, как ни в чем не бывало, поднялся, отряхнулся от пыли, чихнул и лениво пошел в сторону.

Самое тяжелое для Топуша время начиналось весной, когда овцы приносили потомство.

Почувствовав приближение родов, овца старалась отбиться от отары, спрятаться куда-нибудь за камни, чтобы там дать жизнь паре маленьких беспомощных курчавых ягнят. Топуш хорошо знал об этой привычке матерей-овец и внимательно следил за ними.

Вот одна овца тревожно заметалась, заблеяла, отделилась от отары и скрылась за пригорком. Топуш метнулся за ней. Овца припала к земле меж камней.

Овчарка, как изваяние, застыла на камне.

В воздухе прозвенел новый робкий звук — новое существо заявляло о своем рождении нежным блеянием.

Овца поднялась — муки кончились — и стала нежно вылизывать новорожденных. Пошатываясь, поднялись они на тоненькие, как пруттики, заплетающиеся ножки, — два мокрые беспомощные существа — и стали неумело тыкаться черными мордочками в брюхо матери.

Овчарка все сидела на камне. Она пытливо озиралась по сторонам.

Подождав, пока ягнята подсохнут, овца тронулась обратно к отаре. Но ребятишки еще были так слабы,

они еле передвигали свои ножки, спотыкались, падали на колени. Приходилось часто останавливаться, пережидать, пока они вновь соберутся с силенками.

Овчарка, все также озираясь, следовала позади. Когда ей надоедало ждать, она поддевала заднего ягненка носом под живот и перебрасывала на несколько шагов вперед.

Вот, наконец, и отара. Чабан спешит встретить новорожденных.

К вечеру Топуш заметил исчезновение черного ягненка. Ягненок был лучший в отаре, а потому и самый бойкий. Вечно он старался отбиться в сторону, куда-нибудь убежать. Так случилось и на этот раз. Овца-мать с тревожным блеянием бегала по отаре, жалобными воплями призывая сына.

Обшарив среди овец, Топуш помчался к речке, около которой паслась днем отара. Где-нибудь там наверное и запропастился длинноногий проказник.

Отдаленное ягнячье блеяние подтвердило ему, что он не ошибся. Внизу, под обрывом, в глубокой скалистой ложине, по дну которой текла речка, стоял ягненок. Со всех сторон его окружала вода, он стоял на небольшом каменистом островке. Беспомощно перебирая ножками, он испуганно озирался на несущийся мимо него мутный поток и жалобно блеял.

Где-то в верховьях прошли дожди. Еще днем речка была тиха и спокойна, а сейчас вздулась, рассвирепела и отрезала забредшего на отмель ягненка от берега. Пенясь и шумно плеща о скалы, поток бешено мчался, перепрыгивая с камня на камень.

Топуш спустился по обрыву в ложину и понюхал воду. Ягненок, увидав собаку, затих и стал с ребячьим любопытством наблюдать за ней.

Забежав повыше островка, Топуш бросился в воду. Поток сразу захлестнул его с головой, но Топуш вынырнул и, быстро перебирая лапами, поплыл наискосок течения. Наконец, его выбросило прямо к ногам ягненка.

Ягненок дрожал от испугу. Ножки его тряслись, курчавая шерстка взмокла, ушки беспомощно обвисли.

Топуш осторожно взял его пастью за шкурку на спине, крепко стиснул челюсти и с размаху прыгнул в воду.

Плыть с ягненком было тяжелее. Голову тянуло вниз, и Топуш захлебывался. Надо было держать ее высоко, чтобы не утопить ягненка. Сильный удар о подводный камень едва не заставил овчарку выпустить драгоценную ношу из пасти. Пенистый водоворот закрутил его между камней.

Отчаянным усилием он вырвался из бешеной скачки по камням и опять поплыл наперерез течению. У берега его опять было подхватило, но близость берега подбодрила Топуша, и он вновь выплыл.

Тяжело дыша, он выбрался на берег. Вода ручьями стекала с его боков, глинистая пена залепила глаза и морду. Опустив ягненка на землю, он только хотел отряхнуться, как вдруг застыл на месте, тревожно втягивая ноздрями воздух.

Схватив ягненка, он бросился с ним вверх по откосу. Добравшись до вершины, оглянулся, и сдавленное рычание заклокотало у него в глотке.

Из-за утеса вывернулись три волка. Распластавшись по земле, они бесшумно мчались по берегу реки, спеша догнать уходящую добычу.

Топуш бросился в сторону от реки. Если бы он был один, он принял бы бой, но с ним был ягненок, и Топуш спешил к отаре. Из-за пригорка навстречу ему вдруг выеслись еще пять серых зверей. Путь к отаре был отрезан.

Топуш на мгновение присел на задние лапы. Можно было, конечно, бросить ягненка и, пока голодные хищники рвали его, спастись бегством, но Топуш так не сделал.

Круто повернув, он бросился обратно. Теперь он бежал по кромке высокого обрывистого берега. Внизу по дну лощины мчалась тройка волков, выискивая место, по которому можно было взобраться на кручу. Сзади нагоняла вторая стая. На краю отвесного обрыва Топуш остановился. Волки не сумеют взобраться здесь, и он мог принять бой лицом к лицу.

Поставив ягненка, он обернулся к приближающейся стае. Чуть присев на задние лапы, Топуш приготовился к битве. Шерсть вздыбилась на нем, глаза засверкали диким блеском, и, оскалив смертоносные клыки, он взвыл. Грозный рык его разнесся по ущелью и замер эхом где-то в глубине.

Может быть это был его последний боевой клич.

Два волка мчались впереди стаи. Уже слышно было их хриплое дыхание и видно, как стекала с пасти розоватая пена. Топуш весь подобрался. Могучим прыжком он бросил свое тело навстречу хищникам. В страшном ударе сшиблись волк и собака. Хряснула кость... Волк мешком взлетел в воздух и, перелетев через край обрыва, рухнул в бездну.

Не давая опомниться второму, Топуш прыгнул на него. Страшный удар, и второй хищник с перебитой грудной клеткой покатился по склону обрыва.

Три волка присели на мгновение... потом прыгнули разом все трое. Четыре тела сплелись в один мохнатый клубок.

Через мгновение клубок распался. Два волка и овчарка отскочили в разные стороны. Третий волк бился на земле. Из разодранного горла фонтаном била кровь. Топуш лизнул прокушенную лапу и со злобным рыком ощерил страшные клыки. За спиной у него стоял на краю обрыва дрожащий испуганный ягненок.

Волки не решались больше нападать; один лизал разодранный бок, другой мотал головой, разбрызгивая капли крови из пораненной пасти.

Топуш, озираясь, обвел головой по сторонам, и вдруг победный вой вырвался из его пасти. Из-за пригорка, навстречу волкам, вынеслись овчарки. Свора услышала вой вожака и спешила на помощь. Впереди легконогий Дормаш. Он первый сшибся с волком, и хищник кубарем покатился на землю. Немного поотстав, бежал могучий Рушай. Нагнав волка, он впился ему в шею. Волк взлетел в воздух и мертвым упал на землю.

Топуш отряхнулся, обрызнув землю хлопьями кровавой пены, взял в зубы ягненка и, припадая на раненую лапу, не торопясь, потрусил к отаре.

УПРЯМЫЙ ДОГ

Мы остановились неподалеку от Москвы. Перед открытием выставки нам, участникам Всесоюзной выставки, предстояло пройти учебный лагерный сбор.

Заботливый дежурный предложил нам сначала сходить

„перекусить“, а уж после начать устраиваться на жительство. Собак посоветовал привязать в пустовавших палатках. Так и сделали.

Я прикрутил Джери на толстую цепь и, зная упрямый характер своего питомца, пристегнул его на парфорс¹.

Оставшись один в палатке, Джери жалобно заскулил и принялся прыгать и рваться, стараясь разорвать цепь, но цепь не поддавалась. Джери стал ее грызть, озлобляясь с каждой минутой. Нежные мягкие губы собаки окрасились кровью. Но крепкие клыки были бессильны перед железом.

Тогда дог окончательно пришел в ярость. Высоко подпрыгнув, он схватил зубами брезентовый край палатки и со злобой рванул к себе. Раздался треск. Плотный непромокаемый брезент не выдержал и лопнул. Оборвав длинную ленту, пес швырнул ее под ноги и вцепился вторично. Вторая лента брезента упала рядом с первой... третья... четвертая... Палатка содрогалась, колья скрипели и расшатывались от яростных рывков.

На шум сбежались красноармейцы из соседних палаток. Напрасно они кричали „Фу!“ на обезумевшего пса. Озверевший, разъяренный, с налитыми кровью глазами, Джери не слушал команды. Со злобой бросался он на каждого, кто осмеливался подойти близко.

В этот момент вернулся я. Трудно выразить то ликование, какое проявил бедняга, когда увидел своего хозяина. Прыжкам, лизанию не было конца. Только строгое „сидеть“ прекратило его изливания. Пес послушно сел, лишь умильным взглядом да осторожным вилянием хвоста прося разрешения еще поласкаться.

Оставлять Джери в палатке больше не представлялось возможным. Решили отвести в питомник Осавиахима.

По правилам содержания питомника вновь прибывшие собаки должны предварительно пройти карантин. Приземистое деревянное здание внутри было разгорожено на отдельные клетки-вольеры, затянутые густой метал-

¹ Парфорс — металлический ошейник с шипами.

лической сеткой. Здесь, в этих клетках, собаки отбывали свое недельное заключение. И если по истечении этого срока не обнаруживалось заболеваний, то собака получала право на жительство в питомнике.

Карантин был пуст. Лучшего для наших собак нечего было и желать. Решили перевести всех собак туда. Джери посадили в клетку рядом с клеткой Рэкса-Чепрачного. Хозяин Рэкса снял с собаки ошейник, чтобы собака могла чувствовать себя совсем по-домашнему. Я же это сделать не решился, а даже, наоборот, на всякий случай пристегнул дога на цепочку.

Люди ушли. Вдали давно уже замерли последние звуки шагов, а собаки все еще стояли и напряженно ловили настороженными ушами неслышные для человека шорохи.

Рэксу первому надоело стоять. Скорбно вздохнув, он обнюхал свое новое жилище и, обнаружив в углу охапку сена, принялся раскапывать ее лапами. Соорудив себе подобие гнезда, повернулся несколько раз, как будто хотел себя поймать за хвост, и с тяжелым стуком брякнулся наземь. Испустил еще один тяжелый вздох, понюхал последний раз воздух и свернулся клубком.

Собака не спала, хотя веки были закрыты. Чуть подрагивавшие уши говорили о том, что Рэкс слушает, терпеливо ожидая возвращения своего хозяина.

Джери не последовал примеру товарища.

Тщательно обнюхав все углы, пес поскреб лапой какое-то, показавшееся ему подозрительным, место, расшвырял во все стороны сено и даже вырыл в земляном полу глубокую яму. Но все было прочно и надежно, фундамент здания врыт глубоко в землю, дерево крепко и молодо, брусья массивны и скреплены железными скобами.

Оставалась только дверь, но и она была затянута толстой проволоочной сеткой. Джери даже встал на задние лапы, чтобы вынюхать как можно больше и выше.

Нажав плечом на дверь, он заметил, что она немного качается в притворе. Тогда он бросился на нее с разбега грудью. Дверь крякнула, но не поддавалась.

Дог бился с полчаса, стараясь ее проломить. Дверь скрипела, дрожала от ударов, сетка выгибалась и звенела, но выломить ее ему так и не удалось.

Тогда дог переменил тактику. Вцепившись клыками за железную планку в притворе, он изо всех сил рванул ее и выдрал вместе с гвоздями.

Обнажился брус. Джери принялся яростно грызть его. Устав грызть, стал скрести лапами, отдирая тупыми крючковатыми когтями стружку и щепки.

День уже давно погас. В карантине стало темно. Рэкс дремал или делал вид, что дремал, а неугомонный Джери все еще упорно грыз дверь.

Наконец устал и он, а дверь все не поддавалась. Уткнувшись носом в исцарапанный угол пес долго размышлял, что бы еще такое предпринять. Встал, обнюхал еще раз свою темницу со всех сторон, постоял в раздумье некоторое время и вдруг, приняв какое-то решение, молча ринулся на ненавистную дверь.

Впившись клыками в сетку, он метался во все стороны, стараясь тяжестью своего четырехпудового тела порвать проволоку. Раздался жалобный треск.

Утром, захватив ведро корма, мы пошли проводить своих четвероногих друзей.

Звонкий лай овчарки и басистое рыканье дога приветствовали наш приход из карантина, когда мы загремели ключами у входной двери.

Рэкс нетерпеливо прыгал в своей клетке и громким лаем и визгом старался привлечь внимание своего хозяина. Джери же...

Дверь его клетки была изуродована невероятно. Изорванная смятая сетка скомкана в бесформенный металлический клубок.

И в проломе торжественно стоял Джери; голова и передние лапы его были в коридоре, а хвост и зад — в клетке.

Умильно помахивая хвостом, он так тянулся вперед, что цепь и ошейник врезались глубоко в шею.

Я вывел дога из клетки и только тогда заметил кровавую рану на задней его лапе. Продираясь через пролом, собака, очевидно, зацепилась за острую проволоку сетки.

На радостях пес выюном носился вокруг хозяина, не обращая внимания на рану, но когда первый порыв стих, принялся осторожнолизывать кровь, слегка

вздрагивая от прикосновения нежного языка к кровавой ране,

Это была большая беда для меня. „Как Джери в таком виде покажется на выставке?“ — думал я.

Оставлять собаку в карантине больше было нельзя. Рану промыли и перевязали. Целый день Джери следовал по пятам своего хозяина.

Стал чутким, недоверчивым. Перестал подпускать близко незнакомых людей ко мне. Щенячий визгливый тенорок сменился на хриповатый басистый рык взрослого зверя.

Вечером Джери отвели новое помещение. Рядом с питомником Осоавиахима, прямо под открытым небом, стояло дощатое сооружение из прочного кровельного теса, с крепкой дверью. Этот „особняк“, как в шутку называли мы этот деревянный ящик, как нельзя лучше подходил для неугомонного Джери. Натаскав сена и покрыв сверху один угол листом фанеры, на случай дождя, Джери водворили в его новую камеру заключения. Дверь я прикрутил цепью так, что открыть ее или сломать замок дог никак не мог.

Стемнело. Перед сном решили еще раз взглянуть на Джери. Пришли и глазам не поверили: пес уже успел прогрызть в дощатой стенке здоровенную дыру и, просунув в нее голову и одну лапу, силился протиснуться в узкое отверстие свое массивное тело.

Я не знал — ругать ли своего упрямого, непокорного пса или, наоборот, радоваться такой настойчивости и упорству.

— Лев, а не собака! — восхищенно повторял мой спутник, хозяин Рэкса.

Что делать? Разыскали толстые дюймовые доски, гвозди и заколотили все щели „особняка“, укрепив подозрительные места. Получилась целая крепость. Теперь-то уж пес был бессилен что-либо предпринять! — решили мы и отправились спать.

Утром только что протрубили зорю, я сквозь сон услышал голос дежурного:

— Товарищи, чей дог бежит по лагерю?

Екнуло сердце. Сна, как не бывало. Поспешно выскочил из палатки.

Вдали, на шоссе, в предрасветном синеватом тумане маячил силуэт дога.

Свистнул... Сажеными скачками пес ринулся на знакомый звук. Подбежал... Джери!..

На шее собаки — ни ошейника, ни парфорса! Наскоро одевшись, мы поспешили на место происшествия. Не терпелось узнать, как все-таки пес ухитрился выбраться из заточения.

„Особняк“ оказался цел. Никаких следов разрушения не обнаружилось. Немного была только расшатана дверь и на косяке виднелись следы клыков. На полу валялся парфорс (содрал с шеи лапой, зацепив когтями) и клочки ошейника. Видимо, в припадке злобы Джери уничтожил и то и другое.

Как ушел пес, так для нас и осталось загадкой. Повидимому, решили мы, он сгоряча перемахнул через двухметровую стенку, хотя обычно при своем четырехпудовом весе с трудом брал полутораметровый барьер.

ДЛЯ ЧЕГО НУЖНЫ ВЫСТАВКИ

На площадке, на окраине города, дрессировались овчарки. По команде вожатых собаки брали барьер перепрыгивали через ров, приносили аппорт.

По соседству на лужайке паслась кучка овец. Вдруг одна из собак, взяв препятствие, не подбежала, как обычно к своему вожатому, а, не обращая внимания на его окрики, бросилась к овцам.

Хватая за ноги, стала отбивать одну из них, затем, отогнав ее в сторону, стремительно бросилась на нее и перегрызла ей горло. Потом взвалила волчьим приемом зарезанную овцу на спину и скрылась. Догнать ее не могли. Найти также. Собака исчезла бесследно.

На глазах людей овчарка превратилась в волка.
Почему?

Человек шел с собакой по улице. Подошел к дверям магазина, вдруг собака рванулась в сторону, вырвала поводок из рук опешившего человека и с воем бросилась на середину улицы.

Человек с трудом поймал ее и еле сумел успокоить. Но только он подошел к зданию вновь, как история повторилась. Собака, поджав хвост, с воем опять бросилась наутек.

Что такое? Человек недоумевал. Постепенно, с течением времени он пришел к странному выводу: собака боялась высоких зданий. Здоровый, послушный пес превращался в трусливого, обезумевшего от страха, зверя при одном виде высокой стены.

Почему?

Почему собаководы брезгливо морщатся при виде грязной взъерошенной дворняжки и с нежной любовью гладят породистого пса?

Неужели только потому, что дворняжка грязна и бездомна, а породистый пес чист, выхолен и лоснится от жира?

Нет, конечно, не потому.

Может оттого, что дворняжка глупа?

Нет и не поэтому. Да дворняжка вовсе не так и глупа, и даже, наоборот, проявляет зачастую удивительную смекалку. Почему же собаководы с таким пренебрежением относятся к ней?

Как им не лень сидеть и кропотливо записывать в толстые книги рождения и смерти своих породистых псов, клички их отцов и матерей, дедов и прадедов. Отбирать щенков, следить за тем, чтобы одна порода не смешивалась с другой, терпеливо изучать достоинства и недостатки их. Кажется, чего бы проще, собаки сами собой плодились бы, размножались, жили как хотели, сами заботились о своем пропитании, а человек без всяких хлопот брал бы любую из них и дрессировал ее как ему вздумается.

Оказывается, это не так просто.

Вот взяли здоровенного дворового пса и решили его сделать хорошим сторожем. Стали дрессировать, а

он смиренхонек, как теленок, и совсем не имеет желания кого-нибудь кусать и грызть, как подобает караульной собаке; а даже наоборот — развалится на солнцепеке и приглашает любого да каждого почесать ему живот. С виду-то страшный, а на самом деле — добрейшее существо. И сколько его ни стараются разозлить, он только хвостом лениво машет да щурится добродушно.

А вот небольшой песик. И ростом подходящ, и по цвету незаметен и бегать горазд. Ни дать, ни взять — связист.

Стали его дрессировать, а он злой, как дьявол. Всех перекусал, никому в руки не идет, донесение нести не желает.

Ну, что посторонних покусал — это еще куда ни шло! А вот что жолатому, которому должен был донесение отдать, руки изуродовал — это уже никуда не годится.

Выходит, большого пса надо связистом сделать, а маленького караулить поставить?

Но большого убьют в первом же сражении, уж очень он велик, заметен, стрелять в него удобно, да и бегаёт он плохо.

А у маленького пса воры сразу магазин ограбят. Хоть и злой он, как чорт, а уж очень мал. Кто такой моськи испугается?

Опять как-то неладно получается.

Вот, наконец, подобрали подходящую собачку. И ростом вышла, и дом сторожит, — умница, не нахвоятся. Глядишь, и щеночки у нее появились, вот хорошо-то! Сколько теперь хороших собак будет!

Только подросли они, стали на всех чертей похожи. Один злой, другой смирный, третий послушный, а четвертый знать никого не хочет. Все разные и ни один для дела не годится; вот тебе и раз! Почему же это так?

Мать хорошая была, а детки... А отец какой был? А кто его знает — уличный пес какой-то. А дедушка? Неизвестен тоже.

Вот оно, в чем дело — все разные, незнакомые. Ну и щенята вышли, кто в отца, кто в деда, один другого краше.

А людям нужны такие собаки, на которых можно было бы понадеяться. Сказал: „Сторожи!“ — и будет сторожить. Послал с донесением, и будь уверен,—принесет.

Стали люди внимательнее присматриваться к собакам. Помогать природе стали,—хороших оставлять, холить, плохих уничтожать. И вывели постепенно целый ряд пород. Каждая со своим особым характером, привычками, своим норовом и особенностями. И каждая лучше всего подходит для одного какого-нибудь дела.

Немецкая овчарка, злобная, чуткая—ищейка незаменимая. Рыженький храбрый эрдель-терьер, выносливый и на бегу быстрый, где угодно не заблудится—связист добросовестный. Ласковая, добродушная колли—заботливый санитар. Чуткий огромный дог—надежный сторож и защитник.

И уж будьте уверены, если родятся у эрдель-терьера щенятки, будут все, как один, рыженькие, кудлатенькие и связисты замечательные.

Но и породистые собаки тоже не все одинаковы, одни похуже, другие получше. Одна ростом не вышла, у другой зубы плохие, у третьей кости слабые, да и вся жидковата. Нужно знать, кто лучше, а кто хуже, чтобы от лучшего и потомство иметь, породу улучшать.

Для этого ежегодно устраиваются выставки во всех крупных городах, на которые выводятся все породистые собаки. Судья осмотрит их всех, определит, кто лучше, наградит призами.

Кровное разведение—дело сложное и кропотливое. Требуется вдумчивого отношения к себе. Мало оценить собаку на выставке, нужно еще проследить за ней всю ее жизнь. Кто у ней отец, мать? Как работали они, чем отличились за свою жизнь?

И все это записывается в специальные родословные книги. Но и это еще не все, нужно следить за тем, чтобы и будущее потомство не ухудшалось.

А то, как не досмотрят собаководы, глядишь, проскокит что-нибудь плохое в потомстве и начнет с каждым поколением все больше ухудшаться.

Смотришь — и здоровый пес, и умница, а боится высоких зданий — психические отклонения имеет. От него уже потомство иметь нельзя. Или, глядь, на глазах людей овчарка превратилась в дикого зверя — заговорила волчья кровь. Тоже нужно обезопасить себя от повторения подобного случая.

Особенно большое внимание необходимо собаководам уделить отечественным породам собак: лайкам, овчаркам, южнорусским, туркменским, кавказским.

Эти ценные породы до последних лет были в запущенном состоянии. В царской России никто не интересовался ими, как и собаководством вообще, разве только помещики — своими борзыми, да гончими, да скучающие барыньки, няньчившиеся с напудренными левретками и болонками.

Во время империалистической и гражданской войны много псов было перебито, много подошло с голоду.

Постарались и интервенты. При отступлении с Украины они вывезли лучших южнорусских овчарок. Англичане увезли почти всех лучших лаек из Архангельска. В Грузии и Армении был нанесен большой ущерб замечательной местной породе — кавказской овчарке.

Как только страна оправилась от пережитых потрясений, начало быстро развиваться и служебное собаководство. Стали организовывать экспедиции в различные концы нашей обширной родины для изучения местных пород, стали разъяснять населению значение собаки и стали устраивать выставки.

Выставки должны выявить лучших собак. От лучших собак можно получить и лучшее потомство.

СЪЕЗД ДРУЗЕЙ

В высоких просторных залах стадиона автозавода имени товарища Сталина было собрано более четырехсот собак.

Все лучшие собаки краевых выставок съехались сюда, чтобы поспорить о первенстве.

Среди них были и Рэкс-Чепрачный, и Джери-Черная, и Джери-Дог, и лайки Гарсон и Грозный и еще кой-кто

из свердловцев. Всего двенадцать собак с Урала. Впервые Урал был представлен так внушительно.

Привязав своих псов, мы рассеялись по залам выставки, чтобы познакомиться с ее экспонатами.

Впервые я увидел столько собачьих пород! Здесь и ласковые, изящные шотландские овчарки-колли, и спокойные умненькие эрдель-терьеры, и флегматичные, презрительные боксеры, и неторопливые, уравновешенные ротвейлеры.

Особенно меня заинтересовали эрдель-терьеры.

В то время как все живые экспонаты выставки рвались на привязях, шумели, лаяли, выли, рычали, бесновались, всеми способами негодуя, что их привели сюда, в разношерстную, незнакомую компанию, ни один из эрделей не открывал пасти.

Эрдели относились ко всей этой кутерьме совершенно равнодушно. Они спокойно лежали на своих местах, выставив вперед бородатые рыжие мордочки. Только умные карие глаза внимательно следили из-под нависших бровей за всем происходящим. Да упруго подтянутые лапы говорили о том, что эрдели настороже и готовы в любую минуту вскочить и дать достойный отпор всякому, кто осмелится их задрать.

Шум и гам в залах стадиона был невероятный. От собачьего лая звенело в ушах. Для того, чтобы говорить с соседом, нужно было кричать во все горло.

Случилось так, что основная масса эрделей была помещена не в общие залы, а в крайнюю комнату. И здесь была совершенная тишина.

Эрдели

Попав сюда, я с недоумением остановился и готовился уже повернуть обратно, как вдруг заметил, что и здесь много собак, но все они молчаливо лежат на своих местах. Люди, сидящие около них, спокойно, вполголоса перебрасываются словами, и тишь и спокойствие такие, как у себя дома.

Рыжие собачки заинтриговали меня. За последний год работы с собакой я успел уже многому научиться, но эрделей видел впервые, если не считать картинок в кинологических учебниках.

Я долго обхаживал их со всех сторон, пока, наконец, не осмелился обратиться к военному, сидящему около своей рыженькой собачки:

— Скажите, пожалуйста, почему эти собачки не лают, не волнуются? В чем дело?

Эрделист лукаво улыбнулся, и я услышал интригующий ответ:

— Это не „собачки“, а эрдели... Культурная публика, вот и молчат!

Я почувствовал себя ужасно неграмотным и, смущенно отойдя в сторону, стал издали следить за эрделями.

Да, это были самые натуральные собаки, они так же, как и все, умели лизать своих хозяев, вилять коротким рыжим обрубок и даже лаять отрывистым приятным контральто.

Любопытство взяло верх, и я вновь подошел к тому же эрделисту.

Он вовсе не был уж так суров, даже, наоборот, очень мил и любезен. Это был начальник одного из питомников эрдель-терьеров. Он с большой охотой рассказал мне о своих питомцах. Оказалось, что мое незнание вполне понятно, так как собачек этих очень немного, и они сравнительно недавно появились у нас в Союзе.

Осмелившись погладить по курчавой черно-рыжей спине, я с удивлением обнаружил, что шерсть эрделей жестка, как щетина, хотя с виду они и были похожи на плюшевых медведек.

Начальник объяснил мне, что благодаря такой шерсти эрдель-терьер лучше всех других пород защищен от всех невзгод жизни.

Он объяснил также, что эрдель храбр и вынослив, способен удивительно ориентироваться в незнакомой местности, пробегать без отдыха огромные расстояния с поразительной быстротой, переплывать широкие озера и быстрые реки, а благодаря своим небольшим размерам и скромной окраске шерсти, может быть незаметен на любой местности.

Ринги продолжались два дня. На утро были объявлены оценки и выданы призы хозяевам лучших собак.

Особенно хорошо прошли кавказские овчарки.

Мало кто получил так много призов, как они — эти грозные львоподобные псы.

Потрясая призами, чабаны торжественно обещали беречь и размножать эту изумительную породу. И вовремя! Давно пора уже было взяться за это. Дедовский обычай уничтожать при рождении сук-щенят, привел к такому положению, что на выставке, на несколько сотен кавказских овчарок, было не больше десятка самок. Порода не могла дальше размножаться.

И патефоны, и охотничьи ружья, которые получали чабаны за своих мохнатых сторожей отар, помогали им проникнуться уважением к своим питомцам.

Торжественная церемония выдачи призов длилась очень долго.

Я не досмотрел ее до конца. Признаться, она меня и не касалась: мой Джери не удостоился приза. На ринге он получил только „удовлетворительно“... И это было для меня большой неожиданностью.

Как же так? Как могло случиться это? — спрашивал я себя. Столько возгласов восхищения и одобрения слышал я о своем друге, что уже привык к ним и принимал их как должное! Его хвалил судья на ринге в Свердловске, и здесь, в Москве, и вдруг случилось такое...

„Удовлетворительно!“ — так много собак на выставке получило эту оценку!

Растерянно бродил я по павильону выставки и машинально зашел в отделение эрдель-терьеров. Вчерашний эрделист сидел на своем месте около своего рыжего питомца. Пес лежал, свесив бородатую морду к полу, и зоркими карими глазами следил за публикой. И прямо над ним, на стене, была прибита дощечка с надписью:

ОТЛИЧНО

Я был поражен. Как эта рыжая обезьяна (так всерьез обозвал я собаку) получила первое место на рин-

ге, а мой красавец-гигант только „удовлетворительно“. Молча, совершенно подавленный, я отошел в сторону и издалека угрюмо наблюдал за эрдель-терьером.

К эрделисту поминутно подходили люди и просили показать победителя. Хозяин, улыбаясь и похлопывая собаку по курчавой спине, выводил ее на середину павильона.

— Рядом, Риппер, рядом,— ласково говорил он псу, и тот, задрав кверху куцый хвост, важно гулял по павильону, как будто понимал, что все смотрят на него.

Выждав, когда наплыв любопытных немного схлынет, подошел и я к эрделисту. Он приветливо встретил меня.

Заметив, что лицо мое пасмурно, сочувственно спросил:

— Э-э, да вы что-то не в духе! Что у вас?.. Неудача на ринге? Бывает, бывает... И крепко провалился? — поинтересовался он, дружески взяв меня за плечо. — Пес какой у вас? Давайте сходим посмотрим на него...

Когда мы подошли к Джери, эрделист внимательно осмотрел его и затем похлопал ласково по спине.

— Ну, и что же? — весело сказал эрделист после некоторого молчания. — И вы убиваетесь? Вот она и видна ваша молодость да неопытность. Вам гордиться надо, что вырастили такого дядю, а вы в пессимизм ударились.

— Так ведь провалился же он! — воскликнул я.

— „Провалился, провалился...“ — передразнил эрделист. — Так ведь где провалился-то? В Москве, на Всесоюзной. На уральской-то он у вас, в Свердловске, прошел первым? Первым, — плохо разве? Разве не победа для вас, что вы, купив у себя на месте щенка, сумели вырастить пса, который заслужил быть на Всесоюзной выставке? Сюда ведь сливки свозятся. Лучших из лучших выбирают, ну и уж конечно за каждую мелочь цепляются. Здесь уж мало одной красоты да мощности. Надо, чтобы все линии были идеально правильны. Что у вашего-то нашли? Ну-ка выведите его, я взгляну еще разок.

Я отвязал Джери, и эрделист, прищурясь и отступив на шаг, испытующе осмотрел его.

— Насчет шеи говорил судья? — задал он вопрос.

— Да, сказал, что сырая.

— Ну, конечно, видите какой подвес, — и эрделист показал рукой на мясистую складку, свисавшую под шеей Джери. — По стандарту допускается не больше двух сантиметров, а у него по крайней мере пять висит! Шея у собаки должна быть сухой, жилистой. Оружие собаки — зубы, челюсти, и шея должна быть подвижна, быстра в движениях, чтобы ничего не болталось и не мешало. В борьбе мгновение может сыграть решающую роль! А задние ноги? — спросил эрделист.

— Сказал, что прямозадость, — неохотно ответил я.

— Тоже ничего не скажешь — верно. Рахит, наверное, был?

— Был!

— Ну вот, рахит в первую очередь хватается за передние лапы. Они росли медленнее; задние, которым не пришлось бороться с болезнью, обогнали их в росте. Получилась высокозадость, да еще от матери или бабки передалась по наследству выпрямленность задних ног, ну вот вам и прямозадость!

— Да разве это имеет такое большое значение? — воскликнул я.

— Может для вашего дога особого значения и не имеет, а вообще, конечно, да. Выпрямленная нога не так пружинит, как чуточку согнутая, а для бега, для прыжков это все! Ну, а в общем — не плох! Хороший, представительный пес! Друг он вам? Любит вас, слушается, тоскует, когда вас нет?

— Тоскует, недавно целый погром устроил, — сказал я повеселевшим голосом.

— Вот то-то и оно; это самое главное. И будет ваш пес поживать на славу и такие еще дела вы с ним натворите, что любо-дорого! Бросьте думать и пошли к Рипперу!

Он похлопал еще раз Джери по спине и даже пощекотал фамильярно у него за ухом. А Джери — я не узнавал его сегодня — вильнул несмело хвостом и потом

с виноватым видом, что допустил такую вольность, потянулся ко мне.

На этом наш разговор оборвался. В павильон вбежал дежурный и крикнул на весь зал:

— Выводить собак! Выстраиваться!

Ринги закончились. Закрытие выставки ознаменовалось парадом всех участников се. Я тоже поспешил за Джери.

Это было грандиозное зрелище. Около полутысячи собак выстроились со своими проводниками на плацу стадиона.

Посетителей набралось очень много, не один десяток тысяч. Просторный стадион не мог вместить всех желающих.

К началу парада над стадионом появился дирижабль. Гудя, он стал кружиться над парадом, поблескивая на солнце своими алюминиевыми боками.

Затем дирижабль снизился. Из кабины вывалился комок конфетти. Комок распался на тысячи снежинок. Крылатые листовки закружились над головами людей.

Собаки, звеня цепями, зашевелились, забрехали.

Громкий окрик команды донесся с правого фланга.

Парад начался!

Собирая за собой тысячи зрителей, парад продефилировал по центральному парку культуры и отдыха.

Публика шпалерами выстроилась вдоль шествия. Особенно суетились ребятишки. Они взбирались на скамейки. Забыв о сторожах, перепрыгивали через газоны. И, рискуя попасть в зубы какому-нибудь псу, лезли под ноги идущим.

Громкие выкрики дежурных заставили зрителей отхлынуть из парка на высокий зеленый пригорок. Мимо публики протопал взвод красноармейцев в прорезиненных комбинезонах. Шлемы с красными звездами были притянуты к очкастым респираторам.

Сбоку каждого красноармейца бежала собака, маски же болтались под высунутыми языками четвероногих бойцов.

Взвод спустился по пригорку в долину, пересек ее наискосок и выстроился на берегу реки. Изда-

лека люди казались маленькими игрушечными солдатами.

Командир взмахнул рукой. Фигурки наклонились к своим четвероногим товарищам и наглухо застегнули противогазы. Внизу у подножья пригорка встало несколько красноармейцев.

Со стороны медленно наползало, чуть колеблясь от порывов легкого ветерка, белое смрадное облако. Через минуту оно закрыло уже всю долину и стало медленно затягивать реку.

В последний момент, как сквозь дымку тумана, зрители увидели, как люди у реки один за другим взмахнули руками.

Неуклюжие четвероногие резиновые комки рванулись от людей и исчезли в молочном тумане.

Секунда... другая... третья... Затаив дыхание, люди на пригорке ждали... Облако тихо клубилось и медленно текло по долине.

Из молочной мглы выпрыгнул резиновый шар. Нелепо взмахивая отростками лап, он подкатился к вожатому под пригорком. Сел у его ноги, тяжело вздымая боками и чуть вздрагивая резиновым обрубком на месте хвоста. Выкатился второй шар, за ним третий...

Красноармеец раскрыл портдепешник и вынул донесение. Затем расстегнул застёжки и растянул резиновую прорешку противогаза. Высунулась желтая кудлатая морда.

Карие глаза с невыразимой нежностью взглянули на человека. И хотя розовая пена слепила морду собаки, язык, вывалившийся беспомощно набок, конвульсивно дергался от частых-частых вздохов, от которых, казалось, вот-вот разорвется грудь собаки, эрдель-терьер ткнул мордой в руку человека и преданно лизнул ее языком.

Человек наклонился к собаке и ласково погладил сухой ладонью по забрызганной пеной голове. Чуть помедлив, решительно отнял руку, застегнул маску, выпрямился и резко взмахнул рукой.

Резиновый шар мгновенно сорвался с места и нырнул в молочную клубящуюся тьму.

В ГОСТЯХ У ЭРДЕЛИСТА

Мы уезжали обратно на Урал. С нами половину пути ехал знакомый эрделист. Понятно, что разговор наш шел о собаках. Эрделист много рассказывал о своих питомцах, которые нас, уральцев, очень интересовали.

— Эрдель-терьеры, — говорил он, — отличаются необычайной храбростью. Буры, например, применяют их для охоты на львов. Эрдельки бесстрашно бросаются на африканского владыку. Они, как саранча, облепляют его со всех сторон, щиплют, кусают. И пока лев возится с ними, охотник спокойно пристреливает его.

Кроме того, эрдели прекрасно ориентируются в любой местности.

На войне такая собака — незаменимый друг бойца. В современном бою при необычном развитии огневых средств связь сохранить всего труднее.

Весь участок действующего фронта поливается сплошным потоком свинца и железа. Рвутся снаряды, стрекочут пулеметы, огненными струями поливают огнеметы. Взрывы фугасов вздымают в небо тонны земли, вырывая огромные воронки.

В этом аду все гибнет. Рвутся кабели, скручиваются телефонные и телеграфные провода. Замолкают истерзанные радиостанции.

Человек с донесением, самокатчик, мотоциклист быстро попадают на мушку врага. И только небольшая и преданная собака сможет проскочить через эту смертоносную завесу.

Небольшая ростом, защитная по окрасу, хорошо ориентирующаяся на местности и умеющая использовать естественные прикрития, собака выполнит поручение там, где бессилен человек.

Четвероногий связист, своевременно доставивший донесение, может решить судьбу операции.

Мы с уважением и завистью поглядели на рыжих кудлатых собачек. С завистью потому, что у нас на Урале еще не было ни одного эрдель-терьера. словно сговорясь, мы обступили эрделиста, прося его дать для свердловского питомника несколько собачек.

После продолжительных просьб эрделист согласился, наконец, дать несколько щенят из своего питомника. Было решено, что я заеду к нему через три месяца.

*

В назначенный день я приехал к нему в питомник. Питомник был расположен на окраине города, на высоком берегу Волги. Вся площадь была засажена яблонями, и летом здесь, наверное, было чудесно.

Сейчас стоял январь. Раскидистые ветви яблонь гнулись от тяжелых охапок снега, а мороз посеребрил все кругом игольчатым инеем.

Мы подошли к щенятнику. К моему великому удивлению, посредине выгула¹ на снегу весело резвились щенята.

— Удивлены? — довольный произведенным эффектом, сказал эрделист. — Вот вам и эрдельки! Морозище, а младенцам хоть бы хны! Играют себе, как будто им и не всего лишь четыре месяца!

Мы зашли в выгул. „Младенцы“ горохом подкатились к нашим ногам. Отскакивая от земли, как резиновые мячики, они силились лизнуть моего спутника в лицо. А он, этот большой, взрослый дядя, принялся с ними играть, как ребенок. Раздувая лапами шинели, он бегал от них, тяжело топоча сапогами по снегу, а щенки взапуски катились за ним. Треугольные лопушки ушек болтались по ветру, куцые хвостики вздрагивали от радостного возбуждения.

Я поймал одного на лету. Это было очаровательное толстопузенькое существо. Оно так крутилось у меня на руках, сисясь лизнуть обязательно в нос, что я еле успевал перехватывать его из одной руки в другую.

Жесткая шерстка топорщилась во все стороны. Усатая мордочка сияла такой лаской и преданностью, что невольно хотелось поцеловать черную мокренькую пуговку носа. Вертелся он в руках, как уж; но стоило мне спустить его на землю, как он изо всех силенок принялся прыгать мне на грудь.

¹ Выгул — дворик для собак.

А прыгал он здорово! Эти четырехмесячные младенцы отскакивали от земли, как заводные попрыгунчики, по крайней мере на метр с четвертью.

Я припомнил Джери. Какой он был неуклюжий в этом возрасте! Он еле таскал свои костлявые лапы, а уж о прыжках в то время не приходилось и говорить.

Эрдельки были полной противоположностью. Сразу стало понятно, почему они являются незаменимыми связистами на войне.

Я заглянул в домик, аккуратно поставленный в углу выгула. Он был пуст. Ни один щенок не грелся там. Все они предпочитали свежий морозный воздух теплоте уюту щенячьего гнезда.

У одного выгула эрделист задержался дольше. Потыкавшись носами в сетку, щенята убежали играть. Одного же эрделист задержал, ласково окликнув:

— Снукки!

Щенок остановился у сетки, чуть подергивая хвостиком. Это была полугодовая самочка и держалась она уже степеннее своих четырехмесячных сородичей.

Эрделист долго смотрел на нее. Потом обернулся ко мне.

— Видели? Вот эту собачку я наметил дать вам. Только сначала присмотрюсь к вам еще поближе. Поживете у нас здесь денька три, тогда и решим... Это ведь класс!.. Прочли?— и он ткнул пальцем в табличку над дверями выгула.

Я прочитал:

<p>ПОМЕТ¹ РИППЕР-ДАУНТЛЕСС родились 22/V-1934 г.</p>

— Ну, Риппера-то вы знаете по московской выставке, а Даунтлесс не видали?

Я отрицательно мотнул головой.

¹ Помет — потомство собаки.

— Пойдемте, я их сейчас покажу вам обоим.

Мы отправились на квартиру. При нашем приходе из соседней комнаты неторопливо вышли одна за другой две рыжие собаки. Обе они, как две капли воды, были похожи друг на друга, только одна из них была крупнее.

— А вот и родители! — весело сказал эрделист. — Знакомьтесь — Даунтлесс. А это Рипп — не забыли еще?

Конечно, я не забыл Риппера — победителя на Всесоюзной выставке. Даунтлесс я раньше не видел. Она не была на выставке из-за щенков, но я и о ней слышал. Об этой паре я уже слышал много.

Риппер и Даунтлесс были лучшими эрделями в Советском Союзе. Обе собаки были вывезены из-за границы: Риппер — из Лондона, Даунтлесс — из Дублина.

Риппер — Даунтлесс давали прекрасное потомство. По красоте и правильности телосложения они брали первое место на всех всесоюзных выставках. По работе — были лучшими связистами в Красной армии. Понятно поэтому, что все дети и внуки этой пары шли в армию и ни один щенок не отдавался на сторону.

Даунтлесс принадлежала питомнику. Риппер же был начальника. И по собаководческим законам владелец собаки-отца имеет право получить лучшего щенка из родившихся.

И Снукки была выбрана начальником. А он метил ее мне.

Риппер подошел ко мне и внимательно обнюхал мои ноги.

Закончив осмотр, он также неторопливо отошел в сторону, поднял деревянную баклушку, валявшуюся на полу, подкинул ее несколько раз в воздух и, бросив на пол, удалился.

Риппер, несмотря на свой, сравнительно, небольшой рост, был сильным и ловким.

В заборе двора, в котором часто резвились Риппер и Даунтлесс, на высоте человека, было выпилено круглое отверстие, чтобы посетитель мог предварительно заглянуть во двор.

Когда кто-либо приходил, Риппер бросался к калитке и яростно прыгал, стараясь дотянуться до отвер-

ствия. Он молниеносно выбрасывал голову вперед, и оскаленная морда, как жало, протыкала отверстие.

Риппер брал чудовищные барьеры и препятствия. Начальник питомника сообщил мне, что это еще не предел и отдельные, хорошо натренированные, эрдели способны брать до трех метров высоты.

От начальника же я узнал, что короткие хвосты эрделям вовсе не даны от природы, а укорачиваются при рождении — таков стиль! А курчавая жесткая шерсть сама не линяет и ее необходимо выщипывать два раза в год — осенью и весной.

После обеда мы отправились гулять с собаками. Дунтлесс послушно трусила у ног своего хозяина, а Риппер пулей носился по сугробам, ныряя в темноту, как в воду.

Вдруг мой спутник тревожно закричал:

— Рип! Ри-ип!.. Ко мне!..

Из тьмы мгновенно вырвался Рип и, сломя голову, несясь к хозяину. Убедившись, что тревога ложна, сделал пару кругов и вновь скрылся за сугробами.

В этот вечер начальник питомника рассказал мне замечательную историю о Джемми-альпинисте из рода эрделей.

РАССКАЗ О ДЖЕММИ-АЛЬПИНИСТЕ

В Домбайской долине Кавказских гор, у подножия пика Суфруджу, уютился домик метеорологической станции.

Через каждые три дня от домика в долину спускается рыженькая кудлатая собака. В пристегнутом к ошейнику портдепешнике она несет очередную метеорологическую сводку на ближайший радиопункт.

Перепрыгивая с камня на камень, бодро несется собака вниз по тропинке. До ближайшего радиопункта шестьдесят километров, и она преодолевает их единым махом.

Домбайская долина глуха и безлюдна, лавины, обвалы не дают здесь селиться человеку, и только рыжая Джемми соединяет заброшенную в горах метеорологическую станцию с остальным миром.

Мохнатого почтальона хорошо знают на радиопункте. Джемми является всегда точно, как по расписанию, и только немного опавшие бока да устало опущенный хвост напоминают о том, что эрдель-терьер опять пробежал „кусочек“ пути, как шутливо звали радисты шестьдесят километров тропинки от станции до радиопункта. Переночевав, рано утром Джемми возвращается обратно к подножию пика Суфруджу.

Так все лето. Поздно осенью, когда в горах бушует пурга, с крутых ледяных склонов катятся лавины снега, метеоролог — хозяин Джемми — покидает уютный домик у подножия пика и возвращается в город. Зимой он проводит за изучением и обработкой научных материалов, добытых за лето.

А рыжий мохнатый почтальон отдыхает до весны, до нового похода в горы.

Юность Джемми прошла в военном питомнике, в компании таких же, как она, рыжих курчавых щенят. Щенята подросли, началась школьная пора.

Джемми готовили в связисты.

Это было совсем не то, чему учил Дуров своих животных. Дуров, наблюдая за своими зверями, заметил их характерные движения, привычки и использовал для обучения приемам.

Он заметил, что морские львы, живя на свободе, любят играть камешками, что они подбрасывают их своими тупыми носами и ловко жонглируют, как будто прирожденные циркачи. Дуров заменил у своих морских львов камешки мячами, и звери стали играть ими и даже с большей, чем раньше, охотой, так как за каждую игру они получали рыбку. Получался трюк, от которого в цирке тысячи людей хлопали в ладоши.

А между тем, все было очень несложно и куда проще и легче, чем научить Джемми сидеть и ложиться по команде проводника.

Джемми только что разыгралась, расшалилась, ей хочется прыгать, резвиться вместе с другими молодыми собаками, но резкое „сидеть!“ — обрывает ее игру. Нужно садиться и сидеть так, чтобы ничего не могло отвлечь ее с места, даже если перед носом прошмыгнет мышь.

Когда Джемми осилила все подготовительные науки, началась дрессировка в поле.

Два человека всегда ходили с Джемми, кормили ее, чистили помещение, в котором она жила, расчесывали жесткую курчавую шерсть. Собака платила им равной привязанностью.

В поле один отходил в сторону и звал к себе Джемми. Другой, привстав на одно колено, взмахивал рукой в сторону ушедшего и командовал „пост!“ Джемми срывалась с места и стремглав мчалась к нему, где ее ждали ласковое похлопывание и кусочек лакомства.

С каждым разом расстояние увеличивалось, скоро оно дошло до полутора километров, и Джемми зачастую совсем не видела того, к кому бежала. Но инстинкт и чутье помогали ей всегда безошибочно выбрать направление и найти ушедшего.

Труднее стало, когда начались занятия по двухсторонней связи.

С обеих сторон выпускалось по собаке и где-то на середине пробега они встречались. Джемми смертельно хотелось с ней подраться, но долг повелевал ей бежать, не задерживаясь, и она пробегала мимо, сердито фыркнув на соперницу.

Позднее собак стали приучать к выстрелам. И здесь вожатый Джемми сделал непоправимую ошибку. Он не стал приучать собаку постепенно к резким шумам, а выпалил из винтовки у нее над ухом. Это была непростительная оплошность.

Джемми испугалась. Прекрасный связист остался на всю жизнь пугливым к выстрелам и резким внезапным шумам.

И, когда собаки проходили испытания, Джемми еще с несколькими такими же неудачниками не попала в армию.

Выбракованных собак взяли колхозы, где они стали писмоносками и разносили почту колхозникам на полевые станы.

А Джемми купил молодой ученый-метеоролог.

Через год метеоролог принял участие в альпинистском восхождении на пик Суфруджу.

Подъем начался рано утром. Отряд альпинистов, связанных попарно веревкой, растянулся цепочкой по крутому обледенелому склону пика Суфруджу.

В первой паре шел метеоролог. Рядом с ним бежала Джемми. Это был смелый опыт — взять с собой на штурм пика собаку. Правда, метеоролог и не думал тащить ее до вершины. Собака должна была остаться в одном из промежуточных лагерей вместе с теми участниками экспедиции, которые устанут в пути и будут непригодны для дальнейшего подъема.

Случай, толкнувший метеоролога взять Джемми, произошел всего лишь несколько дней назад.

Экспедиция думала начать восхождение неделей раньше. Когда уже все сборы были закончены и метеоролог прощался со своим кудлатым другом, Джемми вдруг завывала. Метеоролог изумился — этак расчувствовалась собака! Он удивился еще больше, когда Джемми схватила его зубами за рукав и стала дергать к себе. Перед отходом, бросив взгляд на анероид, он неприятно поморщился. Стрелка беспомощно металась по циферблату, хотя недавно стояла совершенно неподвижно на ясной погоде.

Теперь метеорологу стало понятно и поведение эрдель-терьера. Джемми инстинктом чувствовала приближение страшной горной пурги.

Восхождение отложили. Не успели распаковать заплечные туристские мешки-рюкзаки, как пик затянуло туманом. Завыл ветер. Четыре дня бушевала непогода. Альпинисты сидели в палатках и, прислушиваясь к завыванию ветра, сотрясавшего брезентовые полотнища, обсуждали, что было бы с ними, если бы ураган застал их на склоне пика Суфруджу.

Стихла непогода, и экспедиция приступила к восхождению. В лагере осталась резервная группа альпинистов.

Ослепительно искрил горный снег и прозрачный, как стекло, лед. Альпинисты надели большие с дымчатыми стеклами очки. Очки были и на Джемми. К застежкам очков были пришиты дополнительные ремешки, чтобы их удобно было закреплять на голове собаки. Без очков глаза ослепли бы на второй же день восхождения.

К этой необходимой принадлежности метеоролог приучил Джемми заблаговременно. Вначале эрдель-терьеру ужасно не нравилась эта повязка. Она закрывала глаза и мешала смотреть. Собака мотала головой, пробовала сорвать очки лапами, сердилась и лаяла.

Хозяин останавливал ее громким „фу!“. Тогда Джемми, перестав буйствовать, впадала в мрачное раздумье и молча сидела, уныло повесив голову.

Метеоролог только ласково посмеивался, глядя на эти ухищрения друга. Аккуратно каждый день он надевал на собаку очки. Постепенно Джемми привыкла к ним. Через неделю она уже не обращала на них внимания и бегала в очках так же весело, как и без них.

Чем выше, тем труднее становился подъем, круче, неприступнее скалы. Приходилось вырубать во льду ступеньки, вбивать железные крючья. Метеоролог начинал подумывать о том, что совершил большую ошибку, взяв с собой собаку.

Джемми скользила по льду, лапы были поранены в кровь, но она все же бодро карабкалась вместе с хозяином на отвесные кручи.

Как-то, перебираясь через расселину, альпинист, связанный с метеорологом в паре, выпустил нечаянно из рук ледоруб¹. Глухо звякнув, он скатился в глубину. Без ледоруба альпинист превращался в беспомощное существо, опасную обузу своему товарищу.

Метеоролог подполз к краю расселины. Глубоко внизу, четко выделяясь на белом фоне снега и льда, чернел крестик ледоруба. Метеоролог обвязал Джемми

¹ Ледоруб — род кирки, употребляемый альпинистами для вырубания ступенек во льду.

и осторожно стал спускать ее вниз. Когда собака коснулась дна расселины, он скомандовал:

— Аппорт!

Собака схватила зубами ледоруб, и метеоролог вытащил ее обратно.

Поздно ночью, при свете полной луны альпинисты разбили лагерь на тесной площадке над обрывом.

Сняв теплые с войлочной подошвой башмаки — шекельтоны, метеоролог с ужасом убедился, что он отморозил ноги. Шекельтоны немного жали, и этого было достаточно, чтобы пальцы ног онемели от мороза.

Больше часу он оттирал ноги снегом, пока, наконец, их удалось вернуть к жизни, но теперь они были страшно чувствительны к холоду. Ночь на морозе погубила бы их окончательно.

Когда метеоролог улегся в своей палатке, Джемми свернулась калачиком у него в ногах. И обмороженные ноги всю ночь согревались теплом собаки.

Так повторялось каждую ночь. Своим теплом Джемми спасала ноги хозяина.

Однажды, когда альпинисты спокойно двигались по пологому склону слежавшегося снега — фирна и льда, Джемми вдруг уперлась и ни за что не хотела идти дальше. Впереди, на блестящей поверхности льда, змеилась темная полоса. Подо льдом скрывалась трещина, и собака предупреждала об опасности.

После этого случая во всех подозрительных местах Джемми пускали вперед людей, и она, как опытный вожак, обходила все ненадежные, но скрытые коркой льда, трещины и запорошенные снегом расселины.

На пути альпинисты оставляли маленькие провиантные запасы, чтобы использовать их при обратном спуске.

В одном таком лагере метеоролог и Джемми остались. Впереди начинались отвесные неприступные стены, которые собака не в силах была штурмовать, да и сам метеоролог не в силах был взбираться на крутые подъемы с обмороженными ногами.

Восхождение продолжалось. Метеоролог снизу следил в бинокль за черными точками, упорно пробиравшимися к вершине. Они то исчезали за огромны-

ми ледяными утесами, то вновь ползли, как мухи, по ослепительно белой отвесной стене. Джемми — видела ли она? — тоже смотрела в их сторону.

Как-то утром, когда человек и собака, по обыкновению, следили с высокого места за подъемом, ледяная скала, на которой стояла палатка, звонко лопнула. Лавина с грохотом скатилась в бездну, срезав начисто и площадку и склон, по которому поднялись сюда люди.

Палатка, а вместе с ней и припасы, снаряжение, продукты — все было уничтожено, исчезло бесследно.

У метеоролога шевельнулись волосы на голове, когда он понял, что сулила эта катастрофа. Запасы пищи уничтожены, экспедиция, спустившись с вершины, окажется перед лицом голодной смерти... К нему, метеорологу, она, смерть, придет еще раньше...

Он ощупал карманы — галета и плитка шоколада, вот и все, что осталось ему.

Что делать? Нужно подать знак, сообщить о несчастье в лагерь у подножия пика, чтобы выслали помощь... Но как?.. Спуститься одному — нечего было и думать, ноги... да и у него ничего не было, даже ледоруба.

Мучительная тревога за свою судьбу и судьбу товарищей закрадывалась в сердце...

Альпинисты резервной группы, оставшиеся в лагере у подножия пика, были немало удивлены, когда на далеком фирновом поле склона пика Суфруджу заметили черную точку.

В восьмикратный бинокль было видно, что точка движется, прыгает, то исчезая, то вновь появляясь на фирне... Что такое?.. Экспедиции еще рано было возвращаться, да и точка ничуть не походила на фигуру человека...

— Собака!.. — вдруг догадался начальник группы.

— Это же Джемми, — больше некому быть! — Но почему она одна; что бы это могло значить?..

Бинокли неотрывно следили за движущейся точкой, она все приближалась, уже ясно видно, что это собака, вот она осторожно спускается по ледяной круче, скользит...

— Ох... — единым вздохом вырвалось у наблюдателей; точка сорвалась, покатила по склону, миг — и

она исчезла... На белом поле она уже больше не появлялась.

— Живей, друзья! — скомандовал начальник, поспешно пряча бинокль в футляр. — Надо найти ее, живую или мертвую!

Через десять минут три человека быстро поднимались по склону. К полудню они достигли того места, где видели в последний раз собаку. Вот и откос, с которого она сорвалась...

Внизу, в ледяной ложине, среди острых ледяных глыб лежала Джемми. Увидев людей, она рванулась им навстречу, но жалобно завизжала и упала на перебитые лапы.

Начальник расстегнул ошейник, вынул из кармашка записку. Нахмурясь, прочел. Потом решительно скомандовал:

— Живо, товарищи, обратно и готовиться к подъему — выручать нужно!

Ласково поднял на руки Джемми и двинулся вслед за остальными...

*

— Ну... и что же дальше? — нетерпеливо вырвалось у меня, когда рассказчик умолк.

— Вот и все, — ответил начальник и лукаво улыбнулся.

— Как все? А как же альпинисты, Джемми?

— Ах, Джемми!.. — засмеялся начальник, сделав вид, что только сейчас понял мой вопрос. — Джемми благополучно здравствует у своего хозяина. Раны зажили, кости срослись. Берет барьеры — любо-дорого смотреть! Кстати: сросшиеся кости крепче целых.

Метеоролог ноги залечил и пребывает в добром здравьи, так же, как и остальные альпинисты. Джемми спасла всех! — и ласковая улыбка гордости за своих рыжих питомцев осветила лицо эрделиста.

ПУТЕШЕСТВИЕ С ЭРДЕЯМИ

Через три дня я тронулся в обратный путь.

Кроме Снукки, я получил еще пять пятимесячных

щенят для комитета. Пятеро младенцев были запрятаны в большую деревянную клетку, а Снукки я решил везти просто на поводке.

Клетку погрузили на сани, я взгромоздился на клетку, посадил Снукки на колени, и воз тронулся!

Снукки тихонько старалась отстраниться от меня, искося поглядывая на меня карими умными глазенками.

В нырках сани сильно бросало, и я сильнее притягивал Снукки к себе. Тогда грозное — „р-р-р“ — глухо выкатывалось из пасти.

В поезд я сел с боем. Проводники никак не хотели пускать меня в вагон.

Да оно и понятно; неуклюжая клетка загромоздила и купе и проход, а щенячьи голоса наполняли вагон визгом и лаем. Но отдать щенков в багажный вагон я тоже не мог. Трое суток пути могли стать для них гибельными.

От преждевременной высадки меня спасло только вмешательство дежурного агента.

Как только щенки оправились после встряски, полученной в санях, они притихли, свалились в углу клетки кучкой и заснули.

Снукки я уложил на свое сиденье, и она, свернувшись калачиком, также скоро задремала.

В вагоне было жарко натоплено, и скоро из клетки понеслись тяжелые ребячьи вздохи. Щенков морила духота. Они привыкли к морозам, теплая курчавая шкурка хорошо защищала их.

Высунув язычки, они метались по клетке, бились о прутья, лизали железные скобки клетки. Бойкие глазенки их помутнели, неугомонные коротенькие хвостики жалобно опустились вниз.

Не помогла и вода. Мгновенно вылокав ее, они вновь принимались метаться по клетке.

Но как стойчески переносили они свои мучения — ни одного звука не издавали их розовые пересохшие пасти, кроме хриплого прерывистого дыхания.

Я решил их вытащить из клетки и привязать под сиденьями. Вынув двоих, я надел на них ошейники и прикрутил поводки к ножкам сиденья. Пока я добы-

вал следующих щенят, первые двое уже успели набедокурить.

Они еще не были приучены к ошейнику и теперь, почувствовав его на своей шее, стали яростно рваться. Один так затянул его, что уже захрипел. Другой вцепился в поводок, мигом перегрыз его и пустился наутек.

Пока я ловил его, остальная компания успела выбраться из полуоткрытой клетки и разбрелась по вагону. С полчаса я ползал на коленях, вылавливая сорванцов из-под сидений.

Публика весело смеялась неожиданному зрелищу. Пришлось вновь посадить щенят в ящик. Поочередно я стал их таскать в тамбур, чтобы там они хоть немного могли отдышаться после духоты.

Пожилой колхозник, занимавший соседнюю полку, долго следил за моими заботами, наконец не выдержал:

— Ну и диво! Мужик, а со зверями водится, как нянька с дитем!—И принялся помогать мне.

Приход проводника подал мне новую мысль. Уборная в нашем конце вагона бездействовала, и я попросил показать ее мне. Она оказалась совершенно чистой и сухой. Я уговорил проводника отдать ключ от нее мне.

Накупив на ближайшей станции стопу газет, я толстым слоем застлал ими пол в уборной. Набросал тряпок, которые имелись у меня в запасе, и пересадил малышей туда. Получилось замечательно. Здесь было прохладно, просторно и изолировано от пассажиров.

Теперь и я мог передохнуть.

Через сутки колхозник сообщил мне, что когда я выхожу из вагона, Снукки начинает подвывать.

Оказывается, она уже начала привыкать ко мне и тосковала, когда меня не было в купе, но ласкать себя еще не позволяла и пищу ела неохотно.

Среди ночи меня разбудил проводник:

— Там у вас наводнение... Спасайте своих собачек...—сказал он, усмехаясь.

Я, как встрепанный, бросился из купе. Из-под двери уборной сочилась вода. Открыв двери, я ахнул.

Щенки по брюхо в воде бродили в своей клетке. Один, взобравшись на раковину умывальника, сидел на краешке и, мокрый до волоска, дрожал, как осинный лист, рискуя ежеминутно свалиться вниз.

И все-таки ни один из них не пищал!

Оказывается, прорвало бак, и вода затопила помещение. Одного за другим я вытащил щенят из воды, перенес их в купе и стал просушивать у паропроводной трубы.

Бедные зверюшки были мокрешеньки, но все-таки радостно крутили куцыми хвостиками, благодарно порываясь лизнуть меня в лицо.

В Свердловск приехали поздно ночью.

Прибыв домой, я в первый момент растерялся — куда мне рассовать щенят.

В квартиру нельзя — Джери. Решил клетку со щенками оставить до утра в холодных сенях. Снукки же повел с собой в комнату.

Остороженько протиснулась она в двери и замерла на пороге при виде огромного, по меньшей мере втрое больше ее ростом, дога.

Джери придирчиво обнюхал эрдель-терьера с головы до ног. Снукки стояла, как изваяние, только глазом чуть косила на дога — чтоб не цапнул, все-таки, большой чорт!

Я пошел в комнату. Косясь на дога, Снукки бочком-бочком стала осторожно пробираться следом за мной. Дог шел за ней по пятам, а Снукки, озираясь на него и поджав хвост, не отставала от меня.

На ночь Джери пришлось закрыть в прихожей, а Снукки осталась со мной в комнате. Обнюхав все углы, она залезла под кровать.

Рано утром я проснулся от звонкого собачьего лая. Будто два хлопка разорвались у меня над ухом. Посередине комнаты стояла испуганная мать. Перед ней, наморщив пасть, — Снукки. Матери понадобилось зачем-то зайти в мою комнату, и Снукки неожиданно бросилась на нее из-под кровати. Это малятка-то!

Впервые я услышал звонкий, немного еще ребячий контральто Снукки.

Я вышел в сени и замер от испуга,—клетка не подавала никаких признаков жизни. Неужели замерзли?

И я бросился ее открывать. Сейчас же внутри ящика поднялась отчаянная возня. Щенки не думали умирать, просто они крепко спали, намаявшись после тяжелого путешествия.

Накормив, я выпустил их во двор. Какая тут началась суматоха! Щенки принялись бегать, прыгать, сломя голову, носиться взапуски,—насиделись чай, за дорогу!

Нужно было их переправить в Дом обороны. И я всю пятерку решил вести без всякой привязи. Выпустив щенят на улицу, я пустился бегом, крича:

— Ко мне! Ко мне!—И щенята колобками катились за мной, не желая отстать ни на шаг.

Прохожие останавливались и, глядя на нас, смеялись до слез.

Вот одному малышу попало на дороге что-то вкусное. Он остановился, но тотчас же спохватился, что отстал и, роняя изо рта крошки, кинулся догонять.

Так бегом мы и примчались к Дому обороны. Бегом поднялись по лестнице. И щенята ни на шаг не отставали от меня, прыгая, как жучки, около развевающихся пол моей шинели.

В комнате уже ждал начальник.

— Поздравляю с первыми эрделями на Урале!—приветствовал он меня и пожал крепко руку.

— Намучились в дороге? Пассажиры беспокойные, сам знаю.

Выслушав с улыбкой мой рассказ о путешествии со щенятами, он сказал:

— Знакомая история. Со мной еще хуже случалось. Я раз с четырьмя взрослыми овчарками в пассажирском вагоне ехал. Поверите ли, вот натерпелся страху!.. Аργο знаете? Лучший караульный пес; злоба неимоверная. Сейчас в колхозе на охране урожая работает. Недавно двух поджигателей задержал!

И начальник, потирая рукой лоб, как бы стараясь восстановить что-то в памяти, задумался. Я приготовился слушать.

Детство свое Арго провел в Москве и попал в Свердловск после многих приключений.

Будучи в Москве, я случайно наткнулся на объявление о продаже овчарки. Зашел по указанному адресу.

Крупный, песочного цвета пес, злобно рыча и лая, рвался из рук хозяйки, стараясь дотянуться ощеренной пастью до меня. Налитые кровью глаза с ненавистью следили за мной. Шерсть ершом топорщилась на спине.

„Ух, и злой, чорт!“ — подумал я про себя и спросил хозяйку:

— Почему продаете?

— Да злой очень, невозможно сладить, — заговорила женщина, еле удерживая за ошейник беснующегося пса. — Бросаться на всех стал, проходу никому не дает... А вчера знакомую одну искусал сильно... Ну, муж рассердился на Арго — решил продать немедленно. Аргуша ты мой, неудачливый, — жалостливо провела она рукой по взъерошенной шерсти собаки. — Ведь пес-то умница какая, жалость берет, когда подумаю, что продаю... Да вот, поди ж ты, сладить невозможно...

— Сколько ему?

— Четыре, пятый пошел... Со щенка у нас живет.

— Что же вы такого злого выкормили?

— Да он не злой был, ласковый был... а вот последние годы злой стал, чем старше, тем злее... Гуляли с ним мало... — тихо призналась женщина.

Это была не новая история.

Любители красивых собачек приобрели щенка немецкой овчарки. Ростили его, холили, баловали. Но дальше этого дело не шло. Дрессировать, гулять, заниматься с собакой — у хозяев нехватало времени. Щенок вырос, возмужал, превратился в крупного, крепко сложенного пса. Запертый в четырех стенах, он начал беситься. Пес из добродушного, ласкового постепенно превратился в хмурого недружелюбного зверя.

Начал „похватывать“ проходящих, перестал слушаться хозяев. За последний год превратился в бешеного зверя, способного разорвать кого угодно. Испробовав все способы его укрощения (за исключением самого главного!), испуганные хозяева решили строптивного пса сбить с рук.

Я купил Арго. На рычащую собаку надели намордник. Пес перестал бесноваться, притих и, опустив голову, понуро поплелся за своим новым повелителем.

Кроме Арго, я купил еще три овчарки. Со всей этой сворой мне предстояло проделать путь в пассажирском вагоне от Москвы до Свердловска.

Главный поезд ужаснулся, когда увидел на пероне эту компанию рычащих пассажиров. Сесть в вагон удалось только после длительного скандала, с помощью дежурного агента.

Положение мое было незавидное. На руках четыре собаки, из которых три злые, как черти, только и следили за тем, нельзя ли как перервать друг другу горло, и лишь одна, по кличке Джери-Черная, была миролюбива, но и то в общей суматохе тоже могла кого-нибудь цапнуть за ногу.

И в довершение беды, на всех четверых имелось только два намордника.

Кое-как погрузились в вагон. Я развел собак по разным купе, успокаивая пассажиров, что „собачки спокойные, неприятностей не причинят“. Привязав собак на поводки, ушел к себе в купе, взяв с собой Джери-Черную и Рэкса — злого пса.

Поезд тронулся. В окне, убегая, замелькали станционные сооружения, колеса четко простучали по стрелкам. Позади погасли огоньки Москвы.

Я облегченно вздохнул и опустил на сиденье.

Но поспать мне в ту ночь не пришлось. Испуганные вопли из соседнего купе мигом подняли меня на ноги.

Посреди купе стоял Арго. Пассажиры жались углам. Какая-то гражданка вскочила на скамью и вопила пронзительным голосом:

— Укусит, укусит!..

Ощерив клыки, вздыбив шерсть, Арго медленно обводил взглядом людей, как будто выискивая себе жерт-

ву. Пузырчатая белая пена хлопьями стекала на пол из пасти. Глухое угрожающее рычание клочкотало в гортани собаки.

Момент был критический. Один ложный шаг, и беда могла разразиться неминуемо. Что сделать? Сказать пассажирам, что собака чужая и я знаю ее столько же, сколько и они? Подождать, пока пес поостынет сам собой? А другие собаки? Растревоженные, они уже подавали о себе знать с разных концов вагона злобным рычанием и лаем.

Призвав к себе все самообладание, я шагнул к собаке и совершенно спокойно, даже ласковоскомандовал:

— Гуляй, Арго! гуляй!

Услышав столь приятную команду в такой неожиданный момент, Арго опешил. Закрыв пасть и облизнув языком пену, он недоумевающе посмотрел на меня.

Этого момента я только и ждал. Схватив скинутый намордник, я мгновенно нахлобучил его на собаку. В одну руку схватил поводок, а другой, поглаживая и похлопывая собаку по спине, принялся успокаивать ее, приговаривая:

— Хорошо, Арго, хорошо!..

Огорошенные таким неожиданным оборотом дела, пассажиры смущенно спустили ноги с сидений. Кто-то даже захихикал, стараясь смешком скрыть смущение. И только гражданка, больше всех испугавшаяся, заявила:

— Им-то что бояться? Собака, ясно, хозяина никогда не тронет!

Я ничего не ответил. Да и что я мог сказать им на это? Признаться, что собаки не мои и знают меня столько же, сколько и их?! Мне даже краска бросилась в лицо. Наклонившись к ножке сиденья, я сделал вид, что стараюсь потуже затянуть поводок.

Пассажиров я, конечно, постарался успокоить, извинился, попутно рассказал какую-то веселую собачью историю. (Чтобы поднять настроение, — ведь действительно мог случиться страшный скандал!)

Но эти события все же закончились для меня неблагоприятно. Главный, узнав о происшедшем, кате-

горически предложил мне высадиться со своей сворой на ближайшей станции или, на худой конец, оставить Арго.

Пришлось Арго ссадить на каком-то полустанке. С дежурным агентом я договорился, что приеду за собакой через три дня. Оставив деньги на прокорм, на всякий случай свой адрес и, заручившись клятвенным обещанием агента, что тот уберезет Арго, я уехал.

В Свердловске на вокзале секретарь комитета вручил мне телеграмму:

„Арго бежал. Выезжайте немедленно“.

Тем же „заворотом“, пересев на другой поезд, я ринулся обратно.

Растерянный агент сообщил мне подробности побега: Арго оборвал веревку, прогрыз дощатую дверь чулана, где он сидел, и скрылся. Трехдневные поиски не дали никаких результатов. Пес, как в воду, канул.

— Знать, что такая бестия,—ни в жизнь бы не взял!—сокрушался агент.

Я поехал по окрестным деревням. Прошло еще несколько дней безрезультатных розысков. Наконец, в одной деревушке, километров за тридцать от станции, мне сообщили, что на хуторе у пасечника забежала в амбар какая-то собака.

Я бросился туда.

Старик пасечник был дома. Он чистил старинную фузею, старательно отдирая керосином вековую ржавчину.

— Здеся собака,—ответил дед на мои расспросы.—Сидит у меня в амбаре—с голодухи видно туды полез. Только, ох и лют! Не собака, чистый зверь! Я уж его всяко пытал—ничего не берет; не подпускает, как бешеный. Решил я его кончить. Вот ружьишко у меня имеется—против волков держу—так попробую пальнуть. Проржавело только, окаянное!—сокрушенно заметил дед, заглядывая в покрытый раковинами ствол.

— Да ты погоди палить-то. Вот лучше я попытаю—может ко мне пойдет?

— И не думай!— решительно ответил дед.— Помяни мое слово, оторвет он тебе башку.

Все же дед прекратил чистку и повел меня во двор.

Амбар был закрыт на деревянную затычку. Прильнув к щели в тесовой стене, я увидел в темноте два зеленых фонарика. Собаки не было видно, светились только глаза.

Я позвал, как можно ласковей:

— Арго!— фонарики метнулись в сторону и из темноты донеслось угрожающее рычание.

— Вишь!— торжествующе засмеялся дед.— Вот те и карга!— переиначил он кличку Арго на свой лад.— Говорю, давай пальнем!

— Да подожди ты!— рассердился я,— открывай амбар.

Приоткрыв дверь амбара, я осторожно проскользнул в темноту.

Слышно было, как сзади дед прихлопнул наглухо дверь и прильнул к щели.

Зеленые огоньки отскочили в угол. Я подождал пока глаза немного освоятся с темнотой. Сзади доносилось тихое сопенье деда. Постояв с минуту, шагнул осторожно.

„Только бы не запнуться в темноте“,— пронеслась в мозгу мысль.

Вытянув вперед руку с колбасой и хлебом, я осторожно приближался к собаке. Затем, когда уже огоньки были в нескольких шагах и обрисовались смутные контуры собаки, с внезапной решимостью шагнул к Арго.

Собака метнулась в сторону. Но голод был так велик, а колбаса так вкусно пахла...

Теплое дыхание увлажнило мою руку. Зверь схватил колбасу и проглотил, не жуя. За колбасой последовал хлеб.

Арго затих, прислушиваясь к ласковому голосу и вздрагивая от прикосновения моей руки.

— Ну... рядом, Арго!..— осторожно скомандовал я.

Пес помедлил минуту, потом подчинился. Поглаживая взъерошенные его бока рукой, я вывел собаку из амбара...

— Здорово!— вырвалось у меня, когда начальник окончил свой рассказ.

— Приключение, конечно, не из приятных, но особенного ничего нет,—возразил он мне, хотя разгоревшееся во время рассказа лицо не совсем соответствовало его словам.

— Если вы хотите, чтобы собака всегда вас слушалась, запомните мой совет:— никогда не пасуйте пред собакой. Малейший оттенок трусости в вашем голосе и все пропало; собака тотчас же перейдет в нападение. И, наоборот, решительное смелое действие,— но без развязности — и зверь уступит воле человека.

ДРУЗЬЯ ДОМА

Прошло немного времени, и между догом и эрдель-терьером установилась самая тесная дружба. Первое время, правда, они ссорились из-за меня. Стоило только Снукки подойти ко мне приласкаться, как дог сейчас же вскакивал со своего места и поспешно бросался к нам. Сердито рыча, он носом сталкивал лапы Снукки с моих колен и клал на их место свою голову. Иногда, когда эрдель-терьер пробовал сопротивляться, дог свирепел, бесцеремонно хватал его за шиворот и отбрасывал в сторону.

Но со временем Джери привык к тому, что Снукки имеет такие же права на ласку хозяина, как и он, да и сам привязался к ней.

Постепенно дружба между собаками стала прямо-таки трогательной.

Если я уходил на прогулку со Снукки, Джери забивался в свой угол и молча тосковал там. Уговоры и ласки домашних не помогали. Пес вяло вилял хвостом, но взгляд собаки был отсутствующий, тоскливый. Не помогало даже лакомство; дог глотал его, не жуя, и вновь прятался на свое место.

А что начиналось, когда мы возвращались домой! Ликованию не было конца! Хозяин уж тут отходил на второй план. Все внимание устремлялось на Снукки. Джери гарцевал вокруг нее, как застоявшийся кавалер.

лерийский конь. Игриво подтыкал ее носом, лизал, скреб лапой, даже взвизгивал иногда. Озабоченно вынюхивал ее всю, начиная от рыжего носа, до кончика кургузого хвоста, как будто стараясь по принесенным ею запахам определить, где она была.

И только когда детальный осмотр был благополучно закончен, дог успокаивался, стихал и подбегал ко мне. Прижавшись к коленям, он старался подсунуть свою голову под мою руку и, когда это удавалось, блаженно замирал, прислушиваясь, как моя рука щекочет у него за ухом.

Если уходил Джери, Снукки садилась на порог и тоненьким голоском подвывала до тех пор, пока Джери не возвращался обратно. Опять начиналось ликование, с той разницей, что теперь уже обнюхивала Снукки, а дог послушно стоял и радостно крутил хвостом.

Место Джери было в прихожей у голландской печи.

У Снукки — в моей комнате под письменным столом. Если догу приходило желание поиграть с эрдель-терьером, он являлся в комнату и пытался подлезть под стол. Но Снукки свято оберегала свое жилище. Даже от Джери! Грозным рычанием и лязганьем зубов она пыталась отогнать назойливого друга, но обычно долго не выдерживала и выбиралась из-под стола, подтыкаемая джеркиной мордой.

Начиналась возня. Щелкали зубы, в квартире дымшел коромыслом; приходилось расшалившихся приятелей разгонять по своим местам.

Через минуту Джери осторожно высовывал из-за дверей кончик носа: может быть хозяин сменил гнев на милость и разрешит ему поиграть? Скрепя сердце, я все-таки вновь отсылал его на место; послушание прежде всего!

Но он мог еще и не уйти если приказ отдан ласковым тоном. Интонация для собаки великое дело! Приказание нужно отдавать решительным и твердым голосом.

Наконец, все утихомирилось. Снукки лениво зевает под столом, время от времени чешется или принимает-ся тереть передними лапами морду с таким остервенением, что трещат усы и борода.

Джери тоже успокоился. Он закатился в самый угол к печи и лежит на спине вверх ногами. Это значит, что у него хорошее настроение.

Когда я прохожу мимо него, он начинает громко сопеть, стараясь привлечь к себе внимание хозяина.

Стоило мне, хотя бы даже шопотком, заговорить со Снукки, как и Джери являлся тотчас же, чтобы тоже получить свою порцию ласки!

Джери удивлял нас своим слухом. По стуку ворот он мог отличить кто идет — свой или чужой. Чужой — дог лежал спокойно, чуть пошевеливая ушами. Свой — он поспешно соскакивал с места, приоткрывал носом дверь и ждал когда схлопает наружная дверь и затем бежал навстречу, молча виляя хвостом.

Утром, незадолго до моего пробуждения, Джери неслышно приходил в мою комнату. Долго стоял молча, прислушиваясь, затаив дыхание. Стоило мне пошевелить веками, и он бросался ко мне.

Если же я продолжал спать, Джери начинал рычать. Сначала тихо, деликатно, потом сильнее, сердито, и в конце концов разражался громогласным лаем.

Снукки в это время внимательно следила со своего места за всей этой историей.

Я просыпался, и собаки кидались к постели. Лизали руки, тыкались прохладными сырыми носами в мою щеку и, только убедившись окончательно, что я встаю, убирались во-свояси.

Время моего прихода со службы собаки знали точно без всяких часов. За полчаса до этого они уже начинали ждать. Снукки садилась у порога, а Джери нетерпеливо бегал от дверей к окну и обратно. Когда я, наконец, приходил, они радовались, как будто не видели меня целый век.

Снукки старалась допрыгнуть до моего лица. Джери тыкался носом в мои руки, терся боками, и только в минуту крайнего возбуждения привскакивал передними лапами так, что они приходились на уровне моих плеч. Он старался ими легонько ударить меня в грудь, но от этой нежности я едва не валился с ног.

Во время щенячества Джери я пробовал его обучить разным домашним приемам: приносить калоши, пода-

вать перчатки и т. п. Позднее, перейдя исключительно на служебную дрессировку, я это забросил.

У Джери же воспоминание об этих временах осталось на всю жизнь. И когда дог хотел мне особенно выразить свою преданность, он бежал в прихожую и... тащил калошу. Иногда даже ухитрялся принести сразу пару. Эта привычка у него осталась на всю жизнь.

Как-то раз собаки особенно долго ласкались, всячески стараясь выразить свою преданность. Вдруг Снукки поспешно убежала в прихожую. Через секунду она была уже опять около меня и, немножко смущенная своим поступком, подавала мне калошу. Привычку друга переняла и она!..

Ко мне собаки проявляли изумительную чуткость.

Если я приходил домой в дурном настроении, они потихоньку убирались на свои места. Стоило мне только рассмеяться, начать шутить, как собаки сейчас же бросались ко мне. Дог прибегал первым, за ним эрдель. Оба начинали нетерпеливо топтаться около меня.

Когда я долго не обращал на них внимания, они затевали шумную игру между собой, как бы стараясь показать мне, что и им радостно, раз я весел.

Приближается обед. Взрослая собака питается два раза в день. Снукки и Джери обычно едят в девять часов утра и в пять часов дня. Собаки начинают ждать обеда часов с четырех. Не сидят на месте, слоняются по комнатам. С половины пятого безвыходно толкутся в прихожей, лежат на полу, сидят на пороге. Без четверти пять замирают у кухонных дверей и, высунув носы из-за занавески, не мигая смотрят в кухню, откуда сладко пахнет овсяной кашей или мясной похлебкой, которую мать разливает по чашкам. Чашки алюминиевые, с широкими днами. Для дога — большая, для эрдель-терьера — поменьше.

Джери одолевает нетерпение. Он проскальзывает за занавеску и осторожно, шагок за шагом, пробирается в кухню, деликатно помахивая хвостом и с невинным видом поглядывая на мать.

— Ах ты, прохвост, прохвост!.. — скажет, улыбаясь, мать.

Джери мгновенно приободрится и решительно шагнет к чашке.

— Куда? — грозно закричит мать.

И Джери поспешно улепetyвает в прихожую.

Иногда он делает иначе. Смело отодвигает носом занавеску и входит в кухню с непринужденным видом.

Но результат всегда бывает один, — Джери позорно изгоняют обратно. В кухне собачьему племени присутствовать строжайше запрещено.

Мать уходит из кухни. Собаки остаются дежурить у занавески. Томятся, изнемогают. Их желудки уже наверное полны желудочного сока. У дога через отвислые канавки губ течет слюна. Снукки от возбуждения, открыв пасть, начинает тяжело дышать. Но кухня для нее „табу“ — запретное место.

Она выдерживает искушение. К тому же эрдель-терьер и не так жаден к еде, как дог.

Джери же тяжеленько... Да он и знает, что там за занавеской стоит корм законный его! И он воровски начинает опять пробираться к желанной цели. В этот момент в столовой кто-нибудь загремит стулом. И дог, как ошпаренный, выскакивает обратно. Все-таки он не хочет, чтобы его застали за этим занятием.

Наконец чашки выставлены в прихожую. Обе морды опущены в чашки. Слышится только смачное шлепанье языков и побряхтывание Джери. Дог съедает первый. Встав около Снукки, он терпеливо ждет, не останется ли что у нее. „Какая ты счастливая, ешь!“ — кажется говорит он всем своим видом. Из чашки вылетает крошечный кусочек хлеба. Джери поспешно подлизывает его. Какое это счастье — получить крошечку еды! (Хотя сам только что съел объемистую чашку супа!) Ничего не подделаешь. Любит парень покусать!

После этого следует порция костей. Некоторое время слышится только непрерывный треск ломающихся костей. Крепкие челюсти дробят их, как ореховую скорлупу.

Снукки кончает свою порцию первой (у Джери более крупные кости). Тихонечко укладывается она поблизости от Джери и внимательно наблюдает за догом.

Вдруг он вскакивает и бросается к чашке (вспомнил, что не вылизал ее дочиста языком) и тотчас же бежит обратно. Но уже поздно. Снукки с остатком кости в зубах поспешно утекает к себе на место.

Приходит очередь ждать Джери. Понутив голову, он стоит около места Снукки и ждет... ждет до тех пор, пока Снукки не надоест возиться с костью.

Тогда он хватается за нее и вновь принимается грызть. И в конце концов кость исчезает вся без остатка, как бы крепка она ни была. Даже здоровенные коровьи мослы не могут устоять против мощных челюстей дога.

После этого оба друга идут локать воду. Широкодонная глиняная чашка стоит в углу прихожей полная чистой воды.

Джери локает с шумом, расплескивая на пол воду. Шлеп! Шлеп! Шлеп!

Снукки локает торопливо, как будто спеша не отстать от друга. Чамк! Чамк! Чамк! С ее язычка не слетает ни единой капельки.

Чашка с водой стоит круглые сутки. Чашки же с кормом убираются через пятнадцать-двадцать минут, независимо от того съеден корм полностью или что-нибудь осталось. Этот твердый режим служит полной гарантией того, что корм будет съеден до последней крупинки.

Мне приходилось часто слышать жалобы собаководов, что их собаки плохо едят корм. Худеют, теряют жизнерадостный вид, отказываются от любой пищи, хотя с каждым разом им предлагают все более и более вкусные вещи.

Как правило, оказывалось, что у таких собак чашка с кормом стоит с утра до вечера. Корм закисает, в чашку подбавляют новую пищу, а ничего не помогает. Пес не ест.

В том-то и весь секрет, что собака прекрасно учла это обстоятельство. Если она не съест свой обычный рацион, ей дадут что-нибудь другое. Не другое, так третье. И она так зарывается, что в конце концов отказывается даже от колбасы и ветчины.

Стоит у такой избалованной собаки попробовать регулярно убирать чашку с кормом, и через два-три дня

голодовки она начнет превосходно пожирать и черный хлеб и овсяную кашу. Быстро войдет в хорошее тело, и хандры как не бывало.

Но вот за семейным столом начался обед. Дог входит в столовую и важно растягивается на ковре, скрестив передние лапы. Но во время обеда собакам торчать у стола не разрешается, и Джери переходит к дивану.

Диван — это его привилегия, хотя он и стоит поблизости от стола. Дог садится на диван; задние лапы поджаты под себя, передние уперты в пол. В такой нелепой позе он начинает дремать. Глаза постепенно смыкаются, затягивается третье веко, голова клонится вниз. Вид у него уморительный. В этот момент он похож на подвыпившего дядюшку.

— Джери! — окликаешь его.

Дог вздрагивает, вскидывает голову и смотрит отупело моргая глазами, как человек, разбуженный во время крепкого сна. Яркорозовое третье веко медленно прячется на свое место.

На кличку дога является и Снукки. Она садится спиной к книжному шкафу, нелепо расставив мохнатые лапы. Поза явно неудобная. Лапы скользят по полу, разъезжаются в разные стороны, но Снукки упрямо сидит, время от времени чешется, пронзительно, протяжно зевает и тоже начинает дремать. Лапы разъезжаются еще шире, голова опускается на грудь.

Но вот на стол вспрыгивает кот. Подняв трубой пушистый хвост, он беззастенчиво шагает прямо через тарелки. У Джери сон как рукой сняло! Он сердито нахмуривает морду, морщит губы, смотрит на кота страшными глазами. Не порядок! Опять же и завидно; ему можно, а мне нельзя...

В конце обеда кот получает на полнесколько вкусных кусочков. Один он не доел. Джери, сломя голову, бросается, чтобы слизнуть эту крошечку. Но... поздно! Снукки опережает его. Исподтишка она уже давно подобралась к кусочку в надежде, что кот что-нибудь оставит.

На сытый желудок кот принимается играть. Он носится по квартире, как угорелый. Топочет лапками, как

будто катает какую-то крошечную тележку. Скачет по столам, шкафам, этажеркам. Подпрыгнув, цепляется за портьеру, долго висит на ней.

Вид у кота самый отчаянный. Глаза вытаращены, шерсть распушилась.

Неожиданно с разбега он прыгает на голову дремлющей Снукки и впивается ей прямо в нос. Снукки дико взвизгивает, стряхивает кота и поспешно улепetyвает к себе под стол.

Иногда, правда, она пытается ударить котенка, но резкое — „фу!“ всегда останавливает ее. Да и случается это очень редко. Собаки давно уже сжились с мыслью, что котишку трогать нельзя.

В свое время, когда котенок впервые появился в доме, при виде собак он буквально сходил с ума. Пыжился, яростно шипел и, распушив хвост трубой, улепetyвал куда-нибудь на шкаф.

Но собаки его не трогали, просто они с любопытством старались обнюхать его, ходили по пятам с загадочными мордами и вообще ужасно интересовались что это за „страшный зверь“ появился в доме.

Видя их миролюбие, стал спокойнее и котенок. Постепенно он привык к ним. Привыкнув, стал смелым.

Раз как-то, посадив Джери перед чашкой с едой и запретив ему дотрагиваться до нее, я ушел в свою комнату да и забыл о том, что дог сидит и пускает слюнки.

Вдруг прибежал Джери, потыкавшись носом в мои руки, тревожно убежал обратно и вновь вернулся ко мне.

Я пошел за ним в прихожую! Кот, присев аккуратным пушистым комочком у чашки, старательно вылизывал с кромки кусочки жира. Джери тревожно топтался около него и умоляющими глазами просил меня убрать этого нахала.

Раз как-то дог никак не хотел ложиться на свое место. Беспокойно ходил по квартире, топтался в прихожей.

Я пошел посмотреть — в чем дело?

На просторной джеркиной подстилке лежал беленький пушистый комочек и сладко спал. А Джери с несчастным видом ходил около своего места, но выжить котенка не решался.

Наконец он, зацепив подстилку лапой, потащил ее в сторону. Кот поднял голову, но все-таки не ушел. Тогда Джери, тяжело вздохнув, примостился рядом с ним. Лег так осторожно, чтобы не потревожить гостя, что почти целиком оказался на полу — на подстилку попала лишь голова, да кусочек спины. Когда же кот ушел, Джери скорей загреб подстилку обратно в угол, плотно улегся на ней и лежал до вечера.

Дружба собак с котом дошла до того, что они стали даже есть из одной чашки.

В этих случаях Джери только ужасно торопился, — вдруг кот все съест и ничего ему не оставит!

Обед закончен. Все уже разошлись из-за стола, а Джери долго еще томится в дремоте на диване. Наконец уходит и он в прихожую.

Какое блаженство, если топится голландская печь!

Джеркина подстилка убрана. Дог лежит на полу и зачарованно смотрит в приоткрытую дверцу. Он глаз не может оторвать от огня. Жарко нестерпимо. Джери щурится, мигает, морда у него накаливается кажется не меньше печи. Яростно потрескивают дрова. Впечатление такое, что трещит и джеркина морда! Он тяжело дышит, сопит... В конце концов уходит и растягивается в истоме где-нибудь на полу.

А его место у печи занимает Снукки. Поблаженствовать у жары не прочь и она, хотя ее шуба раза в два теплей джеркиной!

ДРУЗЬЯ НА ПРОГУЛКЕ

Сколько было радости, когда мы втроем отправлялись на прогулку.

Я еще ничего не говорю, но собаки уже по каким-то, только им известным признакам, знали, что я собираюсь с ними пойти гулять. Начиналась тревожная беготня от моей комнаты к своим местам. Собаки заглядывают мне в лицо, всячески стараясь ускорить наш отход, садятся передо мной и, дрожа от нетерпения, ждут...

Но вот произносится магическое слово:

— Гулять!

Собаки, как очумелые, вскакивают, бросаются на меня, друг на друга. Ударом лапы дог сбивает Снукки с ног, та катится под стол, Джери бросается за ней, грозя вынести на своей спине и стол и всю мебель.

Торопливо надеваются ошейники, и друзья бомбой вылетают во двор.

Чтобы дать собакам возможность порезвиться вволю,— а это необходимо!— я обычно выбирал для прогулок малооживленные места, где можно не опасаться ни трамваев, ни автомобилей, ни надоедливых зевак.

Вся наша компания сворачивала в переулок.

— Гуляй!— и собаки в рассыпную бросались по сторонам. У каждой хлопот полон рот. Нужно обследовать все встречное, обнюхать каждый кустик, каждую щепочку. В особо интересных случаях поскрести лапой и даже, забрав в пасть, потаскать щепку с собой некоторое время.

В старом запущенном саду — обычное место наших прогулок,— начиналась игра.

Снукки находила какую-нибудь щепку или тряпку. Джери кидался отбирать, Снукки увертывалась и мгновенно превращалась в бешено крутящийся волчок.

Вот обе пасти вцепились в тряпку. Каждая старается перетянуть. Джери, упершись крепко лапами, медленно тянет к себе. Снукки, притворно рыча и припадая к земле, рывками дергает в свою сторону. Так тянется иногда довольно долго (если выдержит тряпка), то чуть-чуть перетянет один, то другой.

Джери притворно сердится. Грозно, басисто рычит. „Ур-р-р... Отпустишь, говорят тебе“, — кажется хочет сказать он, — „Отпустишь, а то, как брякну... у-р-р!“ И дог приступает к решительным действиям.

Вздернув голову кверху, он мотает ею из стороны в сторону. Снукки дергается, как китайский болванчик, взлетает в воздух, шмякается на землю, вновь взлетает... Кажется, вот-вот оборвется шея... Но не тут-то было; эрдель-терьер и не думает отпускатся, челюсти крепко сжаты, глаза полуприкрыты и лишь тело распушено и безвольно болтается, повиснув на тряпке.

Джери надоедает первому. Он чуть приоткрывает пасть, чтобы перехватить тряпку за другое место, но... уже поздно. Снукки только этого и ждала. Вялое, обвислое существо мгновенно превратилось в упругий шар. Прыжок — и, зажав в зубах тряпку, Снукки уносится в сторону. Куцый хвост заодно задран вверх, рыжие ушки треплются по воздуху.

Джери смущенно мотает головой и отправляется на поиски новой игрушки.

Ростся в траве, скребет лапой землю, а сам будто невзначай нет-нет, да и покосится в сторону, где Снукки.

А Снукки, набегавшись досыта в одиночку, уже опять толчется около своего друга. То подскочит к нему, то отпрыгнет назад. То припадет на передние лапы и, виляя хвостом, приглашает приятеля принять участие в игре.

Джери непоколебим. Никакого внимания на все ухищрения эрдельки. В нетерпении Снукки подскакивает ближе. И вдруг... хлоп... могучий прыжок, оскаленная пасть хватает за рыжую шерсть, и Снукки лежит на обеих лопатках!.. Перехитрил-таки, чортов дог!

Я швыряю палку. Собаки вперегонку бросаются за ней. Но Джери тяжелее, по инерции он проносится мимо палки, и Снукки успевает схватить ее первой.

Иногда Снукки хитрит. Останавливается на полпути и ждет, когда Джери подхватит палку и понесет обратно. Тогда она бросается к нему и старается вырвать палку, чтобы самой принести ко мне.

Джери злится. Мотает головой, стараясь отмахнуться от Снукки, как от назойливой мухи, угрожающе рычит. Выпускает палку из пасти, с сердцем отшвыривает эрдель-терьера в сторону и, звучно вздохнув („Уф, устал!“), вновь подхватывает поноску и торопливо бежит ко мне.

Друзьям надоело играть друг с другом. Начинается заманивание хозяина.

Джери тычется мордой, рычит, лает на меня. Хватает за рукав и тянет в сторону. Снукки юлит между ногами, вскакивает мне на спину, грудь, старается лизнуть в лицо или схватить с головы фуражку.

Я взмахиваю поводком, и собаки вцепляются в него. Сейчас они уже не вырывают один у другого, а, наоборот, дружно тянут поводок из моих рук. Игра продолжается до тех пор, пока не затрещит поводок. Тогда я кричу — „брось!“, и собаки нехотя выпускают ремень из зубов.

Прогулка окончена. Чинно мы возвращаемся обратно. Собаки солидно бегут рядом со мной. Вдруг из-за угла неожиданно вывернулась дворняжка.

Собаки ринулись к ней. Бедный пес, опешив перед такой оравой, с испугу валится на спину. Задрав кверху лапы, он всем своим видом молит о пощаде. Но собаки вовсе и не намерены драться с такой мелкотой. Виляя дружелюбно хвостами, они придиричиво обнюхивают его незащищенное брюхо.

Команда — „рядом!“, и собаки послушно возвращаются ко мне.

Время от времени они оглядываются на дворняжку, которая с любопытством следует за нами.

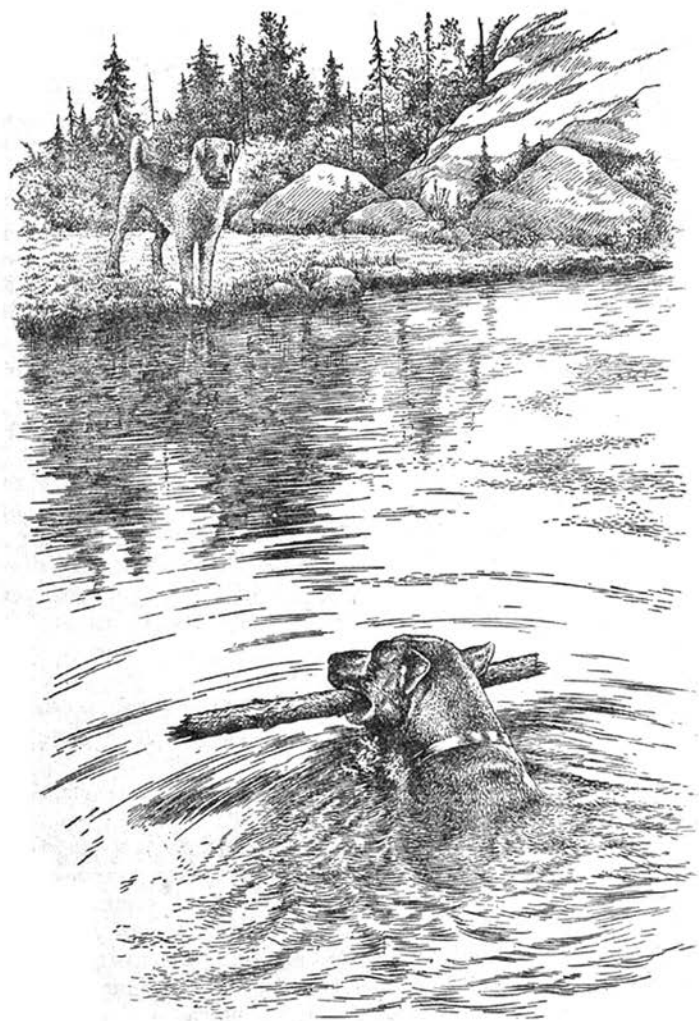
Я разрешаю им — „гуляй!“ Начинается игра. Дворняжка все же еще побаивается своих новых знакомых. Ей и страшно и в то же время очень интересно.

Ей даже льстит это: „Такие большие, а не злые и со мной играют!“ Так представляются мне в этот момент ее „мысли“.

Все же она опять опрокидывается на спину. На всякий случай! Мои собаки игриво попрыгивают около нее, и вдруг Джери неуклюже наступает лапой прямо на живот. Бедный пес, дико взвизгнув от четырехпудовой тяжести, вскакивает с земли и порывается бежать, но... остается. Знакомство состоялось, и игра разгорается с новой силой.

Правда, это удовольствие — играть с незнакомыми собаками — моим друзьям выпадает редко. В большинстве случаев я им запрещаю это. От уличной собаки можно заразиться глистами, поймать блох или, чего хуже, какую-нибудь кожную болезнь.

Самое большое удовольствие для собак — это купанье. Джери, сломя голову, мчится к реке. Снукки семенит следом. Дог с разбегу бросается в воду и, попав на глубокое место, принимается плавать круга-

ми. Чихает, отфыркивается, поднимает фонтаны брызг. В общем выражает огромное удовольствие, — в воде он чувствует себя, как дома.

Снукки же осторожно входит в воду по брюхо, иногда чуть больше. Быстро-быстро локает воду и затем, вытянув шею и наклонив голову, так что рыжая борода касается воды, внимательно наблюдает за догом. У ней купанье обычно ограничивается только полосканием бороды.

Я бросаю в воду аппорт. Джери, ловко развернувшись, как быстроходный катер, быстро направляется к нему. Тогда Снукки начинает волноваться. Бросается было вперед, но, погрузившись по шею, выскакивает на берег и, тоненько повизгивая, беспокойно мечется у кромки воды. Плавает она тоже превосходно, но почему-то особой любви к этому занятию не испытывает.

Джери с аппортом в пасти приближается к берегу.

Снукки встречает его по грудь в воде и тоже вливается зубами в аппорт. Так рядышком, морда к морде, они выходят на берег.

Джери отпускается первый. Он шумно отряхивает с себя потоки воды. Брызги отлетают за несколько метров. Снукки же резво подпрыгивает и принимается играть аппортом, как будто это она его и вытащила из воды!

Очень забавны прогулки зимой.

Снукки птицей носится по сугробам. Возится в снегу, как курица-парунья на гнезде. Подскочив к Джери, припадает на снег, лукаво приглашая поиграть.

Дог только мотает головой, да косится глазом. Он знает, что это коварное предложение.

Но сердце его не выдерживает. Бросается за плутовкой, длинные его лапы, как жерди, протыкают сугроб и... он с головой проваливается в снег.

Выбравшись из сугроба, Джери осторожно возвращается обратно. Он явно сконфужен, не глядит мне в глаза и смущенно болтает головой, стараясь освободиться от прилипшего к морде снега.

Снукки же в это время порхает по сугробам. Она кругленькая, коротенькая и чувствует себя на снегу

превосходно. Она вся облеплена снегом. На усах, бороде налипли сосульки. Из-под смерзшихся бровей выглядывают озорные карие глазки.

Возвращаемся домой. Теперь дог бежит впереди, а эрдель почему-то отстает. Я слышу какое-то странное брэнчание. Вглядываюсь в Снукки и... начинаю смеяться. Теперь сконфужена Снукки. Она вся обмерзла снегом. На груди, шее, боках висят сотни маленьких сосуллек. При каждом движении они мелодично позвякивают, как крошечные бубенчики.

Иногда мы совершаем прогулки по оживленным улицам. Время от времени это необходимо делать, чтобы собаки не пугались городского шума. Уравновешенная собака никогда не должна теряться и должна быть послушна всегда, при любой обстановке.

По улице идем обычно по команде — „рядом!“

Комичное это зрелище: огромный, важно выступающий дог и рядом с ним, вдвое меньше его, бойкая рыженькая кудлатая собачка.

На это диковинное зрелище сбегались ребятишки, толпой шли следом за нами. Они, обычно, страшно надоедают своими расспросами:

— Дядя, это сыщик?

— Дядя, а как собаков зовут?

— А он много ест?— Вопрос особенно мне надоевший. Его задает почти каждый, встретившийся впервые с Джери.

Редкая прогулка обходится без ребятишек. Мои собаки обычно пробегают мимо них, не обращая внимания.

Ребята, видя их незлобивость, смелеют и, хотя с опаской, но лезут поближе, пытаясь погладить.

Снукки этой фамильярности не выносит. Она сердито отскакивает в сторону и внезапно, как разорвавшаяся бомба, разражается звонким лаем. Чтобы не напугать ребят, приходится скомандовать ей „фу“. Джери же благосклонно разрешает прикоснуться к себе, даже немного задерживается около ребят.

Однажды на прогулке мне пришлось наблюдать такой случай:

У ворот дома, мимо которого мы шли, стоял рядом со своей матерью карапуз лет двух-трех. В руках он держал длинный тоненький прутик.

Увидя Джери, малыш задорно замахнулся на него прутиком.

Джери покосился на него, молча пробежал мимо. Неожиданно через несколько шагов он повернулся и направился прямо к малышу.

Испуганная мать, вообразив, что собака собирается броситься, дико вскрикнула от ужаса. Но Джери и не думал нападать.

Спокойно он взял из рук опешившего малыша прутик и опять направился своей дорогой.

Мне же оставалось только извиниться. Хотя, в сущности, извиняться было не в чем, я посоветовал женщине не разрешать ребенку замахиваться на незнакомых собак. Будь на месте Джери другой, менее воспитанный, пес, дело могло окончиться далеко не так невинно!

Джери нес прутик несколько кварталов. Потом перекусил его пополам и бросил.

Раз на прогулке нам повстречался пьяный. Собаки насторожились за десять-пятнадцать метров не доходя до него. Снукки три раза звонко слаяла и обежала покачивающегося человека стороной.

Джери же взъерошился, придвинулся тесней ко мне, и прошел мимо пьяного, угрожающе озираясь и глухо рыча.

Впоследствии я убедился, что эта враждебность была не случайна; собаки не переносят нетрезвых людей.

Иногда мне случалось зайти с собаками в магазин.

Публика вначале шарахалась от моей своры. Но собаки держали себя с таким достоинством, что страх быстро уступал место любопытству. Начинались расспросы: как зовут, какой кто породы, сколько лет и (опять!) сколько ест Джери...

Если в лесу, ночью на безлюдной улице мои собаки (в особенности Джери) всегда злобны и недоверчивы, то в толпе, среди народа, — будь то в магазине, в железнодорожном вагоне, на оживленном бульваре, — они скромны и незлобивы. Им можно насту-

пить на хвост, невзначай ударить по морде, ткнуть в бок — они только подвинутся в сторону, но даже не попытаются огрызнуться. В этой замечательной черте своих грозных друзей я имел возможность много раз убедиться.

Конечно, тут дело не только в инстинкте собаки. Здоровый инстинкт нужно еще подкрепить и правильным воспитанием. Не увлекаться развитием слепой злобы (как это, к сожалению, еще делают многие), наоборот, сдерживать ее при случае и вызывать только тогда, когда она действительно необходима.

Только при таком воспитании собака будет послушной, исполнительной, обладать большим достоинством и никогда не причинит своему другу-хозяину неприятностей.

СКРИПУНЫ

В конце зимы, придя как-то утром в комнату, Джери увидал странную картину. В углу под столом, где обычно лежала Снукки, копошились какие-то черные толстые зверюшки. Они неуклюже переползали по подстилке и тихонько пищали.

Снукки лежала рядом и тщательно вылизывала малышей языком.

Едва только Джери сунулся под стол, как она с злым рычанием кинулась на него, и, если бы пес не успел отдернуть морду, Снукки вцепилась бы прямо в нос.

Чтобы не раздражать ее, Джери пришлось отойти на весьма приличное расстояние. Он стоял не шевелясь и с любопытством заглядывал под стол.

Снукки ушла на место и легла. Тотчас же малыши окружили ее, подползли под брюхо и принялись сосать.

Сосали они очень забавно. Отталкивали друг друга, карабкались один на другого, яростно пищали. Насосавшись, отваливались тугими шариками и тотчас же засыпали.

Они были настолько малы и беспомощны, что приходилось непрерывно следить, как бы мать нечаянно не задавила их.

Первые дни Снукки целыми днями лежала в гнезде. Ласково вылизывала малышей языком, соблюдала за ними строгую чистоту. Выходила она только за тем, чтобы съесть чашку корма.

Ела торопливо, глотая целиком огромные куски и настораживая уши. Стоило только пискнуть одному из малышей, как она бросала еду и спешила бегом к своему семейству.

Чтобы собака не оставалась голодной (а пищи ей в это время требовалось очень много), пришлось чашку с кормом ставить около гнезда.

На четвертый день после рождения щенят я пригласил на дом знакомого хирурга. Снукки заперли в соседнюю комнату, а щенят вытащили из гнезда на стол. Хирург тщательно вымерял маленькие, похожие на черных упругих червяков, хвостики. Нашупав позвонок, выстриг ножницами на каждом хвостике кольцом шерстку и потом этими же ножничками, предварительно обмазав их иодом, отстриг у каждого щенка по полхвосту. Бедные малыши только слегка пискнули, да в отрезках выступили капельки крови. Чтобы не дать кровоточить, хирург стянул ранки шелковой ниткой.

— Вот и готово. И пискнуть не успели, как фасон навели! — пошутил хирург и пошел на кухню мыть руки. Щенят снесли обратно в гнездо, а на столе остались десять маленьких хвостиков. Так маленькие эрдельчики приобрели свой вполне законченный вид. Этого требовал „фасон“.

Выпустили Снукки из соседней комнаты. Она бросилась в гнездо, тревожно обнюхала свою семью и осторожно принялась зализывать ранки языком. А малыши попищали немного, насосались доотвалу материнского молока и опять уснули.

Первое время семья все больше спала. Во сне щенята тихонько попискивали. Иногда начинали пищать все разом, и тогда получалось какое-то забавное поскрипывание.

Дома так их и прозвали — „скрипунами“.

Спали щенки сбившись в тесную кучу. Каждый старался во что бы то ни стало залезть как можно вы-

ше. Это было похоже на „куча мала“. В довершение сходства самые маленькие всегда оказывались на самом низу, а самые крупные и сильные — наверху.

Иногда, правда, удавалось и малышу взгромоздиться наверх! Но ненадолго. Куча распадалась, и щенята раскатывались в разные стороны.

Не один Джери интересовался щенками. Целыми часами перед гнездом высиживал кот.

Он сидел неподвижно, аккуратно составив вместе передние лапы, и сосредоточенно наблюдал за возней малышей. На некоторое время он перестал интересоваться даже мышами и игрой.

Скоро, однако, щенята стали заметно расти. И, хотя глаза их все еще были затянуты тусклой сиреневой пленочкой, они стали вылезать из гнезда, а так как оно было сделано в виде неглубокого ящика, то обязательно запинаясь о борт и уморительно шлепались на пол.

Иногда такой озорник выкатывался к самому носу сидевшего на своем наблюдательном пункте, кота. Кот тревожно фыркал, подскакивал, как ужаленный, и стремглав летел прочь.

Со временем, однако, он стал заигрывать с ними. Быстро трогал бархатной лапкой и тотчас отскакивал в сторону.

Со взрослыми собаками кот жил в большой дружбе. И, когда щенки подросли и стали похожи на маленьких собачат, кот стал пугаться их заметно меньше.

Через две недели щенки прозрели. А еще через несколько дней стали локать из блюдечка молоко.

Достаточно было только раз окунуть их мордашки в молоко, как они уже сразу осваивались и принимались бойко работать язычками.

Скоро появились и зубы. Теперь уже для матери наступили плохие времена! Щенки неимоверно тянули ее, царапали когтями, кусали. Снукки болезненно взвизгивала и пыталась вырваться от маленьких разбойников.

Теперь ее силой приходилось удерживать в гнезде на время кормления щенят. По окончании она поспешно вскакивала и бежала в другую комнату. Иной щенок

так присасывался к матери, что несколько шагов волочился за ней по полу.

Правда, с каждым днем щенки все больше переходили на самостоятельное питание, но мать не переставали интересоваться, и сй приходилось днями и ночами отсиживаться в соседних комнатах, куда доступ щенкам был категорически запрещен.

Скоро, однако, щенкам стало тесно в своей комнате. Пришлось им разрешить бегать по всей квартире.

Бежали они утомительно, не прямо, а как-то все бочком. Казалось, задние лапы действуют отдельно от передних и стараются их обогнать.

Коту теперь не стало житья. Едва он показывался, как они, сломя голову, всем табунком катились к нему, как лавиной захлестывали беднягу, сбивая его с ног. Кот исчезал под грудой щенят. Внезапно куча рассыпалась, из середины выпрыгивал одуревший кот и, задрав хвост трубой, мчался наутек.

Кот приуныл. Он ходил весь измазанный, затисканный. Щенки таскали его за хвост, дергали за уши. На полу больше житья не было. Приходилось скрываться на шкафах. Только там можно было спокойно вздремнуть, отдохнуть от тягот чужой семейной жизни.

С раннего утра до позднего вечера щенки носились по квартире. Игре они отдавались со всем пылом, на какой только были способны.

Большие хватали маленьких. Хватали за что попало. За хвост,— так за хвост. За ухо,— так за ухо. Рвали и тянули так, что казалось вот-вот ухо не выдержит и оборвется. Маленький пищит, как только может,

а, вырвавшись, через минуту сам уже опрокинет кого-нибудь на спину и без стеснения хватает острыми зубками за голое брюшко братишки. А еще через минуту ласково вылизывает его, как будто утешая за нанесенную обиду.

С каждым днем щенки

становились все озорнее. Стали хватать шторы, тряпки. Обувь растаскивали по всей квартире. Раз опрокинули с этажерки книги и распотрошили бы их по листочку, если бы не успели отнять.

Часам к десяти-одиннадцати вечера щенки забирались в гнездо. Ночь они спали очень спокойно, но просыпались рано. В семь часов утра, как по команде, выскакивали из гнезда.

От шума и гама просыпался весь дом, спать больше не было никакой возможности.

Ели щенки шесть раз в день. Кормить приходилось в две очереди, иначе они, стараясь оттолкнуть друг друга от чашки, расплескивали всю пищу. Пока первая пятерка ела, остальные сидели за загородкой и скулили.

Ели они жадно. Каждый старался забраться в чашку всеми четырьмя лапами. Вылокав молоко, поднимали кверху уморительные, измазанные в молоке или каше, мордашки и требовали еще.

В заключение старательно облизывали друг друга, а один обязательно с видом победителя садился в чашку.

Постепенно из маленьких неуклюжих созданий щенки превращались в ловких и шустрых маленьких собачек. Лапы стали длиннее и крепче. Вытянулась морда. Голова стала пропорциональна туловищу. Шерсть посветлела и стала курчавиться.

Скоро щенки добрались и до Джери. Вначале он старался не пускать их к себе в прихожую, — угрожающе рычал, делал страшную морду, осторожно пятясь в самый угол.

Но малыши не обращали никакого внимания на его угрозы. Они лезли к нему в пасть, карабкались на спину, подползали под брюхо. Джери вскакивал с места и бежал в комнату. Получалось еще хуже. Щенки принимались таскать его подстилку. Скоро они распотрошили ее на лоскутки.

Джери, должно быть, сообразил это и не стал больше убегать. Он терпеливо выжидал, когда назойливым щенкам надоест по нему ползать и они удалятся во-свояси. Дело обычно кончалось тем, что щенята, угомонившись, засыпали вокруг него. И бедный пес часами лежал неподвижно, боясь задавить кого-нибудь из малышей.

В конце концов они опять выжили его со своего места. Дог садился на порог и с тоской наблюдал, как орава этих скрипунов блаженствует на его постели.

В доме его прозвали „дядюшкой“, а щенят „племянниками“. В сущности, и „дядюшкой“-то Джери мог быть только названным. Отцом щенят был рыжий эрдель-терьер из того же питомника, из которого когда-то я привез и Снукки.

Скоро Джери затосковал, как и кот. „Племянники“ так надоедали ему, что он стал бегать от них, как от чумы. Терпел он только самого маленького, которого в шутку звали „Пупочкой“. Ему Джери даже разрешал забираться к себе в пах, где, обычно, Пупочка и засыпал.

С каждым днем щенки становились все нахальнее. Один раз они накинулись всей гурьбой на корм Джери, и он вынужден был отойти от чашки.

Другой раз завладели вкусным куском, который только что ему дали, и он сидел и пускал слюни, глядя, как „племяннички“ расправляются с его лакомством.

Когда щенкам исполнилось пять недель, появились желающие приобрести собачку. Они долго выбирали, — которого взять? Все, как две капли воды, походили друг на друга.

Одной из первых унесли Пупочку. Новые хозяева назвали ее Аидой.

День за днем убывали щенки. Скоро от десятка осталось только три. Пришли и за этими щенками.

Остался только один щенок, последний и самый крупный. Я назвал его Ахиллом. Этого щенка я предназначал в подарок своему другу, жившему в другом городе.

Ахилла из комнаты переселили в кухню. Но одному ему было тоскливо, и на ночь он уходил спать к Джери.

Первое время дог ворчал на щенка, потом привык, и они стали спать вместе, тесно прижавшись друг к другу, огромный дымчатый дог и маленький рыжий эрдель-терьер.

Пока спал Джери, спал и щенок. Если же дога почему-либо не было, Ахилл скулил и не ложился спать до тех пор, пока не возвращался Джери.

Иногда случалось, что дог во сне клал тяжелую лапу на щенка как бы обнимая его. Тугое брюшко Ахилла сплющивалось, но щенок сладко спал, не обращая на это никакого внимания.

К двум с половиной месяцам у Ахилла появилась борода, шерсть стала жестче и курчавей, как у взрослого эрдель-терьера.

С каждым днем он становился все смышленней и забавней. Проголодавшись, он приходил к своей чашке и принимался скрести ее лапой, так что стук и звон разносились по всей квартире.

Щенок любил сырые овощи. Глядя на него, Джери тоже стал таскать овощи из кухни.

Однажды вечером я решил устроить баню для своих друзей. Взрослые собаки послушно стояли в цинковом корыте и, опустив головы, покорно ждали, когда кончится процедура мытья.

Хотя они и привыкли к ней, но принимали ее как повинность. Ахилл мешался тут же на кухне. Лез в корыто, в ведра с водой, вымазал нос в мыльной пене. Когда очередь дошла до него, — сразу притих. Улучив момент, попытался сбежать.

После мытья, я стал его протирать тряпкой. Ахилл отчаянно сопротивлялся, рычал и даже скалил зубы, как взрослая собака. От злости принялся рвать подстилку, и Джери на него зарычал, как будто хотел одернуть озорника.

А через десять минут малыш, взъерошенный, непросохший еще, уже носился, как ни в чем не бывало, по квартире за котом.

Пришла очередь и последнего щенка. Приехал мой друг. Когда он взял на руки Ахилла, Джери грозно зарычал и с оскаленной пастью кинулся его отнимать. Хорошо что я успел перехватить его на полдороге.

Друг мой поспешил скрыться за двери. Джери жалобно завыл.

*

Тихо стало в нашем доме; нехватало оравы малышей — разъехались они по белу-свету начинать свою самостоятельную жизнь.

Растерянно ходил Джери по комнатам, обнюхивал углы или, растянувшись на полу перед снуккиной подстилкой, подолгу внимательно разглядывал ее, как будто ожидая, что вот-вот на ней закопошатся маленькие курчавые существа, такие беспомощные и такие надоедливые, но к которым Джери-дядюшка успел сильно привязаться.

Приходилось его отсылать на свое место. Но в прихожей Джери скучал еще сильнее. Тогда дог нашел выход, как обойти мой приказ, не нарушая его.

Он сгребал свою подстилку в кучу, пятясь задом, вытаскивал ее в комнату и там ложился на нее. Получалось, что и приказание выполнено, — лежит на своем месте, — и поближе к хозяину, веселей.

Снукки „переживала“ потерю щенят значительно слабей. Да это было и понятно — она-то от них устала больше всех!

НОВЫЕ ЗАБОТЫ

Пришла опять очередная областная выставка служебных собак. И опять начудили мои собаки.

Выставка проходила в саду, на берегу реки Исети. Собаки были привязаны вдоль высокого деревянного забора, Джери и Снукки — вместе.

Я бродил на ринге, наблюдая за судейством. Пришла очередь моих собак. Я пошел за ними и... остолбенел. Джери с умным видом, повиливая хвостом, сидел у забора. Снукки же... исчезла!

Я испугался. Неужели она сорвалась с привязи и сбежала?

Тут я заметил, что передние лапы у дога были запачканы в грязи. С виноватым видом поглядывая на меня, он привстал, чтобы отряхнуться, и я сразу уви-

дел большую яму, вырытую под забором, которую скрывал за собой Джери.

В отверстие виднелась цепочка. Я потянул ее и вытащил из-за забора Снукки!

Двое друзей замыслили побег! Им, видите ли, надоело сидеть привязанными на цепи и ждать своей очереди, и они решили освободиться сами. И, наверное, Снукки была зачинщицей, а Джери любезно помог вырыть подкоп. В результате он-то не успел использовать свои труды, а хитрая Снукки нырнула в лазейку первой.

Но в каком она была виде!

Мокрая, жалкая, с головы до ног перемазанная в грязи. Рыжая борода почернела и слиплась. За забором стояла лужа грязи, и беглянка вся выпачкалась в ней. Только неунывающие карие глазки блестели простодушием и скрытым лукавством.

И в таком виде мне нужно было выводить ее на ринг! Кое-как протер я ее газетой, расчесал бороду. Пришлось все начистоту рассказать судье. Посмеялся он от души. Кончив смеяться, спросил:

— От Риппера и Даунтлесс? Интересно.

Внимательно осмотрел Снукки и, записав что-то в блокнот, сказал:

— Ну, что ж — хороша! Хоть мазитка, а придется дать „отлично“. И в полном выставочном порядке, — выщипана хорошо, — настоящий эрдель-терьер, как с картинки английского журнала.

Это уже была похвала не только собаке, но и хозяину. Не пропали, значит, мои труды и заботы!

Не только Снукки, но и Джери получил на выставке первое место; среди свердловских догов он бесспорно выглядел красавцем.

Радостно окончилась для меня эта выставка; оба мои друга получили призы.

А через несколько дней я уехал в командировку и отсутствовал более месяца. Все это время собаки сидели дома, скучали, на прогулку их выпускали только во двор.

Надо ли говорить, сколько было радости, когда хозяин возвратился домой! Собаки прыгали, визжали, от-

талкивая друг друга, лезли ко мне в лицо. Долгое время ходили за мной по пятам и боялись упустить меня из вида даже на минуту.

Когда улеглась первая радость встречи, я заметил очень неприятное обстоятельство — собаки отчаянно чесались.

Черные глянцевиные блохи бойко шныряли среди собачьей шерсти. Видимо, собаки подцепили их от дворняжки, жившей во дворе.

В ближайший же свободный вечер я устроил своим друзьям баню и тщательно промыл их с лизолом — особым аптекарским составом, уничтожающим накожных паразитов.

Два дня собаки вели себя спокойно; казалось, блох стало значительно меньше.

Но на третий — началась прежняя история. Слышалось непрерывное лязганье зубов, с хрустом выкусывавших зловредных насекомых.

Выждав пятидневку, я вторично вымыл собак с еще более сильным дезинфекционным составом — креолином.

Неделю вся квартира была наполнена удушливым запахом этого сильного снадобья. Пахли собаки, пахло мое платье. Особенно сильно воняло на кухне, где я обычно устраивал баню.

А собаки... все чесались!

Я был поражен. Что делать? Позвонил по телефону знакомому ветеринарному врачу.

— Натрите нафталином, — посоветовал он мне.

Купив в аптеке пакетик нафталина, я натер им шерсть собак.

Действительно, от одуряющего запаха последние блохи повыскакивали из шерсти. Но... собаки продолжали неимоверно чесаться. Особенно Снукки. Она буквально драла на себе кожу когтями, терла, грызла до крови зубами, ерзала, раздираала себя с утра до ночи и даже будила меня своей возней по ночам. Во многих местах на теле она выдрала шерсть до кожи и покрылась болячками и коростами.

Я окончательно стал втупик. Оставалось только одно, обратиться в ветеринарную лечебницу.

В светлой просторной приемной у врача-хирурга было прохладно и тихо. Люди переговаривались негромко, больные терпеливо молчали.

Слышен был только голос врача, расспрашивающего о болезни очередного пациента. Прием протекал спокойно, деловито.

Слегка пахло аптекой.

Молодой худощавый врач в белом халате и белой шапочке писал за столом. В углу на привязи стояла лошадь, опустив голову. Поодаль на скамье сидели две женщины: одна держала на руках курицу, другая — белого пушистого шпица. Увидав своих друзей, они поспешно подняли своих больных кверху. Курица тревожно кудахтнула, а шпиц попытался вырваться из рук хозяйки.

— Получите рецепт,— сказал врач, протягивая женщине со шпидем узенький листок бумаги, густо исписанный по-латыни.

— Будете втирать мазь два раза в день. Дней через десять покажитесь. А у вас что?— обратился он ко второй женщине.

— Яйцо не может снести,— ответила женщина, показывая на курицу.— Третий день тужится, того и гляди, подохнет.

— Молодка?

— Молодка. Третье яйцо это у нее.

— Давайте на стол,— приказал врач.

У стены стоял белый квадратный стол. Курицу положили боком на него. Женщина придерживала больную за шею и крылья, а врач, обмыв пальцы каким-то раствором, принялся доставать яйцо.

Скоро оно вышло наружу, но все было обтянуто кроваво-красной полупрозрачной оболочкой.

— Смотрите-ка!— удивился врач.— В три раза завернулось. Что у них седало очень высоко?

— Наоборот, они у меня на полу сидят,— ответила женщина.

— А-а, понятно; от того и получилось,— нет нормальных движений. Дайте скальпель,— обратился он к помощнику.

Тот подал ему маленький никелированный ножичек с плоской металлической ручкой. Хирург ручкой скальпеля начал осторожно расширять отверстие в пленке. Стала видна белая скорлупа. Курица молчала и не шевелилась, только чуть недоуменно моргала круглыми, как бусинки, глазами.

— Не померла ли?— спросила хозяйка.

— Нет.— успокоил врач.— Ничего не сделается.

Очень медленно и осторожно он освобождал яйцо из плена. Курица тихо застонала. Яйцо выскочило в руку хирурга.

— Ну, вот и все.— На скорлупе он сделал пометку карандашом.— Яйцо у нас останется. Если еще что случится— несите снова.

— Что же нам с конем делать?— как бы советуясь, негромко сказал врач, когда женщина ушла.

Лицо его приняло озабоченное выражение. Только тут я увидел, что лошадь, привязанная в углу, была тяжело ранена. На левой щеке кровоточила широкая рана, в глубине ее виднелась челюсть и язык. По морде медленно стекала кровь. Хлопья кровавой пены падали на цементный пол. Лошадь стояла тихо, не шевелясь и понуро опустив голову. Около нее с удрученным видом ходил невысокий мужчина в ушастой шапке и валенках,— видимо, хозяин.

— Кокаин не годится, усыплять нельзя,— рассуждал врач.— Хлорал, пожалуй, придется дать. Ведите в операционную, готовьте к операции,— приказал он служителям. Затем сказал хозяину лошади:

— Придется у нас на недельку оставить на стационарное лечение. Завтра привезите фуража — овса и сена. А через неделю посмотрим, как дело пойдет. Да...— вспомнив, обернулся он к помощнику:— Давай звони по телефону: что за котом-то долго не идут?

При поликлинике имелась и больница, в которой лежали тяжело больные. Здесь лечили любое животное от любой болезни, могли произвести любое исследование и самую сложную операцию.

Лошадь увели. Дошла очередь до моих собак. Все это время они сидели рядком, озирались по сторонам и тревожно нюхали воздух.

Врач поочередно осмотрел их обоих. Покопался в шерсти, скovyрнул ногтем несколько коросток.

— Ага. Понятно. Видишь?— подозвал он помощника и, раздвинув шерсть, показал болячку на снуккиной спине.

— Типичный случай (он назвал по-латыни мудреное название болезни),—это не блохи, а неправильный обмен веществ.

— Я их хорошо кормлю,—обиженно возразил я.

— Это ничего не значит,—улыбнулся врач.— Природа заболеваний на почве неправильного обмена веществ в достаточной степени еще не изучена. Но лечить мы их умеем. Давайте своим собакам ежедневно по стакану пива или по три таблетки пивных дрожжей.

Забавный способ лечения! Я пожал от удивления плечами и, поблагодарив врача, повел своих друзей домой. Но собакам это лечение пришлось по вкусу; они с удовольствием глотали круглые дрожжевые таблетки, локали по утрам пиво и... чесались!

Правда, у Джери чесотка постепенно уменьшалась, но зато через неделю нагрянула новая беда.

Однажды, когда я вернулся домой со службы, мать сообщила мне тревожное известие:

— Сегодня Джерку весь день рвет. Всю пищу вытошнило.

Притихнувший Джери лежал на своем месте, свернувшись в клубок, и даже не поднялся меня встретить, а только виновато постучал о пол толстым хвостом.

От вечерней порции пищи он отказался. На утро съел неполную чашку, но через полчаса все целиком изрыгнул на пол.

Я решил выждать еще один день. Раньше иногда бывало, что собак выташнивало. Но случалось это очень редко—или летом в сильную жару, или когда они случайно проглатывали что-нибудь неудобоваримое.

У собак может быть еще рвота, когда они заражены глистами. Но я и в этом отношении всегда следил за своими друзьями и время от времени,—примерно в полгода раз,—давал им глистогонные порошки, которые получал в той же ветеринарной поликлинике, где мои собаки недавно были на приеме у врача.

На следующий день Джери отказался даже от французской булки. За эти дни он сразу необычайно похудел. Бока ввалились, кожа обтянула ребра, хребет стал похож на пилу. Дог все время лежал на подстилке и, выходя во двор, не играл со Снукки, а сейчас же торопился обратно.

Опять втроем мы пошли в поликлинику.

Опять врач осмотрел собак, внимательно выслушал мой рассказ о болезни Джери и сказал:

— Болезнь обмена веществ у него проходит. У эрдель-терьера стало хуже — придется ввести уколы. А дога мы исследуем на рентгене.

Он набрал в маленький стеклянный шприц кубический сантиметр желтой жидкости. Выгнутыми ножницами остриг на холке Снукки шерсть, смазал это место иодом и, вонзив острие шприца, быстро впрыснул под кожу жидкость.

Снукки вздрогнула, обернулась было мордой назад, но я отвел ее голову. Врач быстро протер место укола ваткой, намоченной в спирте, и похлопал эрдель-терьера по спине. Все было готово в несколько секунд.

Снукки потянулась к месту укола и внезапно громко чихнула. Видимо, запах спирта защекотал ей ноздри.

Джери тоже понюхал уколотое место и неодобрительно покрутил головой.

— А теперь пойдемте с догом, — сказал врач.

В рентгеновском кабинете было темно. Окна отсутствовали. Помощник щелкнул выключателем. На потолке зажглись две слабеньких лампочки — одна обычная, другая голубая.

Полкомнаты занимали металлические стойки с большими фарфоровыми изоляторами и натянутыми между ними проводами. В центре перед узким столом стоял прибор для просвечивания с блестящей головкой конусом. В углу шит с электроизмерительными приборами.

— Давайте дога на стол, — сказал врач.

Я привязал Снукки в углу и скомандовал Джери:

— Барьер!

Джери тяжело вспрыгнул на стол, скрипнувший под его тяжестью. Аппарат для просвечивания пришелся как раз против бока собаки. Столешница была коротка,

лапы дога оказались у самых краев, и он беспомощно топтался, чувствуя себя, как гусь на жердочке. Я ласково успокаивал его. Снукки в углу тоже волновалась и даже робко подала голос.

Врач повернул аппарат и сказал:

— Надо подвинуть собаку. — Но увидав, что длина дога равна длине стола, улыбнулся и навел аппарат на середину туловища Джери.

Помощник встал за щит. Доктор взял в руки прямоугольную дощечку с двумя ручками и выключил белый свет. Комната погрузилась в мягкий голубоватый полумрак.

— Держите собаку, — приказал он мне, встав к столу, затем приложил дощечку к боку Джери и скомандовал: — Накал!

Помощник включил на щите рубильник. Что-то щелкнуло и зашипело с негромким потрескиванием. Джери тревожно косился то в сторону шипения, то на врача. Я придерживал его за голову.

— Свет!

Голубая лампочка потухла. Стало так темно, что в глазах появилось какое-то ощущение неловкости.

— Ток!

Потрескивание прекратилось. На доске, которую доктор прижимал к боку Джери, появилось зеленоватое светящееся пятно.

— Дайте жесткость!

Пятно быстро разгоралось. На светлозеленом фоне появились расплывчатые продолговатые темные пятна. Они приняли очертания ребер. Слабый зеленоватый свет проникал через джеркино туловище, как через прозрачное стекло, и только кости слегка задерживали их. Это и были удивительные икс-лучи, названные по имени открывшего их ученого — рентгеновскими.

Врач слегка передвигал дощечку. Он просматривал желудок собаки. Попросив меня подержать за одну ручку, он свободной рукой помял джеркин живот. Кончив исследование, скомандовал:

— Даус!

Щелкнуло. Зеленое световое пятно исчезло, комната осветилась. Джери спрыгнул со стола. Доктор сказал:

— В желудке инородных тел нет. Нужно показаться терапевту.

Он провел нас по коридору в приемную врача по внутренним болезням.

Беленькая козочка, увидав собак, испуганно, прижалась к стене. К длинной шерсти ее был прицеплен шнурок от термометра. Старенький доктор, сдвинув на лоб очки, осторожно спросил:

— Не укусят?—и, вставив в уши черные резиновые трубочки, принялся прослушивать дога, пугливо поглядывая на его серьезную морду. Он не походил на хирурга, который подходил к собакам смело и решительно, как к старым знакомым.

Выслушав и выстукав Джери, доктор покачал головой и сказал:

— Приведете еще раз. Нужно будет понаблюдать.

В течение шести дней я каждое утро ходил с собаками в поликлинику. Уже после двух посещений они привыкли к этому. Уничтожив утреннюю порцию еды, садились около меня и ждали, когда я надену на них ошейники. Выбежав за ворота, сразу направлялись знакомой дорогой к реке Исети, через пешеходный мостик и вдоль по Байнауховской улице.

У больших деревянных ворот поликлиники они оставались и, тычась носами в щель между створками, ждали, пока я догоню их.

Их уже знали в поликлинике. Служители встречали нас улыбками и шутками:

— А, два приятеля явились!

Помощник врача быстро делал Снукки укол, и мы отправлялись обратно.

На шестой день ей сделали враз два укола—один в левую, другой в правую ногу. Хирург осмотрел у нее кожу и сказал мне:

— Ну, кутилизатор больше не нужен. Пошло дело на выздоровление. Недельки через две понаведайтесь для проверки.

Кутилизатором он назвал ту желтую жидкость, которую вводили Снукки под кожу; ее назначением было восстановить в организме правильный обмен веществ.

Еще раз прослушал Джери врач-терапевт и поставил диагноз:

— Катаральная язва желудка.

Я испугался:

— Но это же опасная болезнь! Собака может погибнуть?

— Да, опасная. Но если будете следить, то болезнь не станет развиваться. Главное следите за пищей,— больше белков, молочного, меньше мяса, избегайте давать кости,— в общем, диета. При этих условиях пес ваш будет жить и жить. Кроме того вот вам еще.— И он протянул мне рецепт лекарства.— Будете давать ежедневно по три столовых ложки на голодный желудок.

Возвращаясь домой, я думал о том, откуда у моего друга могла взяться такая нехорошая болезнь. И кое-что припомнилось мне.

Давно, когда я впервые привез его домой двухмесячным щенком, живот у него выглядел очень переполненным. Несколько дней он страдал сильным расстройством желудка. Тогда я не придавал этому значения.

Позднее я слышал краем уха, что это заболевание наблюдалось со всеми щенками Сильвы — матери Джери. Еще позднее выяснилось, что хозяин Сильвы держал ее не из привязанности к собаке, а для получения барыша за проданных щенков. Кормил же их плохо, всякой требухой и мякиной. За то он был впоследствии исключен из членов комитета служебного собаководства.

От грубой пищи щенки уже в раннем возрасте получали рахит и желудочные болезни. Из-за этого большинство джеркиных братьев и сестер были недоразвиты, очень тщедушны и даже никогда не участвовали на выставках.

Джери я сумел вырастить крепким и сильным. Внимательный, заботливый уход, хорошее питание и частые прогулки поборол эти ранние заболевания.

Но хронический катар желудка все же остался, и вот он с возрастом давал о себе знать. Теперь мой бедный друг из-за этого лишался самого большого удовольствия — костей. А я должен был всегда внимательно следить за его пищеварением.

Снукки же провела первые месяцы своей жизни в питомнике, где собак питали прекрасно. И она обладала хорошим крепким желудком, которому не страшны были никакие болезни.

По дороге мы зашли в аптеку, и я передал в окошечко рецепт.

— Глюкоза,— прочитала аптекарша и удивилась:— Собаке? Что она у вас худосочием страдает? — и с любопытством посмотрела на необыкновенного клиента.

Каждый день Джери принимал по три ложки прозрачной бесцветной жидкости. Он послушно садился у стола, я раскрывал ему левой рукой пасть,— он забавно таращил глаза, — а правой вливал в нее ложку лекарства. Джери, чавкая, проглатывал его, вылизывал ложку и получал кусочек лакомства, которое я обязательно в таких случаях давал ему.

Снукки торчала непременно тут же. Виляла коротеньким хвостиком, умильно заглядывала мне в лицо, как бы тоже выпрашивая лекарства. В тот момент, когда я вливал Джери микстуру, она замирала, не дыша следила за тем, как он глотал ее, и затем срывалась с места и принималась весело прыгать вокруг нас. Приходилось и ей давать „за компанию“ маленький кусочек лакомства.

Болезнь Снукки уже проходила. Она почти совсем перестала чесаться. Болячки зажили, и коросты отваливались корочками. Вытертые места зарастали нежно пушистой шерсткой. Уколы действовали!

Выздоровливал и Джери. Желудок начал нормально работать. Рвота больше не возвращалась. Он опять стал съедать свой обычный рацион и быстро входить в тело.

Я радовался, глядя на своих повеселевших и поздоровевших друзей.

Ничто, казалось, не предвещало новой, еще более страшной беды, которая надвигалась впереди.

СНУККИ НА ЧУСОВОЙ

Свой очередной отпуск я решил провести в поездке по реке Чусовой.

Составилась небольшая дружеская компания,— я, два моих товарища по работе и... Снукки, которую мы торжественно окрестили „воснизированной охраной экспедиции“.

Для этой роли более подходил бы Джери, но брать его с собой в такую поездку было слишком опасно: при неосторожном прыжке он, чего доброго, мог бы шутя опрокинуть лодку, в которой нам предстояло плыть около четырехсот километров.

Дачным поездом мы прибыли на станцию Коуровка. В вагоне Снукки вела себя спокойно. Всю дорогу лежала под сиденьем, положив голову на передние лапы, и ловила глазами каждое мое движение. Может быть, она тосковала по оставшемуся дома Джери,— (он в это время жалобно подвывал, сидя на пороге) а может быть, инстинктом чувствовала необычность начинающегося путешествия.

На станции мы погрузились на телегу. Снукки села в середину между людьми. Телега подскакивала на ухабах; Снукки подбрасывало кверху — она зорко посматривала на меня, как бы спрашивая, что все это значит?

Оживилась она только, когда мы, переправившись вброд через Чусовую, высадились у Коуровской базы туристов. Отсюда начиналось наше плавание по реке.

Здесь мы прожили два дня. Смолили крепкую плоскодонную лодку, выжидали устойчивой хорошей погоды. Снукки быстро обжилась на новом месте,— бегала по берегу, ловила в траве полевых мышей, облаяла пришедшую к базе корову.

Наступил день отплытия. Погрузив снаряжение и припасы, мы разместились в лодке. Для Снукки я сделал небольшую дощатую площадку на носу нашего корабля, но, как я ни звал ее последовать за мной, она не решалась покинуть берег.

Пришлось мне втащить ее в лодку силой и с командой — „на место!“ — водворить на нос. Сжавшись в комочек, она испуганными глазами смотрела на журчащую за бортом воду. Вид у нее был такой несчастный, что мои спутники даже принялись жалеть ее. Я же только посмеивался, глядя на нее. Ничего страшного

ей не грозило, а что такое путешествие принесет большую пользу для развития собаки — в этом я был абсолютно уверен.

Просидев в неудобной позе часа два, Снукки осторожно прилегла, стараясь как можно дальше отодвинуться от краев лодки. Но отодвинуться-то было некуда; площадка узенькая, треугольная, справа и слева — вода, с третьей стороны — спина гребца! Снукки чувствовала себя настолько подавленной, что даже вздрагивала, когда начинал трепыхаться от ветра над ее головой маленький красный вымпел, воткнутый на носу лодки.

Особенно она пугалась на перекатах и мелях, которых в верхнем течении Чусовой множество. С полного хода лодка врезывалась вдруг в песчаную отмель или, вздрогнув от резкого толчка, скрежеща дном о гальки, застревала на перекате.

Снукки испуганно вскакивала и пыталась сбежать с носа на середину лодки или ко мне на корму, где я сидел за рулем.

Вода в реке была настолько прозрачна, а все гальки на дне так отчетливо видны, что раз, когда я стаскивал лодку с переката, Снукки, видимо, не разглядев воды, выпрыгнула за мной из лодки.

Быстрое течение сбило ее с ног, подхватило и разом отнесло на пять-шесть метров от лодки. Отчаянно шлепая по воде лапами, Снукки выбралась на мелкое место и, с трудом преодолевая напор воды, побрела ко мне. Внезапно она увидела, что берег близко (река в этом месте была узка) и повернула к нему. Напрасно я кричал на нее. Снукки даже ухом не вела. По брюхо в воде она добрела до берега, вышла из воды, отряхнулась и только тогда удостоила обернуться в мою сторону.

Товарищи мои засмеялись.

— Ай-яй, не очень-то собачка хозяина слушается!

Но это ничуть не задело меня. Я прекрасно понимал, что собака проходила сейчас большое испытание, своеобразную „водяную дрессировку“, с таким же приучением к выдержке, послушанию, дисциплине, как и при обычной „сухопутной“ дрессировке.

Лодка снялась с мели, я влез в нее, не обращая внимания на Снукки, и мы поплыли дальше.

Это ничуть не смутило эрдель-терьера.

Снукки неторопливо бежала в двух метрах от воды, невозмутимо поглядывала в нашу сторону и даже успевала время от времени остановиться и обнюхать кусты и траву. Немного заволновалась только, когда лодка стала огибать широкий песчаный остров, и мы оказались на большом расстоянии друг от друга. За островом река опять сузилась, лодка приблизилась к берегу, и Снукки успокоилась.

Время шло, километр за километром оставался за кормой, а Снукки и вида не показывала, что хочет вернуться ко мне. Видимо, на твердой земле она чувствовала себя куда спокойнее, чем на воде!

И меня и моих товарищей разбирало любопытство, как долго это может продолжаться и чем оно кончится.

Кончилось это неожиданно и неинтересно. На левом берегу, по которому бежала собака, вырос огромный утес. Отвесные стены его спускались прямо в воду, преградив эрдель-терьеру дорогу.

Добежав до него, Снукки заметалась, спустилась к воде, вернулась обратно и вдруг, придя к какому-то решению, пустилась прочь от реки. Видимо, она решила оббежать утес стороной. Тут уж не выдержало мое сердце. Причалив к берегу, я подозвал Снукки к себе и водворил ее в лодку.

Пригорюнилась собака. Повесила голову, поджала хвост и уныло смотрела, как мимо проплывали желанные берега.

После полудня мы сделали остановку для обеда. Какова была радость Снукки, когда она и хозяин, и все, кто был в лодке, оказались на берегу. Она первой выпрыгнула из лодки, второпях оступилась, булькнула в воду, отфыркиваясь, выбралась на берег и принялась бегать, прыгать и резвиться вокруг нас. Как будто и она, и все мы избежали смертельной опасности! Невозможно было удержаться от улыбки, глядя на эту наивную восторженность. Задымил костер, запахло похлебкой, пуская клубы пара, закипел чайник. Снукки

тоже подсела к костру и с наслаждением втягивала ноздрями вкусные запахи. Она с аппетитом уничтожила пищу, полакала воды прямо из реки и, пока мы отдыхали после обеда в тени, азартно шныряла среди кустов.

Однако в лодку пришлось ее опять внести на руках. Она все еще побаивалась, хотя и не делала уже попыток убежать, а принимала это как неизбежное зло.

День был жаркий. Солнце палило немилосердно. Мы все были в трусиках и легких безрукавках, а шуба Снукки впору была и для зимы! Снукки разопрела, широко раскрыла пасть и, свесив набок язык, тяжело и часто дышала. Жара пересилила в ней страх. Она растянулась на боку. Узкой площадки едва хватало для ее тела. Но от воды веяло прохладой, и она теперь, пожалуй, была непрочь быть поближе к ней.

Зачерпнув кастрюлькой воды, я окатил Снукки. От неожиданности она страшно перепугалась и едва не свалилась за борт, но быстро почувствовала облегчение от изнурительной жары и сладко задремала.

Перед закатом солнца мы высадились для ночевки у камня Сокол. Лодку вытащили на песок. Повыше, на лужайке поставили палатку, занялись приготовлением ужина. Снукки, забравшись в середину куста, пыхла, как кузнечные меха, и казалось, старалась выдохнуть из себя весь накопленный за день жар.

Зной медленно спадал. Потянуло предвечерней свежестью. На противоположном отлогом берегу еще розовели последние лучи солнца, а у подножия камня уже было прохладно и сумеречно.

В горах темнеет быстро. После ужина нам долго еще не хотелось уходить от костра в палатку. Тишь. Спокойствие. Чуть слышно течет река. Время от времени всплеснет, играючи, рыба. Где-то неподалеку в темноте шуршит трава. Снукки ловит лягушек; прохлада вернула ей бодрость. Набродившись досыта, тоже подсела к костру. Она вымокла от росы и теперь была непрочь погреться у огня, как дома у голландской печи.

Внезапно она насторожилась, подняла голову и звонко и угрожающе залаяла. От реки послышался равномерный всплеск воды и скрип весел в уключинах. Че-

рез минуту к берегу причалила лодка, из нее вышли четыре человека и направились к нашему костру. Снукки кинулась им навстречу. Вид у нее был такой возбужденный, что я вынужден был командовать ей:— „фу!“

Я еще никогда не видел ее такой злобной. Вот что значило оказаться одной, а не иметь, как обычно, за спиной своего любезного друга — Джери. Появились нивесть откуда злоба и способность к активной обороне. Своим поведением она даже вызвала одобрение моих товарищей. Я же дипломатично промолчал.

„Неизвестные мореплаватели“ оказались, как и мы, туристами. Они спросили нашего разрешения разбить свой лагерь рядом с нашим.

— Пожалуйста,— ответили мы все трое хором.

Запылал костер, рядом с нашей выросла вторая палатка. Быстро познакомились, разговорились; наши неожиданные спутники были молодые рабочие с Уралмашзавода. Решили дальше плыть вместе. Снукки же долго еще враждебно и подозрительно посматривала на наших новых знакомых.

Ночь она провела, свернувшись калачиком, у входа в палатку. Среди ночи дважды порывалась лаять,— может, видела что-нибудь во сне, или в лесу поблизости бродил какой-нибудь зверь.

На следующий день она вела себя на воде уже значительно спокойнее. И только раз сильно испугалась, когда лодка с полного хода налетела на подводный камень — таш. Правду сказать, и мы перетрухнули не меньше ее. Лодка затрещала, вползла на камень, как на спину кита, и накренилась, едва не зачерпнув бортом воды. Немного посильней толчок, и высадило бы днище; хорошо, что оно было сбито из прочного кровельного теса.

Постепенно Снукки привыкла к своей водяной жизни. Она уже хорошо знала не только моих товарищей, но и наших спутников на второй лодке и больше не рычала и не бросалась на них, а даже разрешала гладить себя и угощать вкусными кусочками.

Однажды после очередной ночевки мы собирались к отплытию. Товарищ, захватив пару рюкзаков, потащил их в лодку. Внезапно я услышал его удивленный возглас:

— Смотрите-ка, не из тучи гром!

В лодке сидела Снукки. Не дожидаясь погрузки, она первой забралась на свое место. Сидя на носу, она умильно поглядывала по сторонам, меланхолично почесывалась и терпеливо ожидала отплытия; точь-в-точь, как пассажир, скучающий в ожидании, пока отчалит пароход.

Чем ниже спускались мы по реке, тем живописнее становилась она. Отвесные береговые утесы почти непрерывно следовали один за другим. Иногда они тянулись сплошной каменной стеной на протяжении сотен метров. Даже река, казалось, притихала у подножия этих великанов и плавно несла свои воды без перекатов и мелей.

Мы часто причаливали к берегу и выходили из лодки, чтобы ближе полюбоваться этой красотой.

Вначале Снукки считала своим обязательным долгом сопровождать нас. Но вскоре это занятие надоело ей, и, в то время как мы бродили по берегу, она, не вставая со своего места на носу, зорко следила за нами.

У камня Высокого мы сделали дневку, — остановились на целый день. Товарищи мои ушли побродить с ружьем. Наши спутники со второй лодки занялись игрой в шахматы, а я, захватив фотоаппарат и пройдя в глубь берега, обошел камень стороной и забрался на вершину его. Снукки, конечно, карабкалась вслед за мной.

Со стометровой высоты палатки казались не больше спичечных коробок, а лодки, причаленные к берегу, со скорлупку подсолнухового семени. Река вилась в темной зелени берегов ровной, поблескивающей на солнце

голубоватой лентой. Внизу было тепло и тихо. Здесь же на вершине камня гулял свежий ветер.

Снукки, неотступно следовавшая за мной по пятам, осторожно подошла к краю скалы и заглянула вниз. Тело ее напряглось, передними лапами она крепко уперлась, как будто ожидая, что ее могут толкнуть сзади. Вытянув шею и низко пригнув голову, она потянула носом воздух и неожиданно визгливо заворчала с какой-то новой, совершенно незнакомой мне интонацией в голосе и быстро попятилась.

Повидимому, и ее смутила эта страшная пропасть, хотя, — как я знал, — мои собаки не страдали головокружением и не ощущали страха перед высотой.

Все-таки, ради безопасности, я подозвал эрдель-терьера к себе.

Спустившись с камня, мы подошли к его подножию. Внезапно в воздухе что-то с силой просвистело. Громко плеснулась вода. Что-то тяжелое обрушилось в реку, подняв высокий пенистый столб воды.

Снукки, как подброшенная пружиной, подскочила на месте и азартно залаяла. Признаться, я тоже вздрогнул от неожиданности.

Не успел опасть первый водяной столб, как рядом с ним взлетел другой такой же, вслед за ним третий... Что такое? Прямо какой-то обстрел!

Но стоило мне поднять вверх голову, как сразу все стало ясно. На вершине Высокого виднелись крошечные, — с муху, — две человеческие фигурки. Это наши охотники, забравшись туда после нас, сбрасывали вниз камни.

Перед обедом мы занялись купаньем. Один из моих спутников, схватив Снукки, на руках втащил ее в воду и отпустил на глубоком месте. Снукки, выставив над водой рыжую мордочку, быстро поплыла к берегу. Так он повторил несколько раз. Снукки каждый раз успешно добиралась до берега.

Мне хотелось продлить ее пребывание в воде. В тот момент, когда товарищ опускал Снукки в воду, я пустился бежать вдоль берега, рассчитывая, что собака поплывет за мной. Но не тут-то было! Снукки не попала на мою невинную хитрость. Она доплыла по кратчайшему рас-

стоянию до берега и, только уже выйдя из воды, стремглав бросилась догонять меня. Идти в воду добровольно она все-таки никак не желала! А мне так хотелось добиться этого. Да и для служебной собаки это необходимо.

Однако я не спешил. Поспешность легко может привести как раз к обратным результатам, как это случилось, например, с Джемми-альпинисткой. Неосторожность вожакого на всю жизнь сделала ее пугливой к выстрелам. Я предоставил Снукки самой исподволь привыкать к воде, в то же время не упуская при каждом удобном случае помогать ей в этом.

А случаи эти, казалось, сами шли нам навстречу. Иногда они были неожиданны и забавны.

Очень допекало эрдель-терьера солнце; спрятаться от него на лодке было некуда! Когда выдалось несколько пасмурных дней, для Снукки это явилось большим облегчением. Пользуясь наступившей прохладой, она не только дремала, лежа на носу, а даже спала самым добросовестным образом. Зачастую одно ухо у нее болталось за бортом, чуть-чуть не касалось поверхности воды. Теперь это ее несколько не смущало.

Был один из таких дней. Наша лодка птицей летела по быстрине. Я подбавлял ей ходу веслами. Снукки сладко спала, выставив концы лап за край борта.

Лодку вынесло на излучину. Рулевой нажал веслом, — наше судно накренилось и резко качнулось. Внезапно за моей спиной что-то шумно бултыхнулось. В ту же секунду рулевой восторженно закричал:

— Снукки за бортом!

Мимо лодки, отставая от быстрого ее хода, неслась по воде испуганная мордочка собаки. Разбрызгивая воду, Снукки отчаянно шлепала лапами.

Рулевой резко затормозил веслом, а я, вытянув руку, быстро перегнулся за борт и, схватив Снукки за „шиворот“, втащил ее, как мешок, в лодку.

С нее лились потоки воды. Вид у нее был очень жалкий и до того забавный, что мы минут пять хохотали. Она забыла даже отряхнуться от воды и с ошеломленным видом сидела на дне лодки, широко расставив

лапы. Мордочка у нее выражала полную растерянность. Она, видимо, никак не могла понять, что же все-таки произошло: так сладко спала, и вдруг такое неприятное пробуждение!

А случилось это очень просто:—Снукки спала в очень небрежной позе, на повороте лодка качнулась, и собака вывалилась за борт.

„Не вызовет ли это у Снукки боязнь к воде?—озабоченно подумал я.—Не испортил бы этот случай всю задуманную мною дрессировку собаки“.

Ничуть не бывало! Не прошло и часа, как, обсохнув, Снукки уже опять дремала в прежней позе на прежнем месте.

На дневке у камня Оленьего я опять занялся водной дрессировкой.

— Смотрите, не утопите ее,—заботливо наказывали мне друзья. За время нашего путешествия они успели основательно привязаться к Снукки.

Попросив одного из них поддержать собаку, чтобы она не увязалась за мной, я сел в лодку и поплыл к противоположному берегу.

Когда я был уже на середине реки, товарищ отпустил собаку. Снукки беспокойно заметалась по берегу. Я плыл дальше и время от времени ласково звал ее:

— Ко мне, Снукки, ко мне!

Снукки жалобно завизжала, вбежала в реку по лопатки, но плыть не решилась. Выскочив на берег, она бросилась бежать вверх по реке в надежде обойти препятствие по-суху, но, пробежав метров двести и поняв, что этим она еще больше удаляется от меня, вернулась обратно.

Причалив к берегу, я вышел из лодки и опять окликнул ее. Снукки завизжала с таким отчаянием в голосе, как будто ей угрожала смертельная опасность. Я медленно стал удаляться, вошел в кусты и незаметно спрятался в листве, предварительно еще раз негромко окликнув Снукки, как будто ушел уже очень далеко.

Волнение собаки достигло высшего напряжения. Она пронзительно взвизгнула, осторожно вошла в воду, понюхала ее и... поплыла!

Я тотчас же бросился к лодке. Теперь, когда я добился своей цели, меня сразу охватило беспокойство. Чусовая у Оленьего довольно широка и очень быстра. Хватит ли у собаки силы преодолеть это препятствие?

Я вскочил в лодку и взял в руки весло, приготовившись в случае необходимости немедленно придти ей на помощь.

Но Снукки превзошла мои ожидания. Выставив черный кончик носа наперерез сносившему ее книзу течению, она энергично работала лапками. Рассчитала она очень точно и пристала к берегу в двух метрах от лодки. Вышла на берег, отряхнулась и, помахивая куцым хвостиком, остановилась передо мной. Прыгать на этот раз у ней, видимо, нехватило сил.

Я обласкал ее, посадил в лодку, и мы переправились через реку обратно.

Путешествие наше шло к концу. Последний свой лагерь мы разбили у устья впадающей в Чусовую речки Поныш.

Берега Поныша — отвесные стены из известняка, с узкой зеленой кромочкой травы у основания. Русло речки от одного берега до другого было загромождено высоким затором бревен, оставшихся от весеннего лесосплава. Вода, спертая бревнами, как плотиной, сочилась между ними бесчисленными ручейками.

Наши палатки стояли у подножия одной из стен на высоком зеленом мысу, который узким клином выдавался между Понышем и Чусовой.

На закате солнца я отправился полюбоваться этим живописным местом. Снукки, сопровождала меня.

Мы поднялись вверх по Понышу, переправились по бревнам на другой берег, взобрались по трещине на скалы. Возвращаясь обратно, я вздумал переходить речку в той части затора, где бревна были нагромождены особенно высоко, а в промежутках между ними журчали струйки воды.

Я спокойно шагал по бревнам, не подозревая, какой опасности подвергаюсь. Снукки немного отстала от меня, замешкавшись у берега.

Внезапно я почувствовал, как бревно под моей ногой качнулось. Я поспешно прыгнул на другое, но оно, едва

не сбив меня с ног, вдруг скользнуло вниз. Послышался подозрительный треск, затор дрогнул, бревна пришли в движение.

С трудом удерживая равновесие, перескакивая с бревна на бревно, я в несколько прыжков достиг берега. За моей спиной уже несясь грохот сталкивающихся друг с другом бревен. Ступив на землю, я обернулся и испуганно замер.

В самой середине затора виднелась Снукки. Она не успела за мной добраться до берега и теперь бес толково металась, стараясь увернуться от быстро катящихся бревен. Может быть, в эту минуту она и визжала жалобно, но ее не было слышно из-за страшного грохота.

Вот когда я, действительно, по-настоящему испугался. Собаке грозила гибель из-за глупой моей неосторожности. На грохот выскочили из палаток мои товарищи. Окружив меня, они размахивали руками, что-то громко кричали. Но все мое внимание было приковано к маленькому рыжему существу, которое отчаянно боролось за свою жизнь.

Затор распадался на глазах. Где-то моей неосторожной ногой было нарушено его равновесие, и теперь он рассыпался на части. Бревна с грохотом летели вниз, шлепались в воду и, подхваченные течением, выплывали в Чусовую. Вода, вырвавшись из-за преграды, быстро наполняла неширокое русло Поныша, и уровень реки поднимался на глазах.

Снукки прыгнула, бревно под ней поползло вниз. Собака торопливо побежала по нему вверх, стараясь обогнать его движение, споткнулась и покатилась по бревнам, больно ударяясь об острые выступы. Упав в воду, она всплыла; кругом же, как будто живые существа, шевелились бревна. Затертая между ними голова Снукки была для них то же, что яичная скорлупа. Один удар бревном, и все было бы кончено.

Вместо того, чтобы плыть вниз по течению, Снукки почему-то упорно старалась пробраться между бревнами кверху. Впервые инстинкт изменил ей. А может, от ушибов она потеряла способность правильно ориентироваться.

Каким-то чудом ей удалось взобраться на бревно; но ненадолго. Бревна все еще продолжали катиться в реку, одно из них сразмаху ударило в бревно, на котором стояла собака. Снукки сорвалась в воду. Я схватился за голову.

Внезапно в мозгу мелькнула искорка надежды спасти гибнущего друга. Изо всей силы, на которую способны были мои легкие, я закричал:

— Снукки, ко мне!..

И бросился бежать по берегу вниз. Снукки услышала. Она бестолково кружилась в воде, как волчок. Мой крик ободрил ее и дал ей правильное направление. Ловко лавируя между бревнами, она сразу же поплыла вниз по течению.

Не переставая кричать, я добежал до конца мыска. Дальше бежать уже было некуда. Но этого и не требовалось. Получив правильное направление, Снукки уже не сбивалась с него. Даже, казалось, и сил прибавилось у нее. Обгоняя бревна, она доплыла до мыска и выбралась на него.

К счастью, обошлось без сильных ушибов и переломов костей. Вероятно, и тут сказалась закалка Снукки.

Подсев к костру, она принялась сушиться, подставляя к огню поочередно то спину, то грудь, то бока.

Скоро от Снукки повалили клубы пара, как от кипящего самовара. Она блаженно жмурилась и почесывалась. Пищу, предложенную ей, она съела с такой жадностью, какой я за ней не наблюдал никогда.

Поев, она быстро согрелась и пошла нюхать траву. Через минуту из ближнего куста послышалось характерное чмокание.

Сидевшие у нашего костра уралмашевцы испуганно переглянулись, как по команде, закричали: — „фу!“ (они уже выучились этому у меня) — и кинулись к эрдельгерьеру. Из куста показалась удивленная мордочка Снукки. Рыжая борода была выпачкана в чем-то в белом. Снукки лакала... молоко!

Днем уралмашевцы купили в одной из прибрежных деревень ведерко молока. Чтобы молоко не испортилось, они поставили его в кусты — там было прохладнее. Снукки нашла его и не замедлила применить по назначению.

Ругать ее за это не пришлось: лес и кусты — не кухонные полки. Огорченные туристы, скрепя сердце, собственноручно вылили остатки молока в снуккину чашку, и она вылакала его все до последней капли. После такого роскошного ужина, завершившего ее необыкновенные приключения, она завалилась спать у палатки и спала мертвецки до утра.

Теперь уже можно было с уверенностью считать, что она успешно прошла все испытания по водной дрессировке. В Чусовском заводе наше путешествие закончилось. Попрощавшись с рекой, мы нагрузили снаряжение на спины, чтобы двинуться пешком к станции.

— А где же Снукки? — тревожно спросил кто-то.

Снукки сидела в опустевшей лодке на своем обычном месте и вопросительно поглядывала на нас. Она так полюбила свое скромное необычайное жилище и привыкла к нему, что не хотела покинуть его.

ДОГИ В УНИВЕРМАГЕ

После моего возвращения из путешествия по Чусовой для Джери началась горячая пора. Еще в начале лета он полностью закончил свою дрессировку, прошел

испытания перед инструктором на дрессировочной площадке и с этого времени стал считаться, выражаясь на собаководческом языке, „отработанным“ псом.

В осоавиахимовском бланке у него в графе „специальность“ было записано — „караульная“.

Это было немалое достижение. Перед испытаниями пришлось тщательно повторить с догом все пройденные им приемы, как это делает каждый ученик накануне серьезного экзамена.

Особенно много хлопот доставила отработка последнего приема — отказ от корма.

Караульная собака ни в коем случае не должна брать корм или лакомство из чужих рук. Не должна она подбирать и корм, найденный на земле. Иначе злоумышленники легко могут ее отравить.

Это качество достигается длительной дрессировкой.

Моему Джери этот прием дался не сразу. Его непомерный аппетит долго мешал ему примириться с тем, что не всякую пищу можно есть.

Однако я добился желаемого и вот каким образом:

Я спокойно иду, придерживая Джери рядом на поводке. Навстречу идет помощник инструктора. Он ласково окликает Джери и показывает ему кусочек лакомства. Пес, облизнувшись и вильнув хвостом, тянется к соблазнительно пахнущему куску и вдруг неожиданно получает резкий удар от того, кто подманивал его. В тот же момент я командую: „фас!“, помощник поспешно убегает, а Джери, яростно рыча и лая, рвется из моих рук, горя желанием кинуться за обидчиком.

После нескольких таких повторений (причем помощники каждый раз менялись) Джери уже знал, как отвечать на приглашения незнакомых людей отвесить лакомства, и переходил к нападению, не дожидаясь моей команды.

Несколько труднее было отучить его от корма, найденного на земле. Здесь не было видно обидчика, и Джери недоумевал, почему он должен быть осторожен. Однако при первой же попытке схватить кусок мяса, валявшийся на одной из аллей парка, в котором проходила дрессировка, он испуганно отскочил в сторону и долго стоял, опасливо всматриваясь в кусок. Затем,

когда испуг его прошел, он опять приблизился к нему, обнюхал и, не в силах совладать с искушением, торопливо схватил кусок и... жалобно взвизгнув, тотчас же выпустил его из пасти.

Не удалась и третья попытка. Кусок был как заколдованный.

Такая же история повторилась и на другой день. И вообще с этого времени все съедобные находки, которые попадались Джери на прогулках, оказывались при ближайшем знакомстве очень неприятными. Приходилось, как это, вероятно, было ни жалко, бросать их и уходить прочь восвояси.

В чем было дело, он, конечно, не мог знать. А между тем все обстояло очень просто. Джери не замечал, что к каждому лакомому кусочку, на который я умышленно наводил его, был протянут тонкий электрический провод. В кустах прятался помощник с индуктором в руках. Едва пес дотрагивался до находки, помощник включал ток, и этого было вполне достаточно, чтобы находка разом теряла всякое очарование.

В конце концов Джери должен был убедиться раз и навсегда, что попытки его бесполезны и даже приносят каждый раз неприятность. Он на всю жизнь получил отвращение к найденной на земле пище и больше не пытался ее схватить.

Так Джери стал неподкупным караульным псом.

Он и его сверстники — щенки, с которыми он обучался на площадке, превратились в злобных, сильных псов.

Выделявшегося своим необыкновенным чутьем Корда отдали в школу — питомник милиции, где он должен был стать ищейкой, а все собаки, принадлежавшие комитету, были сразу же поставлены на охрану заводов, фабрик, магазинов и рынков.

Собак нехватало. Тогда комитет обратился за помощью к любителям-собаководам, чтобы они временно, до прибытия большого транспорта караульных кавказских овчарок, тоже поставили своих друзей на охрану. Кстати, это было для них практикой на настоящем деле.

Джери тоже приступил к практической работе — его поставили на охрану большого трехэтажного универмага.

Универмаг охранял Джери в паре с другим догом,

по кличке Джана. Предварительно их пришлось хорошенько познакомить друг с другом. Первая встреча состоялась на улице, поблизости от универмага. Улица была выбрана не случайно. Во время прогулки собаки не так драчливо и враждебно настроены ко всему чужому, как дома, который они свято оберегают от любого вторжения, даже собачьего, и поэтому меньше приходилось опасаться, что собаки раздерутся.

Однако, даже несмотря на это, увидав большую незнакомую собаку, Джери принял воинственный вид. Если к дворняжкам и маленьким собачонкам он был всегда дружелюбен, то в больших собаках он, вероятно, видел соперников и не упустил бы случая задать хорошую трепку, если бы ему это разрешить.

Так было и на этот раз. Джери взъерошился, зарычал и подскочил к Джане с очень недвусмысленным намерением вцепиться в нее пастью. Даже хозяин Джаны испугался его грозного вида и поспешно потянул за поводок собаку к себе.

Джана тоже была рослым догом, но Джери значительно превосходил ее своей величиной и мощью. Она прижалась к хозяину и зарычала, пожалуй, больше для того, чтобы ободрить себя, чем испугать Джери. Но внезапно тот обмяк, умолк, завил хвостом и принялся дружелюбно обнюхивать ее.

Это ничуть не удивило меня. Ведь Джана была самкой, а в собачьем мире самец никогда не обижает самку и даже терпеливо сносит ее нападки, если на беду у нее окажется сварливый характер. В наши расчеты входило это обстоятельство, и оно не обмануло нас.

Видя дружелюбие Джери, и Джана перестала бояться его. Теперь можно было смело оставлять их одних в универмаге без опасения, что, повздорив, они могут покалечить друг друга.

Обе собаки стали заниматься внутренней охраной универмага.

Внутренняя охрана — особый вид караульной службы. Обычно, при наружном окарауливании, собаку привязывают к длинной прочной цепи. На другом конце цепи прикреплен железный блок. Колесико блока катается по железному тросу, натянутому у одной из стен охраняе-

мого здания, вдоль которого собака и бежит всю ночь. Появилась опасность — собака с лаем бросается на врага, насколько привязь позволяет ей сделать это; лай доносится до караульного помещения, и на помощь собаке приходят вооруженные люди.

Совсем другое дело при внутреннем окарауливании. Вечером, когда универмаг освобождался от людей, в помещение запускались доги, двери захлопывались за ними, и целую ночь до утра они были одни. Бродили по залам, переходили с одного этажа на другой, обходили все огромное здание магазина, вынюхивая и выслушивая, нет ли где чего подозрительного.

Вечером я отводил своего друга на работу, а утром заходил за ним, чтобы отвести обратно.

Однажды, поставив его на пост, я уж собрался уходить, как вдруг Джери тревожно завыл. Он беспокойно нюхал воздух и тянулся мордой в дальний конец помещения.

Вскоре я уловил запах гари. Я огляделся по сторонам: где горит. В дальнем углу универмага помещался склад детских игрушек. Через закрытые двери его просачивались сизые струйки дыма. Немедленно вызвали пожарную охрану, и дверь взломали.

Оказалось, ушедшие с работы мастера по починке игрушек оставили на электрической плитке банку с клеем и забыли выключить ток. Клей разлился, и легко воспламеняющиеся картонные и деревянные игрушки загорелись.

Благодаря чуткости собаки пожар удалось захватить в самом начале и быстро потушить.

Домой Джери возвращался важно, полный сознания собственного достоинства. Жадно съедал положенную чашку пищи и укладывался спать. Спал мертвецки целый день. Видимо, к исполнению своих ночных обязанностей он относился добросовестно!

Как-то ночью в универмаг проникли воры.

Выпилив потолок, они по веревочной лестнице спустились в магазин. Прислушались — тишина.

Сторожа снаружи не было — это они твердо знали, так как прежде чем влезать на чердак через слуховое окно, они обошли универмаг со всех сторон.

Смело ступая, они спустились в нижний этаж и направились к отделу готового платья. Вдруг навстречу им из темноты метнулись две тени. Это было так неожиданно, что в первый момент грабители забыли и о ножах, спрятанных под широкими полами курток, и в ужасе бросились в разные стороны.

Один кинулся к окну. Посыпались стекла; но преследователь уж настиг и вцепился в пояс. Грабитель рванулся и выскочил за окно. Собака прыгнула следом.

Второй человек, спасаясь от Джери, вскочил на прилавок. Но дог одним прыжком сбил его оттуда на пол. Падая, человек в ужасе дико закричал. Рука привычно схватилась за нож. Собака прыгнула вновь. Блеснуло лезвие...

В середине ночи в кабинете дежурного уголовного розыска зазвонил телефон. Взволнованный, срывающийся голос торопливо говорил:

— Приезжайте арестовать меня. Я в универмаге, в отделе готового платья.

Странный вызов. Может, хулиганство?

Дежурный, помедлив минутку, вызвал оперативных работников.

У разбитой витрины универмага сидел дог. Это была Джана. Перед ней, скорчившись от холода, лежал человек. Брызги крови на асфальте говорили о том, что он сдался не без борьбы. На дверях все пломбы были целы, замки на месте. Вскрыли, вошли.

В телефонной будке, облокотившись на автомат, стоял неизвестный. Перед будкой, как-то весь покосившись набок, сидел Джери. Хвост и лапы его утопали в луже крови. Кровь подтекла под будку автомата и под ближний прилавок.

Увидев людей, Джери встrepенулся, рванулся вперед, но вдруг тихо повалился на пол.

Бессильно раскинулся хвост. Лапы мелко дрожали, ребра как-то сразу оголились. Кровь все еще сочилась из раны. Из пасти тягучей, клейкой струйкой текла слюна, хриплое дыхание вырывалось со свистом, вздувая пузыри кровавой пены. Слипшаяся в крови шерсть топорщилась клочьями. Из ушей выступила сукровица. Мел-

ко-мелко дрожали веки, и слабо шевелились уши, как будто прислушиваясь к шорохам уходящей жизни.

ОТДЫХ НА ИРЕНИ

Рана Джери была очень серьезна. Удар ножом был нанесен под левую переднюю лапу. Преступник знал, куда бить, и только молниеносные движения собаки в борьбе с врагом и ее крепкое телосложение спасли от неминуемой гибели. Вторично, — как и тогда, когда дог попал под трамвай, — он спасся лишь благодаря своей ловкости и силе.

Однако положение его было очень серьезным. Нож пробил грудную клетку, и попади он чуточку в сторону — было бы задето сердце, и смерть наступила бы мгновенно.

Несколько суток я не отходил от полумертвого друга. Часами просиживала около его постели и Снукки. Молча переводила она взгляд то на меня, то на Джери. Играть и резвиться она совсем перестала. На улицу выходила только на минуту и сейчас же торопилась обратно, как в те времена, когда у нее были щенята.

Врач ежедневно навещал больного. Джери потерял много крови и с трудом лакал даже молоко или мясной бульон. За несколько дней он превратился в скелет, обтянутый кожей. Шерсть свалаялась, потеряла свою глянцеvitость и местами была запачкана темными пятнами иода. Влажный, холодный кончик носа был теперь сух и горяч. Кожа на нем ссохлась и посерела.

Широкие бинты туго охватывали крест-накрест туловище Джери. Ему, наверное, было очень неудобно лежать в них, но он не делал никаких попыток сорвать повязки, а только косился, когда я или врач перебинтовывали его.

Если я ронял при этом кусочек ваты, Снукки поспешно подбирала его и уносила к себе на место. Полежав некоторое время под столом, она опять возвращалась к Джери.

В квартире у нас, как в настоящем лазарете, пахло иодоформом — лекарством, которым врач смазывал рану, чтобы обезопасить ее от заражения.

Здоровый организм собаки сумел побороть смерть.

Через несколько дней наступило улучшение. Кризис миновал, и мой друг начал поправляться.

Чем дальше, тем выздоровление шло быстрее. Даже старый доктор, всю жизнь лечивший собак, поражался живучести дога.

— Ну, и здоров, парень! — говорил он, выслушивая своего пациента, и, ласково улыбаясь, осторожно похлопывал его по спине. — Человек от такого кровопускания и чихнуть бы не успел, как на тот свет отправился бы, а этот ничего — здоровехонек!

Скоро была снята и повязка. Доктор говорил, что теперь она только раздражает рану и без нее заживление пойдет быстрее.

Когда на месте раны образовался продолговатый розовый шрам, я, захватив с собой и Снукки, увез ослабевшего от болезни друга в маленький уральский городок на берег реки Ирени, где я когда-то провел свое детство. Здесь целыми днями мы проводили время у реки, под живительными лучами солнца.

Природа — лучший врач. Солнце, воздух, вода и вкусная, питательная пища энергично делали свое дело.

Жизнь быстро возвращалась к Джери. Тело вновь налилось и окрепло. Вернулась былая сила. Шерсть приобрела, как и прежде, серебристый блеск, движения стали быстрыми и уверенными.

С утра до ночи носился он вместе с Снукки на свежем воздухе, поражая жителей городка, никогда не видевших догов, своей огромной величиной и красотой.

Приближался конец нашего отпуска. Последние дни мы почти совсем не покидали реки, стараясь как можно полней насладиться своим отдыхом.

Обширный заливной луг с высокой зеленой травой, на котором обычно мы проводили время, заканчивался у реки высоким глинистым обрывом. Ирень текла здесь, как в глубоком овраге, на осыпающейся кромке которого росли небольшие кустики мелколистной ивы.

Джери любил стоять на краю обрыва. Втянув шею, он деловито нюхал запахи, которые доносились с реки. Кромка берега медленно обваливалась под тяжестью

собаки, и сухие комья земли, шурша по отвесному склону обрыва, скатывались вниз.

Пес видел, как оседает земля, перебирал лапами, чуть отступая назад, но продолжал смотреть вниз, следя с любопытством за падением комьев.

Снукки, спасаясь от солнца, громко отпыхивалась в тени ивового куста.

Я окликнул дога:

— Джери!

Пес, виляя хвостом, подбежал ко мне, лизнул парным языком сналета в щеку и умчался резвиться на лугу.

Набегавшись досыта, он спустился к реке купаться. В отлогом месте обрыва к воде вела скользкая узенькая тропинка. У берега на приколе стояла небольшая долбленая лодка. Джери сунулся было в нее, едва не опрокинув утлое суденышко, отпрыгнул обратно и вошел в воду с берега.

Поплавав вволю, он опять побежал на луг кататься на спине кверху лапами или сосредоточенно ловить в густой высокой траве полевых мышей и лягушек.

В стороне несколько жителей заречной слободы косили траву. Двое косили, а третий сгребал скошенную траву граблями, набивал ею рогожные мешки и сносил их к реке в лодку.

Нагрузив свое небольшое судно доотказа, он приостановился на корме и осторожно отпихнулся веслом, направляясь к противоположному берегу.

Перегруженная лодка шла медленно: быстрое течение реки тащило ее вниз. Один мешок свалился за борт и кренил лодку на одну сторону.

Гребец осторожно привстал, чтобы поправить мешок. Верткая лодка качнулась, человек не удержал равновесия, взмахнул руками и, вскрикнув, опрокинулся в реку.

Как будто провалившись в пустоту, он мгновенно ушел под воду с головой. Немного погодя человек всплыл. Беспомощно ворочаясь в воде на одном месте и как будто подскакивая, утопающий старался спастись от заплескивавшей рот воды. Плавать он, видимо, не умел.

Он нелепо выбрасывал поочередно то одну, то другую руку над головой и истошно, срывающимся от смертельного ужаса голосом кричал:

— Тону... Спаси-и...

Вода захлестнула широко раскрытый рот на полуслове. Крик оборвался внезапно. Пустив несколько крупных, похожих на мыльные, пузырей, человек пошел ко дну. Секундой позже он вынырнул несколькими метрами ниже. Растерянно и уже не помня себя человек старался дотянуться до лодки, хотя до берега было значительно ближе. Опрокинутая вверх дном лодка быстро уплывала по течению. Мешки с травой, постепенно напиваясь водой, медленно погружались.

Я, сломя голову, бросился вниз по крутому откосу. Мужики, побросав работу, тоже бежали к берегу.

Вдруг мимо меня со свистом пронеслось массивное, растянутое в прыжке, серое тело Джери. Мелькнул длинный хвост, и с шумным всплеском воды дог обрушился в реку. Мне никогда не приходилось видеть, чтобы он прыгал с такой большой высоты.

Вода покрыла собаку с головой. Я вздрогнул от испуга. На мгновение я даже забыл о гнущем человеке и впился глазами в то место, где бухнулся мой друг. Не оглушило ли его падение? Он никогда не нырял раньше. Ушные раковины дога слишком открыты, и вода легко может проникнуть в них, а старые собаководы утверждают, что если вода попадет в уши собаки, то она пойдет ко дну...

Но нет, страхи мои оказались напрасны.

Джери мгновенно вынырнул и, прижав уши и оскалив пасть, загребая лапами, как лопатой, быстро поплыл к утопающему.

Я облегченно вздохнул. Мужики, сбегав по откосу, замерли у воды. Только сейчас у своих ног я заметил Снукки. Она тоненько повизгивала от волнения, бес толково суетилась и, не отрываясь, следила за Джери блестящими глазами.

Через несколько секунд Джери торопливо закружился около утопающего, выискивая удобный момент для хватки.

Человек еще боролся. Он то погружался в воду, то вновь выскакивал на поверхность. Вода захлестывала его. Он уже, видимо, ничего не соображал, а просто судорожно бился на одном месте.

Близость собаки вернула ему проблеск сознания. Схватив толстый, плавающий на воде, хвост дога, он повис на нем всей своей тяжестью. Внезапный груз этот с силой потянул собаку на дно, заставив и ее хлебнуть несколько глотков воды.

Дог торопливо обернулся к нему, но, что-то сообразив, принялся изо всех сил грести к берегу.

Как ни быстро все это произошло, но за это время течение успело уже и собаку и человека дотащить до обрыва, с которого еще так недавно Джери сталкивал комья земли.

Под обрывом в излучине реки темнел омут. Река здесь затихала, приостанавливала свой веселый, говорливый бег и, как бы насторожившись, тихо входила в коварную тишину омута. Обычный — вниз по течению — ход воды замедлялся, и она плавно начинала огибать омут по какой-то невидимой кривой. Сначала медленно, потом все быстрее, быстрее, пока не достигала середины его, где крутилась маленькая, как будто выточенная из базальта, воронка, и здесь, бурля, мгновенно проваливалась куда-то вниз.

Ирень всегда славилась коварством своего дна. Еще в детстве я и мои сверстники смертельно боялись ее омутов и подводных быстрых течений. Ребятишки избегали купаться поблизости от этого места. Стоило только пареньку отплыть подальше от берега, как сильная струя подхватывала его, увлекала за собой и втягивала в водоворот. Вырваться из этого водоворота без посторонней помощи было почти невыполнимым делом. Щепка, брошенная с обрыва в воду, мгновенно скрывалась под водой. Метров на десять ниже она выныривала, вся облепленная пеной и жирным донным илом.

Человека втянуло в водоворот первым. Руки его внезапно разжались и оказались выброшенными над головой. Растопыренные пальцы судорожно шевельнулись, голова дернулась, подскочила еще раз над водой и скрылась.

В этот момент вблизи от меня послышался новый громкий всплеск воды. Это Снукки, не выдержав, вбежала в воду и, выставив кверху черный кончик носа,

быстро перебирая лапами, спешила на помощь своему героическому другу.

Джери рванулся из последних сил. До половины туловища выскочил из реки, ухнул под воду, вынырнул, еще раз погрузился с головой, вновь выбросился на поверхность, лязгнув челюстями, сделал отчаянное усилие и... вырвался из водоворота.

Несколько ударов могучих лап, и Джери был уже у берега. Снукки тоже повернула обратно. Но, коснувшись лапами дна, Джери тотчас же обернулся назад и, стоя по грудь в воде, стал напряженно ловить глазами в густой тени омута. Бока его тяжело вздымались.

Один из мужиков, скинув сапоги, тоже всматривался в глубину, приготовившись нырнуть за утопленником.

Внезапно под водой мелькнуло человеческое тело. Дог стремительно вбежал в реку, всплыл, ткнулся мордой в воду, схватил тонувшего за одежду и потащил его к берегу.

Мужики и я ринулись помочь собаке. Человек еще был жив, но так нахлебался воды, что потерял сознание. После откачивания он пришел в себя.

Только тогда мы хватились спасителя. Он сидел на берегу, свесив концы лап над обрывом. С высунутого языка стекала густая, клейкая слюна. Наклонив набок голову, пес внимательно следил за нами.

Снукки стояла рядом и, взволнованно дыша, порывалась лизнуть прямо в раскрытую пасть друга.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Лопухий питомец	3
Мои открытия	7
Джери подрастает	11
Четвероногие школьники	17
На ринге	26
Рассказ о Топуше — победителе волков	32
Упрямый дог	38
Для чего нужны выставки	43
Съезд друзей	47
Неудача	50
В гостях у эрделиста	55
Рассказ о Джемми-альпинисте	59
Путешествие с эрделями	67
Рассказ о приключениях Арго	72
Друзья дома	77
Друзья на прогулке	85
Скрипуны	93
Новые заботы	100
Снукки на Чусовой	110
Доги в универмаге	123
Отдых на Ирени	129

Б. Рябинин. Мои друзья.
Свердловское областное издательство
1940 г. Индекс V-Д-26, изд. № 1462

<>

Редактор *К. В. Рождественская*
Технический редактор *А. С. Асс*
Корректор *Н. П. Лузина*
Иллюстрации художника *А. Г. Вязникова*
Обложка художника *С. Е. Кичай*

<>

Дано в набор 21 IX-39 г. Подвешено к
печати 13 VI-40 г.

Формат 60×92¹/₂. Объем: 4¹/₄ бум. л.,
1¹/₂ печ. л., 7,897 автор. л., 8,193 уч.-изд. л.
Тираж 10000. Бумага № 2 Камского
бумкомбината.

<>

полномоченный Свердловобллит №Б-4826

<>

Типография ОГИЗ'а РСФСР треста
«Полиграфкинг», Свердловск,
Банковский пер., 3. Заказ № 961.

<>

Цена книги в переплете 4 руб. 3 коп.

